В. А. ВЕРЕЩАГИНЪ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

II

РУССКАЯ КАРИКАТУРА

С·П·Б

1912

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/russkaiakarikatu02vere

В. А. ВЕРЕЩАГИНЪ

РУССКАЯ КАРИКАТУРА

III

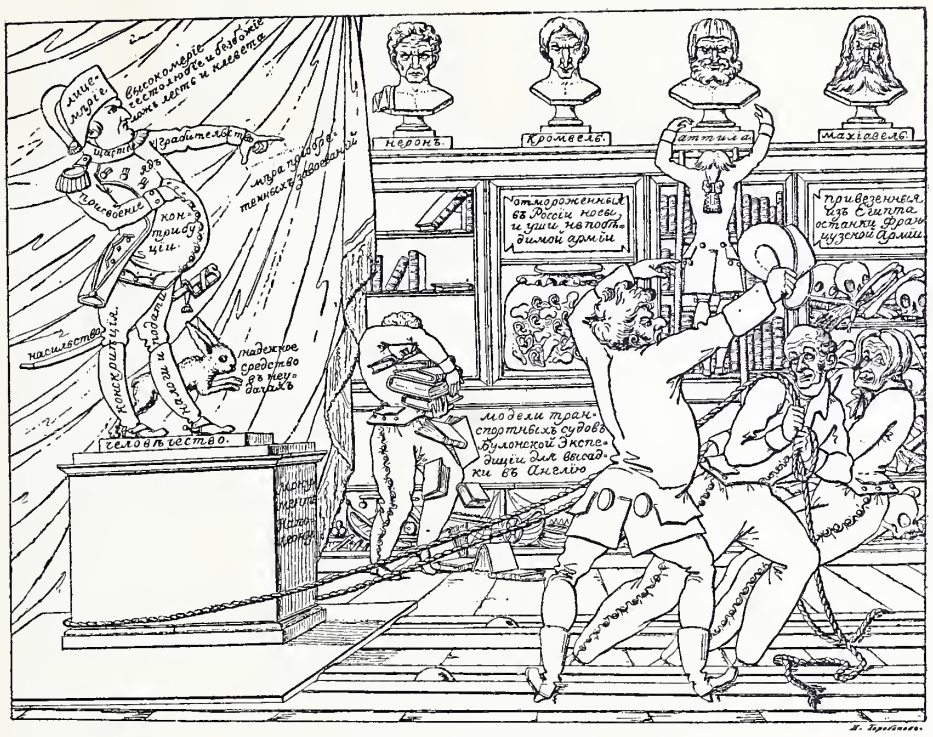
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Теребеневъ, Венеціановъ, Ивановъ

САНКТЪ ПЕТЕРБУРГЪ
1912

И. И. ТЕРЕБЕНЕВЪ.

Французскій вороній супъ. 231.



ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ТЕРЕБЕНЕВЪ.

1780—1815.

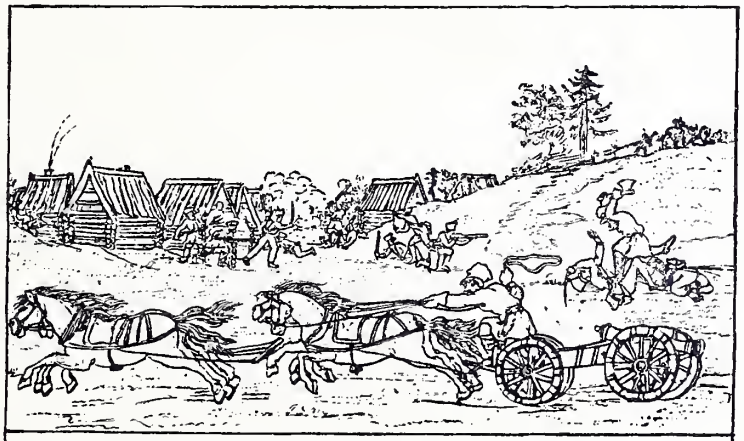
«Я подписавшійся отъ даю добровольно въ воспитательное при Императорской Академіи Художествъ училище, на основаніи академическаго устава, сына моего Ивана съ темъ, что до истеченія предписанныхъ въ уставѣ урочныхъ лѣтъ обратно, инеже на время, для какихъ бы то причинъ требовать не буду».

Такъ писалъ 2 іюня 1785 года малоизвѣстный художникъ и скульпторъ Иванъ Теребеневъ, помѣщая своего шестилѣтняго сына въ Академію Художествъ.[1] Пятнадцать лѣтъ спустя, одаренный блестящими способностями, юноша выпущенъ былъ изъ Академіи съ аттестатомъ 1-й степени, золо-

тою медалью за лѣпку барельефовъ и тремя серебряными медалями за лѣпку съ натуры и композицію. Кромѣ того, онъ былъ оставленъ при Академіи въ качествѣ пансіонера, что сулило ему путешествіе заграницу на казенный счетъ, для усовершенствованія въ искусствѣ и профессорское мѣсто.[2] Казалось, такимъ образомъ, что отечественное искусство должно было обогатиться произведеніями новаго, талантливаго скульптора.

Этимъ ожиданіямъ не суждено было сбыться. Слава и громкое имя ждали Теребенева на совершенно другомъ поприщѣ — художественной сатиры на французовъ въ Отечественную войну. «Избранная имъ часть скульптура» гласитъ его некрологъ, написанный его ближайшимъ другомъ, знаменитымъ филологомъ и поэтомъ А. Х. Востоковымъ, «была не та, къ которой онъ наибольшую чувствовалъ охоту и способность. Онъ болѣе расположенъ былъ къ живописи», прибавляетъ его біографъ, «хотя почти безъ всякаго прилежанія сталъ скульпторомъ превосходнымъ».[3]

Въ этомъ послѣднемъ отзывѣ Востоковъ едва ли не преувеличиваетъ достоинство Теребеневскихъ скульптуръ. Лучшія изъ немногихъ извѣстныхъ его произведеній — три декоративныхъ барельефа на фасадѣ Адмиралтейства: «Заведеніе флота», «Ѳемида» и «Увѣнчаніе художника» — отличаются холодностью замысла и сухостью исполненія. Грамотная ихъ лѣпка и извѣстная стильность далеко не окупаютъ отсутствія въ нихъ жизни и творческой силы. Ихъ классическія фигуры и группы могутъ только свидѣтельствовать о добросовѣстномъ выполненіи опытнымъ академическимъ ваятелемъ казеннаго заказа, выполненіи условномъ и бездушномъ, каковымъ ему и быть подобало въ рукахъ артиста, занимавшагося своей профессіей «безъ увлеченія».[4] Академія дала Теребеневу хорошую школу и развила его талантъ, но любви къ дѣлу, той живой любви, безъ которой блѣднѣютъ и школа и талантъ, она ему дать не могла. Теребеневъ никакой склонности къ скульптурѣ не чувствовалъ, «приневоливъ себя»,



Ѣду съ Французскою пушкой въ свой станъ
Нашъ братъ не промахъ какъ ты бугурманъ.

Ухъ! какъ устала ты любезная, отъ насъ;
Ну, баюшки баю, поспи еще хоть часъ.

какъ оказывается, обучаться этому искусству «только по нѣкоторымъ уваженіямъ». Объ этихъ «уваженіяхъ» Востоковъ благоразумно умалчиваетъ. Заключались же они въ томъ, что Президентъ Академіи насильно перевелъ его изъ класса живописнаго въ скульптурный, — по недостатку въ послѣднемъ классѣ учениковъ.

Біографическія свѣдѣнія о Теребеневѣ, какъ о всякомъ русскомъ мастерѣ, особенно прежняго времени, въ высшей степени скудны. Мы имѣемъ, тѣмъ не менѣе, возможность, благодаря его дружбѣ съ Востоковымъ, составить себѣ представленіе о его личности, нѣсколько болѣе опредѣленное, чѣмъ о какомъ бы то ни было изъ современныхъ ему скульпторовъ и художниковъ.

«Съ рѣдкими дарованіями», говоритъ Востоковъ въ некрологѣ Теребенева, «онъ соединялъ энтузіазмъ ко всему изящному и сердце до того доброе, что оно завлекало его помогать другимъ, между тѣмъ какъ самъ онъ нуждался».

Этой теплой и сердечной характеристикѣ, почему то, особенно хочется вѣрить. Русскому человѣку, жившему во всѣ времена его исторической жизни болѣе сердцемъ, чѣмъ разумомъ, всегда были свойственны такіе порывы состраданія и жалости къ чужому несчастью, порывы беззавѣтнаго самозабвенія. Въ «чувствительную» эпоху начала Александровскаго царствованія, такіе люди должны были встрѣчаться особенно часто.

Нѣкоторыя же другія, передаваемыя Востоковымъ, подробности о покойномъ его другѣ, заслуживаютъ менѣе довѣрія. Такъ мы, узнаемъ, между прочимъ, что Теребеневъ не воспользовался предоставленною ему возможностью остаться при Академіи, благодаря «пылкости и легкомыслію характера, не терпящаго принужденія». Онъ не смогъ, будто-бы, подчиниться правиламъ пансіонерской жизни и «рѣшилъ идти своимъ путемъ неопытнаго и безпечнаго юноши, который натурально не велъ ни къ храму славы, ни къ храму богат-

Усердная поставка рекрутъ отъ французскаго народа. 221.

ства». Въ 1805 году Теребеневъ уѣхалъ изъ Петербурга, принявъ предложенное ему мѣсто учителя рисованія въ Тверской гимназіи.[5]

Здѣсь уже въ словахъ Востокова точно чувствуется какая то недомолвка. Можно-ли, дѣйствительно, допустить мысль, чтобы Теребеневъ, боровшійся всю жизнь съ нуждой и лишеніями и оставившій по смерти семью въ нищетѣ, рѣшился отказаться отъ ожидаемыхъ благъ: путешествія заграницу и блестящей будущности, исключительно по «пылкости и легкомыслію»? И не вѣроятнѣе ли предположеніе, что Востоковъ умолчалъ о какихъ либо постороннихъ причинахъ его рѣшенія, какъ скрылъ онъ и тѣ «уваженія», по которымъ Теребеневъ «приневолилъ» себя обучаться скульптурѣ?

Трудно также повѣрить тому, чтобы онъ не смогъ подчиниться правиламъ неизвѣданной имъ пансіонерской жизни. Эта жизнь, на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ осуществляемаго въ Римѣ нашей Академіей довольно поверхностнаго надзора, никакими особыми стѣсненіями обставлена не была, не представляя даже той «художественной отупляющей казармы», въ которой жили пансіонеры, хотя бы, академіи французской.

Не указываютъ на такой «пылъ и легкомысліе» и всѣ остальныя свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ о жизни Теребенева: вступленіе его въ серьезное литературное и политическое Общество любителей словесности, наукъ и художествъ и переписка съ Востоковымъ.

Самый характеръ, наконецъ, и исключительныя особенности того времени, въ которое Теребеневъ начиналъ жизнь, воздѣйствовали бы совершенно иначе на его нравственную личность, если Востоковъ былъ правъ, характеризуя его пылкимъ и легкомысленнымъ юношей. Это удивительное время окрылило бы въ такомъ случаѣ молодой его пылъ своимъ страстнымъ порывомъ и безумной мечтой, свѣтлымъ очарованіемъ надежды. Въ томъ трепетѣ душевнаго

подъема, которое охватило современное ему общество, впечатлительный юноша съумѣлъ бы найти вдохновенный источникъ творческой силы, мысли и слова. Если онъ этого источника не нашелъ, если сила, слово и мысль въ немъ проявлялись незамѣтно и блѣдно, то виной тому не излишекъ, конечно, а скорѣе недостатокъ воспріимчивости, такъ какъ вся его эпоха была, именно, эпохой вдохновенія и подъема,— одной изъ лучезарныхъ страницъ нашей исторіи.

Послѣ мрачныхъ дней царствованія Императора Павла и его трагической кончины вступаетъ, яркимъ контрастомъ, на престолъ его сынъ, чьи благородныя чувства и великодушныя стремленія предвѣщали крутой поворотъ отечественнаго быта въ сторону прогресса. Впервые еще въ жизни Россіи либеральныя идеи получаютъ права гражданства. Около Престола собираются люди, извѣстные своими склонностями къ свободнымъ учрежденіямъ Англіи: Чарторижскій, Новосильцевъ, Строгановъ. Открываются университеты, гимназіи, училища. Носятся и созрѣваютъ мысли объ отвѣтственности власти исполнительной, идеалы представительства, мечты объ уничтоженіи крѣпостного права. Наступаетъ, однимъ словомъ, единственная въ исторіи русскаго народа пора просвѣщеннаго и гуманнаго либерализма, одобряемаго свыше. Вся мыслящая и образованная Россія ликуетъ, ученые, писатели и поэты прославляютъ Александра, настраиваетъ свою старую лиру Херасковъ — «всякъ чувствуетъ свое блаженство: вельможа, воинъ и пастухъ». Незнакомые люди, при встрѣчѣ на улицѣ, другъ друга цѣлуютъ и обнимаютъ, и плачутъ отъ радости. [6]

Естественно, что, подъ защитой такого либеральнаго настроенія и перемѣны пріемовъ и отношеній государственной власти къ крупнымъ общественнымъ вопросамъ, развивается у насъ свободная мысль и свободное слово. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ соотвѣтствіи съ такимъ взаимнымъ довѣріемъ правительства и общества, въ литературѣ и поэзіи появляются но-

выя силы,— люди молодые и энергичные. Цѣлая плеяда такихъ юныхъ и талантливыхъ писателей знакомятъ русское общество съ произведеніями знаменитыхъ европейскихъ мыслителей и основаніями правильнаго политическаго устройства, стремясь примирить эти основанія, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ требованіями русской дѣйствительности. Воодушевленная надеждой, содѣйствовать преуспѣянію отечества, молодежь Александровскаго времени умѣетъ, съ чисто политическимъ направленіемъ и попытками европейскаго взгляда на вещи, соединить въ себѣ наивную вѣру, горячую любовь къ родинѣ и беззавѣтную преданность Престолу. Такъ образовываются первые въ Россіи политическо-литературные союзы и кружки. Подобнымъ же кружкомъ было и «Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ», въ которое Теребеневъ, по предложенію художника И. А. Иванова и А. Х. Востокова, поступилъ 8 февраля 1803 года «по части художествъ».[7]

Дѣятельность Общества, членомъ котораго Теребеневъ состоялъ въ продолженіи восьми лѣтъ, достаточно мѣтко и красочно характеризуетъ его эпоху и личность, чтобы объяснить допускаемое мною въ послѣдующемъ изложеніи уклоненіе отъ непосредственной задачи настоящаго очерка.

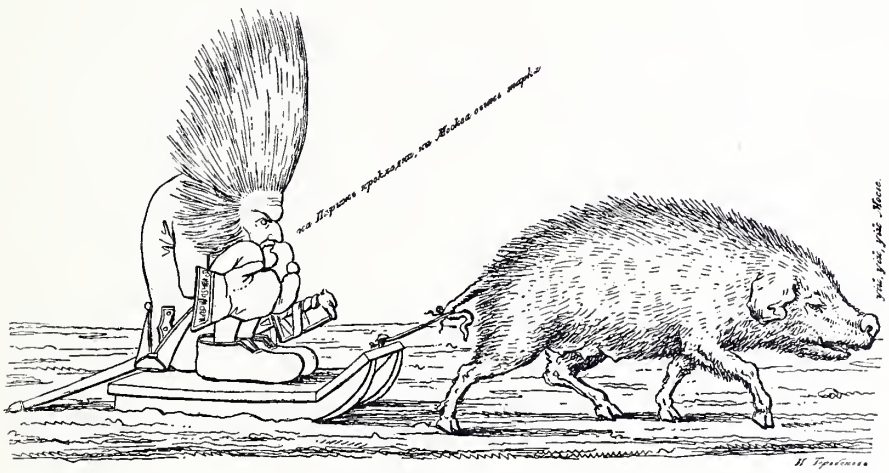
Вольное Общество было основано въ 1801 году шестью студентами, только что выпущенными изъ бывшей при Академіи Наукъ гимназіи: В. Попугаевымъ, И. Борномъ, В. Дмитріевымъ, А. Волковымъ, В. Красовскимъ и М. Михайловымъ. Въ немъ существовало два направленія, — одно собственно литературное, другое — соціально

политическое. Первое выражалось сочиненіями и разборомъ въ періодическихъ собраніяхъ разныхъ литературныхъ произведеній и стиховъ въ господствовавшемъ тогда сантиментальномъ вкусѣ; второе — въ чтеніи переводовъ изъ разныхъ свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII вѣка, или собственныхъ статей на тѣ же темы. И тѣ и другіе печатались въ издававшемся при Обществѣ періодическомъ журналѣ.[8] Самымъ выдающимся его сотрудникомъ былъ Василій Васильевичъ Попугаевъ, — «пламенный, эксцентричный поэтъ и писатель, неистовый другъ правды и гонитель зла, благородный и простодушный, бывшій предметомъ насмѣшки со стороны людей, его не понимавшихъ и не стоившихъ». Такъ характеризуетъ Попугаева знавшій его лично Н. Гречъ,[9] — такимъ же онъ представляется и намъ въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ и замѣткахъ.

Личность Попугаева невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе. Талантливый юноша-мечтатель, отдавшій свои силы безкорыстной и пламенной политической проповѣди и благороднымъ идеаламъ торжествующей правды, свѣта и всеобщаго счастья, задавшійся въ началѣ Александровскаго царствованія такими мечтами и цѣлями, которыя не вполнѣ осуществлены и черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, — это безспорно такое крупное общественное явленіе, которое заслуживаетъ серьезнаго и самостоятельнаго изслѣдованія. Подобное изслѣдованіе было бы здѣсь не у мѣста. Но краткая характеристика убѣжденій и мыслей Попугаева имѣетъ значеніе уже по одному тому, что можно съ большою вѣроятностью предполагать существованіе между нимъ и Теребеневымъ извѣстной близости отношеній, а, быть можетъ, и солидарности мыслей.

На такую близость указываетъ выходъ Теребенева изъ Общества въ самый день исключенія Попугаева за какую то темную исторію, не оставившую въ лѣтописяхъ Общества ни малѣйшаго слѣда.[10] О томъ же, отчасти, свидѣтельствуютъ и

письма Теребенева къ Востокову. А истина, старая какъ свѣтъ, насъ давно учитъ тому, что главнѣйшимъ основаніемъ человѣческихъ общеній, когда эти общенія переступаютъ границы безразличія, служитъ сродство мыслей и чувствъ. Та же истина утверждаетъ, что человѣкъ узнается лучше всего по своимъ пріязнямъ и дружбамъ. Мысли и идеалы Попугаева могутъ освѣтить намъ, такимъ образомъ, своимъ содержаніемъ туманный и неясный нравственный обликъ Теребенева, отражаясь на немъ, какъ яркое въ картинѣ пятно на фонѣ тусклыхъ, его окружающихъ красокъ. И этого достаточно, чтобы обратить на нихъ вниманіе.



Попугаевъ писалъ много и часто, стихами и прозой. Въ статьяхъ своихъ онъ касается всевозможныхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, смѣло и бойко затрогивая новыя идеи о политическомъ устройствѣ, свободѣ личности, высокомъ значеніи науки и литературы и уничтоженіи эгоизма сословнаго и семейнаго.

Современное ему воспитаніе, основанное исключительно на знаніи французскаго языка, вмѣсто достойныхъ гражданъ,

«доставляетъ», по его мнѣнію, «пустыхъ говоруновъ, танцоровъ, театральныхъ героевъ и куколъ».

Пишетъ онъ также и о томъ, что «одни провинціалы наши въ своихъ степныхъ изгородахъ гордятся своимъ достоинствомъ надъ крестьянами» и что «сіе одно ставить себѣ въ достоинство стыдно».

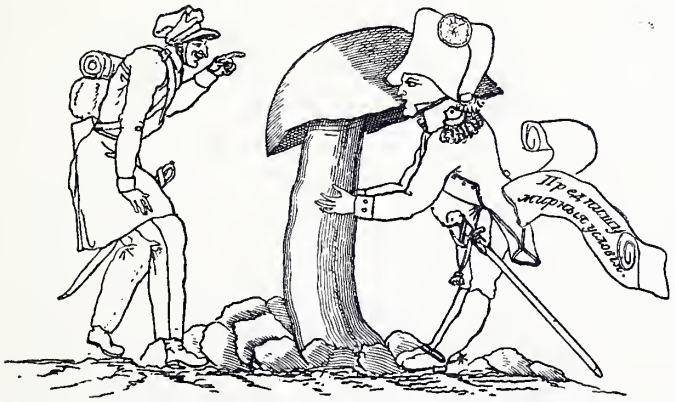
Критикуетъ, затѣмъ, Попугаевъ, хотя въ очень общихъ чертахъ, и современный ему политическій строй. «Всѣ монархическія правленія», говоритъ онъ въ своей статьѣ о благоденствіи народныхъ обществъ, «имѣютъ одну погрѣшность, а именно отсутствіе твердыхъ законовъ и особенно конституціи; политическая сила пребываетъ только въ одномъ Государѣ, народъ же на оную никакого вліянія не имѣетъ». Усматривая изъ такого сосредоточенія безграничной власти въ рукахъ одного лица обращеніе «физическихъ силъ народа въ слѣпое орудіе злыхъ или добрыхъ дѣяній, сообразно частной волѣ», онъ приходитъ къ слѣдующему смѣлому заключенію: «А какъ воля сія не имѣетъ иного обузданія кромѣ собственнаго разсудка, который и у государей великихъ, столь рѣдкихъ, помрачается куреніями лести, то народы часто страждутъ отъ ига деспотовъ».

Чрезвычайно типично, при этомъ, для эпохи, что цензурный комитетъ Вольнаго Общества и его главный цензоръ и секретарь А. Востоковъ, котораго нельзя, во всякомъ случаѣ, заподозрить въ неблагонамѣренномъ направленіи, свободно пропустилъ статью Попугаева, найдя лишь необходимымъ «нѣсколько поумѣрить его выраженія». И единственное мѣсто этой статьи, которое онъ пропустить не рѣшился, было выраженное авторомъ мнѣніе о томъ, что «въ большихъ и многолюдныхъ областяхъ избраніе первенствующаго лица не только не вредно, но даже полезно».

Не менѣе оригинально и то, что, при явномъ свободомысліи Попугаева, онъ не скрывалъ своей горячей привязанности къ историческому укладу русской жизни, искренно пре-

клоняясь, хотя бы, напримѣръ, передъ Петромъ и Екатериной. «Тѣ, которые осмѣливаются дерзать перомъ своимъ злословить величайшихъ людей и монарховъ Петра и Екатерину», нападаетъ Попугаевъ на какого то историка, «должны удалиться отъ храма Исторіи, закрывъ лицо непроницаемой завѣсой, дабы свѣтъ не могъ видѣть срама ихъ. Пусть они пишутъ романы», прибавляетъ онъ иронически, — «des histoires scandaleuses» (счастливы мы, что въ нашей жизни нѣтъ термина для выраженія сего рода сочиненій), — но и то для площадей, гдѣ встрѣчаются имъ подобные». [11]

Такимъ безкорыстнымъ идеалистомъ съ благородными цѣлями и возвышенными мечтаніями, представляется въ своихъ произведеніяхъ В. В. Попугаевъ. Къ такому же типу людей по направленію мыслей, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ подходить и Теребеневъ. Уже одно вступленіе его въ Общество и долголѣтнее въ немъ пребываніе, даютъ основаніе предполагать извѣстное сочувствіе съ его стороны тревожнымъ исканіямъ эпохи, его отношенія съ Попугаевымъ подтверждаютъ это предположеніе.



Участіе Теребенева въ дѣлахъ Общества до отъѣзда въ Тверь выражалось, повидимому, лишь въ болѣе или менѣе аккуратномъ посѣщеніи засѣданій. О какомъ либо активномъ его выступленіи за это время не имѣется свѣдѣній ни въ протоколахъ Общества, ни въ дневникѣ Во-

стокова, который, кстати сказать, лаконичен до крайности, заключая въ себѣ сухой перечень фактовъ безъ всякаго субъективнаго ихъ освѣщенія. Изъ писемъ Теребенева къ Востокову видно, однако, насколько интересы Общества были ему дороги и близки.

Оставляя въ 1805 году Петербургъ, Теребеневъ получилъ отъ Общества порученіе «объ отысканіи въ Твери рѣдкостей, къ отечественной исторіи относящихся». Для насъ это порученіе имѣетъ особое значеніе, какъ драгоцѣнное указаніе на пробуждавшійся тогда въ Россіи интересъ къ изученію старины, — интересъ, захватившій насъ теперь, слишкомъ поздно, быть можетъ, для ея полнаго возстановленія въ нашей памяти. Но и тогда уже старины было мало. По словамъ Тверскихъ старожилъ, частые набѣги и разоренія отъ татаръ и поляковъ, а особенно сильные пожары, уничтожили всякія историческія воспоминанія.

Порученіе Общества, видимо, Теребенева занимало, помогая переносить удручающую скуку и неудобства жизни въ провинціи. А неудобства были такія, что вести и его несложное хозяйство было «весьма не шутка», какъ пишетъ онъ Востокову. «Кто, даже имѣя собственный клокъ земли, не обрабатывалъ его въ надлежащее время, зимой ни за какія деньги ничего достать не могъ». [12]

Несмотря на усердные поиски по казеннымъ и частнымъ хранилищамъ, Теребеневу ничего въ Твери найдти не удавалось. «Богъ свидѣтель, милостивый государь мой Александръ Христофоровичъ», жалуется онъ другу, «что рѣдкостей въ Твери никакихъ не находится» и спрашиваетъ совѣта о томъ, какъ ему оправдаться передъ обществомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ, наконецъ, сообщаетъ, что ему удалось обнаружить у какого то купца старинную печать «Великаго Новгорода». Посылая слѣпокъ Востокову и прося указаній, онъ, на одобрительный отвѣтъ послѣдняго, убѣждаетъ своего предмѣстника Сухарева выпросить для Общества эту печать у

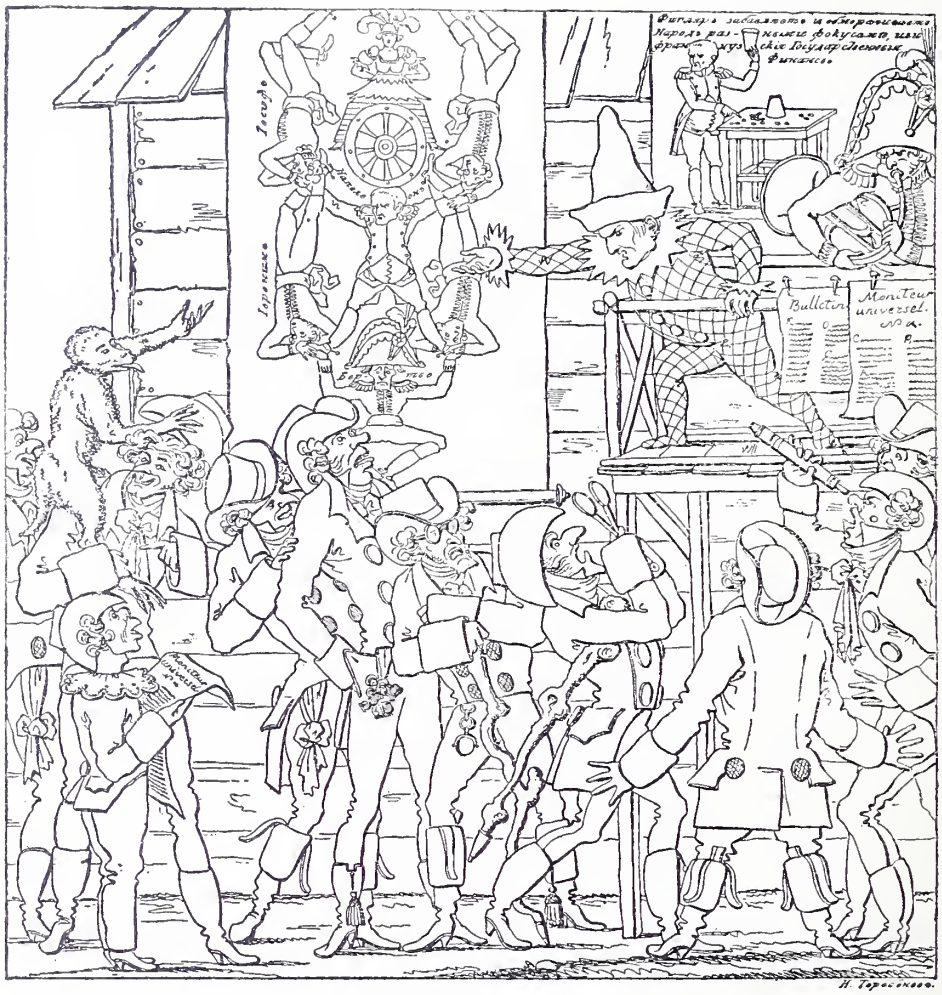
Оправданіе Наполеона передъ народомъ по прибытіи его въ Парижъ. 143.

купца, который «торговать товаромъ, купленнымъ по нечаянной случайности не желалъ, и частному человѣку не склонялся ни продать ее ни подарить». Печать эту Теребеневъ послалъ Попугаеву для передачи Обществу.

Вотъ всѣ тѣ указанія, которыя заключаются въ письмахъ Теребенева, относительно его участія въ дѣлахъ Общества. Но прелесть его писемъ не въ этихъ указаніяхъ. Въ нихъ имѣются также свѣдѣнія чисто личнаго для Теребенева характера, которыя тѣмъ болѣе интересны, что написаны со всею простотою и откровенностью непосредственнаго впечатлѣнія, безъ рисовки и позы, такъ часто присущихъ всякой перепискѣ, даже интимной и дружеской. Интересны они еще и по своеобразнымъ оборотамъ и «словечкамъ», которыя вырываются изъ подъ пера Теребенева, очевидно совершенно обыденнымъ для его времени, — для насъ же, имѣющимъ неотразимое обаяніе давно пережитого и далекаго.

Въ этихъ блесткахъ прошлаго, до насъ случайно долетѣвшихъ, воскресаетъ передъ нами полный жизненной правды обликъ скромнаго труженика, добраго и благороднаго, прямого и честнаго, зарывшаго свои способности въ медвѣжьемъ углу, забитаго судьбою. И, несмотря на разлуку съ друзьями, на полное отсутствіе общности интересовъ съ окружавшими его людьми и ничтожный заработокъ, еле достаточный для пропитанія семьи, въ Теребеневѣ не чувствуется ни злобы, ни ненависти. Онъ переноситъ всѣ удары судьбы съ чисто славянскимъ смиреніемъ и только выражаетъ постоянно и настойчиво въ каждомъ письмѣ, въ каждомъ помыслѣ, страстное желаніе вернуться къ друзьямъ, къ заброшенному имъ поневолѣ искусству, стремленіе спастись отъ постепенно засасывающей тины ужасающей жизни въ провинціи. Пускай хлопочетъ кто можетъ: Востоковъ, Попугаевъ, лишь бы ему скорѣе уѣхать изъ Твери, — онъ тамъ долго оставаться не въ состояніи.

Начавъ переписку съ Востоковымъ черезъ годъ по отъѣздѣ изъ Петербурга и съ сердечной тоской вспоминая «бла-



женное» время совмѣстной ихъ жизни, Теребеневъ объясняетъ свое молчаніе недостаткомъ времени. «Какъ нищій», пишетъ онъ другу, «который, вставъ вмѣстѣ съ солнцемъ, является подъ окномъ какого нибудь дому и жалостнымъ тономъ вымаливаетъ себѣ подаяніе, такъ и я преподаваемыми уроками ищу пропитанія».

Получалъ же Теребеневъ за уроки всего по 50 копѣекъ, да и такихъ уроковъ у него было мало, такъ какъ богатые Тверитяне

относились къ просвѣщенію своихъ дѣтей съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, «предпочитая погребать каниталъ свой въ сундукахъ». Въ Твери Теребеневъ женился на бѣдной дѣвушкѣ, за которой онъ, по его собственнымъ словамъ, взялъ въ приданое «одинъ баулъ и нѣсколько паръ платья и бѣлья», что не мѣшало ему находить свой выборъ исключительно удачнымъ. «Я ею совершенно счастливъ», признается онъ Востокову и въ слѣдующихъ типичныхъ выраженіяхъ даетъ характеристику ея внѣшности и нравственныхъ качествъ. «Она собою изрядна, хотя ростъ ея нѣсколько малъ (какая жъ нужда до того), добра, короче сказать, очень любезна и, что еще, при всѣхъ добрыхъ наклонностяхъ души, имѣетъ неоцѣненный и божественный даръ — чувствительность, безъ чего всякая женщина мертва».

Удачная женитьба не разсѣяла, однако, «снѣдающей его скуки», отъ которой, какъ писалъ онъ, «не спасали его ни жена, ни философія». Профессіей же своей — скульптурой, онъ заниматься не могъ, такъ какъ необходимой для этого глины въ Твери достать было нельзя, а провозъ ея изъ Москвы обошелся бы дороже матеріала. Кромѣ того «модель моя», говоритъ Теребеневъ, «безъ формы, какъ скрипка безъ струнъ совсѣмъ не дѣйствительна, формовать же я не мастеръ, а формовщиковъ въ Твери и не важивалось».

Онъ нашелъ, наконецъ, нѣкоторое развлеченіе въ рисованіи и въ одномъ изъ писемъ радостно увѣдомляетъ Востокова, что имъ уже исполнены карандашемъ, тушью и соковыми красками 10 рисунковъ, а именно: «Муцій Сцевола», — «Пигмаліонъ, влюбленный въ свою статую», — три пейзажа, — «Наталья боярская дочь» и — «Бѣдная Лиза» для сочиненій Карамзина, — «добродѣтельная Римлянка», по заказу мѣстнаго вице-губернатора Арсеньева, — «Сафо, бросающаяся со скалы въ море» и аллегорія на «Начало происхожденія художествъ, которая изображаетъ пастуха, очерчивающаго профиль своей любезной пастушки на корѣ дерева». Кромѣ того, Теребе-

невъ задумалъ выполнить какой нибудь эскизъ изъ русской исторіи, съ тѣмъ, чтобы, черезъ Вольное Общество или черезъ товарища министра народнаго просвѣщенія Н. Н. Муравьева, поднести свое произведеніе Государю. Онъ, очевидно, надѣялся этимъ путемъ скорѣе добиться отставки, которую, наконецъ, и получилъ, благодаря хлопотамъ Петербургскихъ друзей въ декабрѣ 1806 года.[13]

Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, Теребеневъ просилъ Востокова похлопотать о назначеніи на его мѣсто бывшаго предмѣстника своего Сухарева, который былъ имъ замѣщенъ только потому, что опасно заболѣлъ. Указывая на его несчастное положеніе, Теребеневъ прибавляетъ, что, если бы онъ зналъ до пріѣзда своего въ Тверь, что Сухаревъ былъ смѣщенъ по болѣзни, то лучше «согласился-бы потерять мѣсто, чѣмъ сдѣлать человѣка несчастнымъ». Въ послѣднемъ же письмѣ Теребеневъ сообщаетъ, между прочимъ, о томъ, что черезъ Тверь провезли «въ цѣпяхъ заклепаннаго», бывшаго его товарища, Степанова, сосланнаго на каторгу за передачу еврею Мейеровичу важныхъ документовъ о размѣщеніи русскихъ войскъ, для снятія съ нихъ копій и передачи французамъ. «Тебѣ извѣстно», пишетъ онъ Востокову, «сколь Государь любилъ и щедръ былъ для варвара сего и продавца отечества; и такъ онъ отогрѣвалъ змѣю лютѣйшую..... но забудемъ о немъ, онъ недостоинъ сожалѣнія».[14]

По возвращеніи въ Петербургъ, въ январѣ 1807 года, Теребеневъ продолжалъ поддерживать болѣе или менѣе постоянную связь съ Вольнымъ Обществомъ и вышелъ изъ него только 11 марта 1811 года,—въ день исключенія Попугаева. Само же Общество просуществовало еще около 13 лѣтъ, хотя совершенно отказавшись отъ всякихъ вожделѣній политическаго характера. И, дѣйствительно, его прежнія задачи стали предосудительны, цѣли — несовременны.

Настала суровая эпоха рѣзкаго поворота внутренней политики Россіи на сторону реакціи. Радужныя упованія и на-

Карантинъ для Наполеона по возвращеніи его изъ Россіи. 75.

дежды первыхъ лѣтъ царствованія Александра не оправдались, — Александръ измѣнился. Его полная неустойчивость взглядовъ и знаменитая склонность къ «противочувствованіямъ», благодаря которой въ немъ мирно уживались идеалы конституціи съ вліяніемъ Аракчеева, мечты объ отмѣнѣ крѣпостного права съ военными поселеніями, стали опредѣленно увлекать его на путь обратныхъ реформъ. Тильзитскій миръ, Отечественная война, и охватившій его впослѣдствіи мистицизмъ, еще болѣе поколебали въ немъ уваженіе къ личности и законности, окончательно пошатнувъ вѣру въ людей. Не мало помогла этой перемѣнѣ воззрѣній и мыслей, начавшаяся съ первыхъ же лѣтъ его царствованія, при могучей поддержкѣ вдовствующей Императрицы, косная проповѣдь общественнаго застоя, проповѣдь рабства и вражды.

Державинъ возставалъ противъ всякихъ новшествъ, объясняя французскую революцію «излишней царской добротой». Карамзинъ смотрѣлъ на каждое нововведеніе какъ на зло, доказывая преимущество охранительной мудрости передъ творческой. Шишковъ, возмущаясь противъ «лжемудрыхъ умствованій и вѣтротлѣнныхъ мечтаній», находилъ, что самого Карамзина слѣдуетъ осадить назадъ за произведенную имъ перемѣну литературнаго слога, скрывавшаго, по его мнѣнію, неблагонамѣренное направленіе. Выступалъ Магницкій, съ своимъ «чугуннымъ» цензурнымъ уставомъ и оффиціальной наукой, добродѣтелью и благочестіемъ, — лицемѣріемъ и ложью. Фанатику Фотію мерещился грозный призракъ революціи. Мечты юности Александра становились удѣломъ тайныхъ обществъ конца его царствованія. При такихъ измѣнившихся общественныхъ условіяхъ, политическая жизнь того передового кружка, въ который входили Попугаевъ и Теребеневъ могла только прозябать, оставались одни литературные интересы, но ихъ было недостаточно. — Въ первой половинѣ 20-хъ годовъ Вольное Общество распалось.

Въ артистической жизни Теребенева еще болѣе пробѣловъ, чѣмъ въ частной его дѣятельности. Намъ извѣстно, что имъ исполнены нѣсколько фигуръ и барельефовъ аллегорическаго содержанія для зданія Адмиралтейства, барельефы и фигуры воиновъ для старыхъ Нарвскихъ воротъ, замѣненныхъ въ 1833 году новыми, исполненными по тѣмъ же рисункамъ, и барельефы на статуѣ Петра Великаго, воздвигнутой Императоромъ Павломъ, которые онъ вылѣпилъ еще въ 1800 году вмѣстѣ съ Монсеевымъ и Демутомъ, за что получилъ золотую медаль. Изъ тѣхъ же архивныхъ свѣдѣній мы узнаемъ, что ему были поручены нѣкоторыя скульптурныя работы для зала Биржи, въ которыхъ онъ, почему то, не принялъ участія, несмотря на подробно имъ составленную по заказу этому смѣту.[15] Самъ Теребеневъ сообщаетъ, наконецъ, какъ мы видѣли, въ письмахъ къ Востокову, что, за пребываніе въ Твери, онъ выполнилъ десять, подробно перечисленныхъ имъ, рисунковъ.

Можно ли, однако, предполагать, что все его художественное творчество ограничилось этими немногими произведеніями за тѣ 12 лѣтъ, которыя раздѣляютъ его выходъ изъ Академіи отъ появленія первыхъ карикатуръ? Такое предположеніе было бы, очевидно, неосновательно. И до поѣздки въ Тверь и, особенно, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, когда онъ успѣлъ обзавестись уже семьей, Теребеневъ, за полнымъ отсутствіемъ средствъ, долженъ былъ работать усиленно для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. «При жизни», говоритъ Востоковъ, «его ра-

Широкъ въ плечахъ Французъ, ни что его неимётъ;
А вось либо моя Нагайка зашибётъ.

Асъ! право глухъ мусье, что мучитъ старика;
Коль надобно чего, спросите козáка.

боты доставляли ему безнужное пропитаніе».[16] Гдѣ же эти работы, и чѣмъ именно онъ жилъ, чѣмъ кормилъ и воспиталъ свою семью? Всѣ эти вопросы не находятъ отвѣта ни въ сухихъ формулярахъ Академіи, ни въ запискахъ современниковъ, ни въ дневникѣ его друга.

Весьма вѣроятно, такимъ образомъ, что многіе изъ бойкихъ рисунковъ: портреты, аллегоріи, шаржи или жанры, бережно хранящіеся въ папкахъ любителей и приписываемые, за отсутствіемъ подписи, неизвѣстнымъ мастерамъ, исполнены Теребеневымъ. И съ подобною изумительною скудостью свѣдѣній, при изученіи жизни и дѣятельности всякаго русскаго мастера прежняго времени и фактическою невозможностью ихъ восполнить, необходимо поневолѣ примириться каждому изслѣдователю, хотя бы это отсутствіе данныхъ и вызвало впослѣдствіи обычные упреки въ неполнотѣ его труда. Такіе упреки могутъ исходить лишь отъ лицъ, не имѣющихъ никакого представленія о непроницаемомъ туманѣ всего прошлаго русской художественной жизни.

Какъ бы то ни было, но тотъ тернистый путь отъ темной неизвѣстности къ первымъ лучамъ славы, черезъ который, вѣроятно, наравнѣ со многими другими, прошелъ и Теребеневъ, путь униженій и борьбы, отчаянія и надежды, не оправдавшихся тревожныхъ запросовъ отъ жизни, — намъ почти неизвѣстенъ. Теребеневъ появляется передъ нами, какъ скользящій по небу метеоръ и также быстро исчезаетъ, не успѣвъ даже дожить до конца той великой исторической эпохи, которой онъ посвятилъ свои силы.

Первыя извѣстныя графическія произведенія Теребенева появились въ февралѣ 1813 года.[17] Это были карикатуры на французовъ, главнымъ образомъ, на Наполеона, рисованныя и гравированныя имъ самимъ офортомъ на мѣди, въ контурахъ для раскраски и выпускавшіяся отдѣльными листами. Листы эти продавались въ хорошей раскраскѣ по $1^1/_2$ — 2 р. за листъ, а въ плохой — гораздо дешевле и сразу же получили

Ретирада французской конницы, которая съѣла своихъ лошадей въ Россіи. 177.

обширный сбытъ во всѣхъ слояхъ общества, вызвавъ, къ тому же, многочисленныхъ и, большею частью, безъимянныхъ подражателей. Такому громкому успѣху Теребеневскія работы были обязаны ни качеству рисунка, мало вообще тогда цѣнимаго, ни остроумію легендъ, часто отличавшихся, напротивъ, его полнымъ отсутствіемъ. Едва ли могло значительно вліять на ихъ сбытъ даже то обстоятельство, что, за исключеніемъ лубочныхъ произведеній народнаго юмора и неудавшагося Венеціановскаго «Журнала карикатуръ на 1808 годъ», Теребеневскіе листы являлись первенцами русской карикатуры національной и политической Всѣ эти причины недостаточно и неполно объясняютъ необычайное ихъ распространеніе и не въ нихъ его разгадка.

Вся суть дѣла въ томъ, что въ той борьбѣ самолюбій и тщеславій, которая именуется общественною жизнью, Теребеневъ и его послѣдователи во время использовали глубоко уязвленное національное самолюбіе и страстное желаніе искупить торжествомъ долгіе годы борьбы и отчаянія. Обличительной правдѣ о томъ обществѣ, въ которомъ жилъ Теребеневъ, не было мѣста. Отвѣчая общественнымъ настроеніямъ и интересамъ эпохи, сатира того времени могла обрушиться только на ненавистнаго врага и облечься въ ту именно форму, въ которую она облеклась — искаженнаго преувеличенія истины, несправедливыхъ нападокъ, нескрываемаго торжества и безжалостныхъ насмѣшекъ.

Правда, настроеніе, вызвавшее такую сатиру, существовало давно, а сатира молчала, но тогда врагъ былъ силенъ и опасенъ, а теперь онъ побѣжденъ и безпомощенъ. Это, конечно, едва ли благородно, но благородства отъ нея и не требовалось. Въ перекрестномъ огнѣ, охватившихъ тогда общество разнообразныхъ чувствъ: негодованія и злобы, страха и вражды, сатира должна была возбуждать ненависть и разжигать страсти и свою задачу исполнила блистательно. Въ этомъ кроется вся причина ея успѣха. А такъ какъ об-

щественная ненависть была направлена болѣе всего на личность Наполеона, то самые плоскіе и грубые шаржи стремились уязвить именно его.

Въ лицѣ Наполеона, русское общество, съ самаго дня принятія имъ императорскаго титула, привыкло видѣть опаснаго хищника, попирающаго всѣ народныя права и порабощающаго народы. Не питая злобы къ самимъ французамъ и Франціи и продолжая даже въ самыя критическія минуты

Наполеоновской эпопеи преклоняться передъ французской культурой и рабски заимствовать у французовъ языкъ, обычаи и моды, русскіе люди того времени видѣли въ Наполеонѣ постоянную угрозу внутреннему спокойствію и экономическимъ интересамъ Россіи. Это недовѣріе превратилось въ страстную вражду послѣ Аустерлицкаго боя, задѣвшаго честь націи и славу ея оружія, — въ непримиримую ненависть послѣ Тильзита. Тильзитскій миръ, не только по соображе-

ніямъ отвлеченнаго патріотизма и народной гордости, но и по мотивамъ экономическимъ, считался униженіемъ національнаго достоинства, «уничтоженіемъ чела могущественной Россіи союзомъ съ начальникомъ гильотины, величайшимъ убійцей и недостойнѣйшимъ тираномъ». Мысль о мщеніи и народная ненависть къ Наполеону росли ежедневно. Общій гнѣвный энтузіазмъ захватилъ даже и военные круги. Въ частныхъ обществахъ и публичныхъ собраніяхъ заходили разговоры о желательности перемѣны царствованія.

Такимъ же чувствомъ ненависти къ Наполеону было одушевлено и правительство. Но Александръ, презирая самозванца-императора и втайнѣ ему завидуя, на самомъ дѣлѣ его боялся а, при личныхъ свиданіяхъ, подчинялся обаянію его личности. Эта двойственность чувствъ русскаго Государя къ его геніальному противнику выразилась въ томъ, что печатные отзывы о НаполеонѢ измѣнялись, смотря по тому, находилась ли Россія въ дружбѣ, или во враждѣ съ Французами. До Тильзита, Церковь всенародно называла Наполеона антихристомъ, а печать — «исчадіемъ ада», «гнуснымъ лицемѣромъ», «тварью сожженной совѣсти», «пзобличеннымъ во лжахъ и кощунствѣ». Французская книга «Histoire de Bonaparte» была запрещена за то, что сочинитель ея расточалъ Бонапарту «самыя подлыя ласкательства». По заключенію же мира отъ печати, наоборотъ, потребовалось полнѣйшее уваженіе къ особѣ Наполеона. Всякія воззванія къ «доблестнымъ мышцамъ благородныхъ Россовъ» признавались предосудительными и журналы, державшіеся противуположнаго направленія получали въ цензурѣ внушеніе. Печать быстро перемѣнила направленіе и начала называть его «великимъ мужемъ».[18]

Всѣ эти колебанія не имѣли, однако никакого вліянія на общественное настроеніе, полное по прежнему гнѣва и мстительности. Послѣ Тильзита начинаетъ расти и крѣпнуть убѣжденіе, что самый важный актъ борьбы съ Наполеономъ еще впереди. Эта борьба наступила. Во всеобщемъ взрывѣ никѣмъ

уже не скрываемаго патріотическаго негодованія, весь русскій народъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ, на защиту отечества, съ свойственной ему младенческой вѣрой, восхитительною свѣжестью чувствъ и силою самоотверженнаго подвига, съ тою бодрою, бьющею ключемъ, мощью, которая проявлялась во всѣхъ суровыхъ явленіяхъ его исторической жизни. Судьба склонила чашу вѣсовъ въ его пользу и сокрушила ненавистнаго и великаго врага. Сатирѣ на Наполеона открывалось широкое поприще.

Имена и дѣянія великихъ людей должны, казалось бы, становиться достояніемъ исторіи и эпоса, а не карикатуры и шаржа. Когда свойства человѣческой личности переходятъ, какъ у Наполеона, границы необычной человѣческой нормы, пріобрѣтая міровое значеніе, смѣхъ и сатира не должны и не могутъ служить средствомъ борьбы, оцѣнки и критики. Не улыбку ироніи вызываютъ его общечеловѣческія слабости,

а захватывающее чувство сожалѣнія о томъ, что природа, одаряя своихъ свѣтлыхъ избранниковъ сверхчеловѣческой силой, не избавила ихъ отъ унижающихъ человѣческое достоинство пороковъ, страстей и потребностей. И не сатирѣ метать свои ядовитыя стрѣлы въ его смертельныя раны и издѣваться надъ его трагическою участью, такъ какъ паденіе человѣка, признаннаго міромъ великимъ, унижаетъ, еще болѣе, само человѣчество. Для сатиры и смѣха въ той потрясающей душевной борьбѣ, черезъ которую проходятъ геніальные люди, слишкомъ много увлекательной нервности, въ ихъ чрезмѣрномъ величіи — слишкомъ много трагической мощи.

Не такъ смотрѣла на Наполеона карикатура вообще, и русская, въ особенности. Если карикатура можетъ быть опредѣлена какъ изображеніе дѣйствительности, съ явною или скрытою мыслью о ея грубости и пошлости, то къ большинству карикатуръ Теребенева на Наполеона подходитъ, къ сожалѣнію, едва ли не одно послѣднее опредѣленіе.

Въ дѣятельности Теребенева на сатирическомъ поприщѣ есть, конечно, не мало оправдывающихъ его обстоятельствъ: приподнятое общественное настроеніе и жажда мести за перенесенный страхъ и угнетеніе, боязнь показаться умѣреннымъ, вкусы толпы, наконецъ, всегда предпочитающей кричащія краски и крупную соль тонкому и изящному остроумію. Но всѣ эти обстоятельства нисколько не уменьшаютъ завѣдомой фальши и погони за площадными эффектами такихъ его листовъ, какъ «Наполеонова пляска», «Наполеонъ въ банѣ», «Обратный путь или дѣйствіе слабительнаго порошка», и т. д.

На первомъ изъ этихъ листовъ Наполеонъ пляшетъ въ присядку, одинъ мужикъ подстегиваетъ его кнутомъ, другой наигрываетъ на дудкѣ. — «Не удалось тебѣ насъ переладить на свою погудку, попляши же басурманъ подъ нашу дудку».

На второмъ, — Наполеонъ голый сидитъ въ банѣ на скамейкѣ. — «Этакого мученія я съ роду не терпѣлъ, меня скоблютъ и жарятъ какъ въ аду». Его брѣетъ казакъ —

«Побрѣемъ тебя, погладимъ, молодцомъ поставимъ». Солдатъ замахивается на него вѣникомъ. — «Натремъ тебѣ и затылокъ и спину и бока, будешь помнить легкую нашу руку». Ратникъ поддаетъ пару. — «Отдувайся, коль самъ полѣзъ въ русскую баню, попотѣй хорошенько, а мы не устанемъ поддавать пару».

Третій, наконецъ, листъ, одинъ изъ самыхъ плоскихъ во всей Наполеоновской карикатурѣ, — представляетъ Наполеона поправляющаго штаны, въ которые онъ наложилъ русской контрибуціи; крестьянинъ надѣваетъ на него шляпу, а казакъ подстегиваетъ нагайкой. Казакъ: «Ступай, неси скорѣе по старой дорогѣ и скажи всѣмъ своимъ, что насилу могъ донести собранную у русскихъ контрибуцію». Крестьянинъ. — «А чего... не унесешь, такъ инъ въ шляпу покладешь».

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти листы, съ ихъ грубыми легендами и скудной фантазіей наглядно указываютъ на полное отсутствіе въ Теребеневѣ историческаго смысла и критики, тонкаго остроумія и изящнаго вкуса. Всякое преувеличеніе и излишній сарказмъ оставляютъ зрителя равнодушнымъ и холоднымъ, а когда къ такому сарказму прибавляется еще и оттѣнокъ нескрываемой пошлости, — онъ достигаетъ результатовъ совершенно обратныхъ тѣмъ, которыхъ преслѣдуетъ, возбуждая не смѣхъ, а сочувствіе къ предмету насмѣшки и не похвалу, а порицаніе ея замысла.

Карикатуры Теребенева теряютъ свое значеніе еще и потому, что въ нихъ нѣтъ того трепета истиннаго чувства, той эмоціи мысли и духа, которая всегда отличаетъ артиста умѣющаго сильно воспринимать и выражать искренне воспринятое. Можетъ Теребеневъ и охватывалъ событія живымъ и искреннимъ чувствомъ, но онъ не умѣлъ разсматривать ихъ отдѣльно отъ своихъ ощущеній, — можетъ и то, что онъ подчинялъ эти ощущенія низкому уровню потребностей и эстетическихъ идеаловъ толпы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ былъ неправъ, выказывая отсутствіе силы и могу-

Наполеонъ занимается прожектами снарядовъ для будущей кампаніи. 107.

щества творческаго замысла, или недостатокъ необходимой для всякаго истиннаго художника самостоятельности.

Къ той же категоріи карикатуръ, хотя нѣсколько менѣе лубочнаго юмора, должны быть отнесены листы подъ заглавіями: «Носъ, привезенный Наполеономъ», «Угощеніе Наполеона», «Карантинъ», «Консиліумъ», «Карнавалъ», «Пастухъ и волкъ», «Наполеонъ при Люценѣ», «Наполеонъ, учащій сына бѣгать», «Французскій вояжеръ» и т. д., — почти всѣ, однимъ словомъ, листы, въ которыхъ Теребеневъ пытается выставить личность Наполеона въ смѣшномъ и непривлекательномъ видѣ. И вся ѣдкость его насмѣшки, все ея остроуміе заключается въ томъ, что «маленькій капралъ» изображенъ — съ громадными бородавками на носу, или съ пластырями, которые ему прикладываютъ на ноги, — съ волчьей или заячьей шкурой вмѣсто тѣла, — пускающимъ мыльные пузыри или окурпваемымъ докторами, — насильно глотающимъ коврижки и сбитень, которыми его угощаютъ русскіе солдаты или ѣдущимъ, съ поднятыми дыбомъ волосами, въ саняхъ, въ которыхъ впряжена свинья.

Всѣ эти плоскія выходки снабжены еще менѣе остроумными легендами, исключительно разсчитанными на некультурное впечатлѣніе. — «Носъ выросъ отъ гололедицы и его нужно отрѣзать». — «Вотъ сласти русскія», угощаетъ солдатъ Наполеона, «поѣшь, не подавись, попей, не обожгись». — «Пуще всего пятка да спина требуютъ пластыря», клевещетъ Ней, леча Наполеона, «онѣ всего болѣе были на виду у непріятеля». — «Привыкай сынъ мой, наука бѣганія нужнѣе для династіи Наполеоновой, нежели наука царствованія», повторяетъ ту же позорную клевету самъ Наполеонъ, обращаясь къ своему сыну. — «На Парижъ прохладна, на Москвѣ очинь жарка» говоритъ Наполеонъ, обращаясь къ свиньѣ. «Уій, уій, уій, Мосье», отвѣчаетъ свинья.

Нѣтъ, — стремленія Теребенева обратить Наполеона-исполина въ пигмея, не удались. Вмѣсто того тонкаго, еле

замѣтнаго юмора, который только и могъ быть допущенъ по отношенію къ его геніальнѣйшей личности, юмора, основаннаго на тѣхъ или другихъ его недостаткахъ, хотя бы, на непреклонномъ эгоизмѣ, страсти къ комедіантству, властолюбіи, или отношеніи къ женщинамъ, — Теребеневъ далъ намъ дѣтскую фанфаронаду, съ примѣсью грязи и пустое хвастовство, построенное на косномъ шовинизмѣ, въ его опасномъ и преступномъ самообольщеніи. Нужно замѣтить, въ оправданіе Теребеневу, что и вся европейская карикатура того же рода должна быть отнесена къ числу наименѣе удачной. Великій человѣкъ точно мстилъ всѣмъ тѣмъ, кто осмѣливался сомнѣваться въ его величіи, не поддаваясь ни ядовитому сарказму, ни плоскимъ насмѣшкамъ.

Несравненно удачнѣе всѣ тѣ Теребеневскіе листы, въ которыхъ Наполеонъ вовсе не представленъ или гдѣ онъ не служитъ непосредственнымъ предметомъ сатиры. Главнѣйшими ихъ темами послужили, съ одной стороны, геройскіе подвиги русскихъ людей, которыми полна, какъ извѣстно, исторія Отечественной войны, съ другой, — несчастное положеніе французовъ при выступленіи ихъ изъ Москвы. Многіе изъ этихъ листовъ подписаны Теребеневымъ, остальные же, и въ громадномъ большинствѣ, должны быть отнесены къ числу работъ его анонимныхъ подражателей. Отли-

чить одни отъ другихъ не всегда легко, такъ какъ рисунокъ Теребенева чрезвычайно неровенъ. Даже такой знатокъ, какъ Д. А. Ровинскій, нерѣдко колеблется, причисляя къ его работамъ листы, по грубости рисунка, едва ли имъ исполненные и, наоборотъ, не признавая его авторства за такими, которые въ другихъ, не попадавшихся этому ученому, изданіяхъ, снабжены его подписью. Вотъ почему, говоря о карикатурахъ Теребенева, необходимо подразумѣвать въ ихъ числѣ и произведенія его послѣдователей. Всѣ они, къ тому же, слѣпо подражали въ своихъ работахъ его художественному замыслу и исполненію, шаржируя также грубо, какъ и онъ все, что относилось къ Наполеону.

Первая категорія разбираемаго нами рода карикатуръ — подвиги русскихъ героевъ, появлялась первоначально въ описаніяхъ въ періодической прессѣ, преимущественно въ «Сынѣ Отечества», въ концѣ 1812 и началѣ 1813 годовъ и немедленно подхватывалась летучими листками, преувеличивавшими, очевидно, геройство русскихъ и унижавшими, насколько возможно, французовъ.

Богатырь крестьянинъ держитъ въ одной рукѣ одного французскаго мародера, а въ другой трехъ, — уже связанныхъ и лежащихъ на землѣ, — это «Русскій Геркулесъ». Ратникъ, при входѣ французовъ въ Кремль, принимаетъ за Мюрата какого то польскаго полковника и, жертвуя жизнью, его убиваетъ — это «Русскій Курцій». Замѣчательный подвигъ одного крестьянина, отрубившаго себѣ руку, съ клеймомъ Наполеона, которое повидимому накладывалось на плѣнныхъ при зачисленіи ихъ въ французскую армію, увѣковѣченъ подъ именемъ «Русскій Сцевола». Духъ неустрашимости двадцати русскихъ крестьянъ изображенъ въ ихъ разстрѣлѣ, съ карикатурами на присутствовавшихъ при этомъ французовъ. Цѣлый, затѣмъ, рядъ силачей и храбрецовъ: Богатыревъ, Храбровъ, Долбила, Гвоздила, Корнюшка Чихиринъ и Прохоровъ прокалываютъ ударомъ штыка нѣсколькихъ французовъ, несутъ мертвыми,

въ видѣ бирюлекъ, берутъ въ плѣнъ по пяти мародеровъ каждый, кладутъ «мелкую сію скотину въ корзину» и совершаютъ рядъ подвиговъ, одинъ другого изумительнѣе.

Подобные же подвиги совершаются и женщинами. Старостиха Василиса, верхомъ на клячѣ, командуетъ цѣлымъ взводомъ плѣнныхъ и, когда одинъ изъ нихъ не повинуется, сноситъ ему голову косой. Ея дочь «Русская Героиня» закалываетъ вилами французскаго солдата. Терентьевна доколачиваетъ плѣннаго башмакомъ, а Спиридоновна приводитъ на веревочкѣ двухъ гвардейцевъ.

Еще большую роль играли въ этой «героической» карикатурѣ казаки, одно имя которыхъ наводило на французовъ паническій страхъ. «Сынъ Отечества» приводитъ многочисленныя тому доказательства.

Убѣгаютъ отъ беззащитной старухи пять французскихъ мародеровъ, только потому, что она отвѣтила, что у нея осталась «коза», а имъ послышалось слово: «казакъ».

Два виднѣющихся въ окнѣ казачьихъ силуэта прогоняютъ въ другомъ случаѣ 11 французскихъ мародеровъ, занятыхъ грабежемъ помѣщичьей усадьбы.

А образцомъ казачьей удали служитъ, между прочимъ, слѣдующее происшествіе. Встрѣтивъ французскихъ офицеровъ, которые, катаясь въ щегольской каретѣ, подъѣхали слишкомъ близко къ кордону, казаки сшибли кучера съ козелъ, повернули лошадей и привезли вскачь полумертвыхъ французовъ въ русскій лагерь.

Вотъ, затѣмъ, еще одинъ примѣръ такой же ихъ лихости, особенно вдохновившій нашихъ мастеровъ. Послѣ стычки съ Вестфальской конницей, какой то казакъ бросился съ пикой на стоявшаго въ сторонѣ офицера, когда офицеръ перерубилъ пику, казакъ выхватилъ саблю, а когда и сабля была у него вырвана изъ рукъ, то онъ, мгновенно очутившись сзади офицера, окрестилъ его по спинѣ нагайкой, такъ что тотъ упалъ безъ чувствъ. Этотъ случай изображенъ въ

Русскій Сцевола. 192.

трехъ карикатурныхъ листахъ, подъ заглавіемъ: «Чѣмъ побѣдилъ его? — Нагайкой!» Казакъ же, наконецъ, вручаетъ Наполеону визитный билетъ на взаимное посѣщеніе.

Всѣ эти листы — герои, героини и казаки снабжены легендами площадного, по обыкновенію, характера: — «Што, мусье, кувырнулся... ась, не прибавить ли, мусье?» — «Кричи, заморская гадина, пардонъ». — «Вотъ я тебѣ дамъ звонъ». — «Постой басурманъ, я и тебя наколю!» и т. д.

Теребеневскому карандашу съ несомнѣнною достовѣрностью принадлежатъ въ изображеніи этихъ подвиговъ: «Крестьянинъ, увозящій французскую пушку въ русскій лагерь», «Французы испугавшіеся козы», «Русскій Геркулесъ», «Русскій Сцевола» и подвигъ казака съ нагайкой, а, быть можетъ, и нѣкоторые другіе листы, не снабженные его подписью. Всѣ они пользовались особеннымъ успѣхомъ, повторялись въ варіантахъ другими карикатуристами и копировались даже въ Англіи знаменитымъ Крукшэнкомъ, о чемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣтельствуетъ его подпись: «Copied from a russian print; etched by Cruikshank».

Лучше всего удался Теребеневу «Русскій Сцевола». Герой стоитъ въ полѣ между двумя французами и энергично замахивается топоромъ на свою вытянутую впередъ лѣвую руку; французы корчатся отъ удивленія. При изображенномъ положеніи отрубаемой руки, цѣль, которую преслѣдовалъ «Русскій Сцевола» не могла быть достигнута, едва ли вѣренъ и самый его размахъ; ноги у одного изъ французовъ слишкомъ длинны. Но всѣ эти условности и неправильности съ избыткомъ окупаются забавнымъ характеромъ всей композиціи и смѣлымъ, самоувѣреннымъ рисункомъ другихъ ея деталей.

Вся сценка происходитъ во время бѣгства французовъ изъ Москвы, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ изможденныя ихъ лица, дырявые сапоги — у одного и такіе же штаны и рукава, черезъ которые выглядываетъ костлявое

тѣло, — у другого. Выраженіе ужаса, при видѣ геройскаго поступка, передано съ типичнымъ отпечаткомъ жизненной правды, преувеличенной настолько, насколько это необходимо для карикатуриста. Это преувеличеніе замѣтно въ излишнемъ напряженіи линій ихъ тѣлъ, но оно то и даетъ впечатлѣніе живого и драматическаго дѣйствія, мгновенности движенія и внезапности жеста. Превосходно также изображено на лицахъ обоихъ французовъ отраженіе ихъ внутреннихъ ощущеній. Оригинально, при этомъ, что это выраженіе ужаса, съ вытянутыми впередъ руками, откинутымъ назадъ тѣломъ и головой, ушедшей въ сильно приподнятыя плечи, является излюбленнымъ пріемомъ Теребенева для выраженія удивленія и страха. Онъ прибѣгаетъ къ нему часто и всегда одинаково удачно.

Вдохновила Теребенева благодарная тема и второй категоріи разсматриваемыхъ нами листовъ — бѣдственное положеніе французовъ при выступленіи изъ Москвы. При бѣгломъ взглядѣ на карикатуры этой категоріи, онѣ кажутся такими же преувеличенными, какъ и всѣ остальныя. Ближайшее же знакомство съ источниками Отечественной войны и записками современниковъ приводитъ, однако, къ несомнѣнному убѣжденію, что дѣйствительность далеко превзошла всѣ изображенные фантазіей художника лишенія и ужасы.

«Оборванные, босые, отъ генерала до рядового», говоритъ одинъ изъ очевидцевъ въ письмѣ къ другу отъ 6 февраля 1813 года, «голодные, изувѣченные, съ отмороженными лицами, руками и ногами, французы тысячами падали мертвые на улицахъ, поверхъ труповъ падшихъ лошадей. Многіе отрывали члены сей падали (пересѣкая жилы кирпичемъ) и утоляли ею голодъ. Другіе жарили тѣла собственныхъ своихъ товарищей на разведенномъ посреди улицы кострѣ».

«Бивуаки французовъ подъ Борисовымъ», разсказываетъ другой очевидецъ, «были сдѣланы изъ снѣгу и изъ тѣлъ замерзшихъ товарищей, — около семнадцати тысячъ человѣкъ!..

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замерзали французы цѣлыми толпами: съ отмороженными по локоть руками и по колѣно ногами, уподоблялись они истуканамъ изъ слоновой кости. Извѣстно, что французы пожирали другъ друга, но неизвѣстно еще, что они сего ни мало не скрывали, а еще хвастались, отвѣчая на упреки: Mais monsieur, ça vaut mieux que de la charogne» (это лучше падали).[19]

Передъ леденящимъ ужасомъ этихъ разсказовъ, подтвержденныхъ многими источниками, карикатуры Теребенева и его послѣдователей представляются невинными шутками. Этихъ шутокъ наши карикатуристы не пожалѣли.

Въ цѣломъ рядѣ листовъ появляются передъ нами французскіе генералы и солдаты, одѣтые въ дырявыя шубы и рогожи, женскія юбки и салопы, рубища и отребья, сквозь которыя проглядываютъ изнуренныя тѣла и исхудалые члены. Полузамерзшіе и голодные, — одни изъ нихъ стрѣляютъ въ воронъ, другіе изъ за нихъ дерутся, или жадно вылизываютъ котелъ, въ которомъ вороны варились. — „Voulez Vous du caniack?“ (конекъ — кобылятина), спрашиваютъ они другъ друга, предлагая кусокъ падали и жадно тутъ же проглаты-

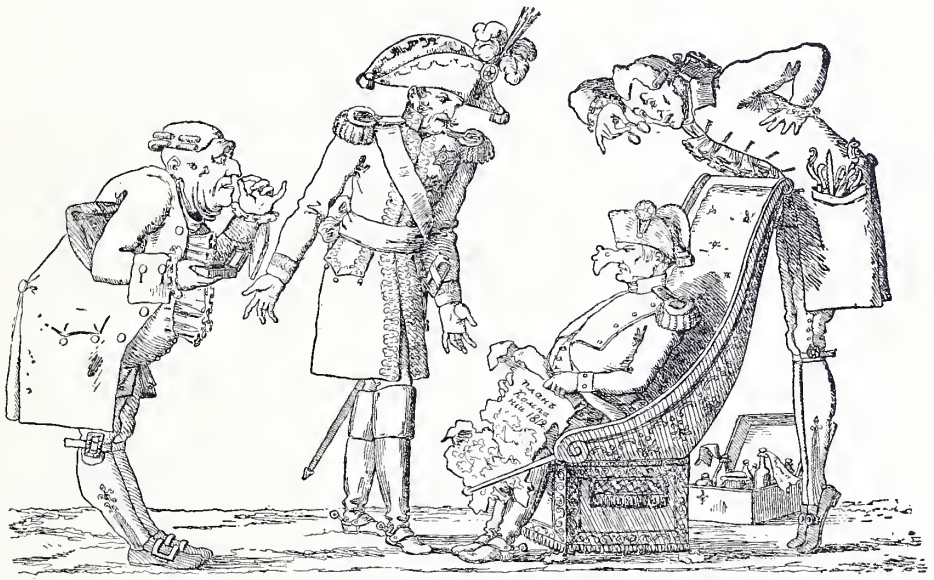
ваютъ окровавленное мясо или, припадая къ лежащему на землѣ лошадиному трупу, пьютъ сырую кровь. — «Какъ прикажете написать въ бюллетенѣ», интересуются маршалы, завязшіе по шею въ снѣгу, обращаясь къ Наполеону, тоже занесенному снѣгомъ — «Пишите, что остановились на зимнихъ квартирахъ», отвѣчаетъ Наполеонъ.

Изъ листовъ этой категоріи Теребеневымъ подписаны: «Ретирада французской конницы», «Ретирада французскихъ генераловъ», «Смотръ французскимъ войскамъ» и «Французскій вороній супъ». Имъ же, по всѣмъ вѣроятіямъ, исполнена прелестная, воспроизведенная при настоящемъ очеркѣ, сценка, подъ заглавіемъ «Благоразумная ретирада доставитъ мнѣ спокойствіе». Она изображаетъ Наполеона, скачущаго въ дровняхъ въ одиночку; на козлахъ правитъ польскій уланъ, на запяткахъ два маршала. Въ рукѣ Наполеона бумага съ подписью «Grand projet de perdre l'Angleterre», вдали поле съ бѣгущимъ войскомъ, направо скачущіе казаки.

Превосходно также выполнена и другая сценка, съ полною подписью Теребенева: «Ретирада французской конницы, которая съѣла своихъ лошадей въ Россіи».

Она изображаетъ восемь военныхъ въ разныхъ странныхъ одеждахъ, верхомъ, кто на палочкѣ, кто на трубѣ, кто на саблѣ, флагѣ или ружьѣ. Вся эта сценка исполнена съ большимъ юморомъ. Особенно хороша фигура скачущаго впереди маршала. Онъ одѣтъ въ полный генеральскій мундиръ, который ловко облекаетъ его остовъ. Въ каждомъ движеніи и жестѣ, въ гордо назадъ откинутомъ корпусѣ, даже въ выраженіи лица улавливается цѣлый рядъ чисто индивидуальныхъ оттѣнковъ, — тотъ отпечатокъ, который налагаютъ на человѣческую личность климатическія, общественныя и другія условія бытовой жизни. Этотъ, именно, отпечатокъ, устанавливающій расовыя особенности, увѣренно подсказываетъ, что этотъ маршалъ непремѣнно французъ и ни кто другой, что онъ, какъ и всякій его соотечественникъ, стре-

мится быть, или казаться, веселымъ, даже въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, что онъ, наконецъ, доволенъ собою, своимъ театральнымъ костюмомъ и жестомъ, шумихой окружающихъ его почестей. Полны живого комизма выраженіе, осанка, жесты и остальныхъ участвующихъ въ сценкѣ лицъ. Всѣ они, конечно, комедіанты, но играютъ они человѣческую комедію.



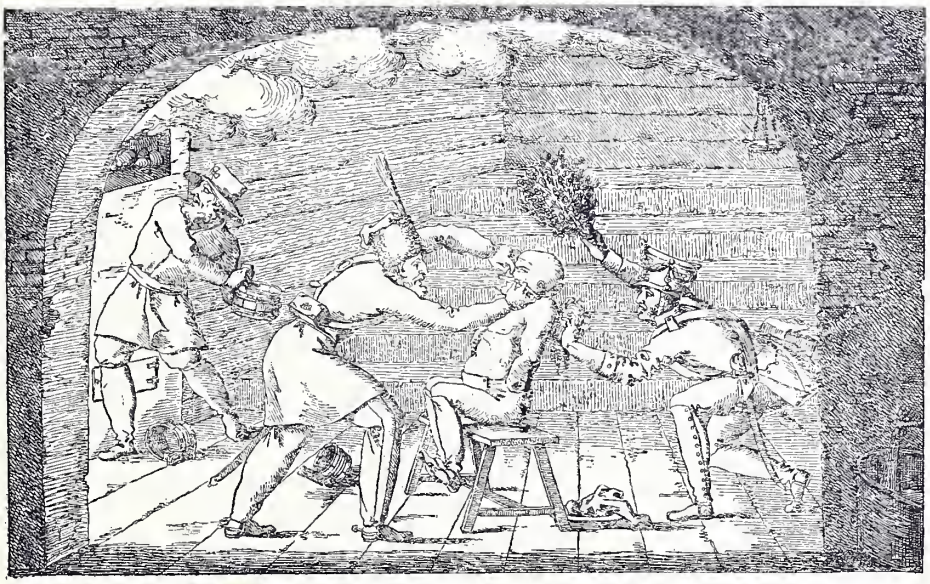
Въ томъ же жанрѣ исполненъ Теребеневымъ листъ, подъ заглавіемъ «Смотръ французскимъ войскамъ на обратномъ ихъ походѣ чрезъ Смоленскъ. Хоть одѣты некрасиво да тепло». Изображенная на этомъ листѣ сцена представляетъ Наполеона, стоящаго въ профиль; налѣво два маршала, изъ которыхъ одинъ держитъ руку въ муфтѣ, другой производитъ смотръ, еще лѣвѣе группа солдатъ; направо нѣсколько генераловъ около лошади, стоящей на конькахъ. И этотъ листъ, хотя скомпанованный и исполненный хуже предыдущаго, заслуживаетъ вниманія по блесткамъ неподдѣльнаго юмора,

разбросаннымъ художникомъ въ послушной позѣ полузамерзшихъ солдатъ, въ глуповатомъ выраженіи ихъ лицъ и въ комическомъ противопоставленіи курьезнаго маскарада фантастическихъ уборовъ и одеждъ съ горделивою пышностью военной формы.

Вообще, какъ въ большинствѣ изъ подробно описанныхъ выше листовъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, лишь вскользь упомянутыхъ, какъ, напримѣръ: «Французскій вороній супъ», «Карнавалъ» (гдѣ превосходно исполнена толпа зѣвакъ), «Консиліумъ» и т. д., Теребеневъ представляется хорошимъ рисовальщикомъ, обладающимъ незауряднымъ талантомъ и владѣющимъ техникой.

Наиболѣе интересные изъ этихъ листовъ, работы какъ Теребенева, такъ и его послѣдователей: Венеціанова и Иванова, были въ 1814 году перегравированы въ маленькомъ видѣ на большихъ мѣдныхъ доскахъ. Листы разрѣзывались, уже послѣ отпечатыванія, на отдѣльные листочки для укладыванія въ футляръ. Такихъ листочковъ вышло всего 32, въ футлярѣ, подъ заглавіемъ «Подарокъ дѣтямъ на 1812 годъ»; они снабжены каждый одной изъ буквъ азбуки, съ двустишіями, имѣющими непосредственную связь съ отпечатанными на нихъ буквами. Сами карикатуры въ маленькомъ видѣ кажутся еще болѣе посредственными; раскраска ихъ къ тому же чрезвычайно груба, но легенды, благодаря стихотворной ихъ формѣ, представляются менѣе плоскими, чѣмъ въ оригиналахъ и не лишенными даже доли остроумія, могущаго претендовать на улыбку. Наполеонъ играетъ, очевидно, и въ стихахъ, ту же преобладающую и печальную роль, какая и въ прозѣ ему выпала въ удѣлъ.

Слѣдующіе три листа могутъ быть отнесены къ числу наиболѣе удачныхъ. Карикатура «Пастухъ и волкъ», въ которой волкъ въ рукахъ мужика изображенъ съ головою Наполеона, помѣщена подъ буквой Ь и снабжена слѣдующею подписью:



Я прежде былъ герой, но что я сталъ теперь?
Въ рукахъ у мужика, я скорчился какъ Ь.

Въ другой Теребеневской карикатурѣ, подъ заглавіемъ: «Собранная на Эльбѣ обсерваціонная армія», въ которой Наполеонъ чертитъ пушки передъ арміей, нарисованной на столбцѣ бумаги, авторъ двустишія, обращаясь къ Наполеону, говоритъ ему:

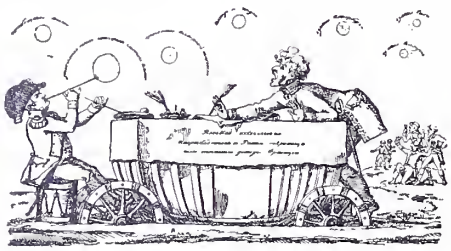
Ъ есть послѣдняя изъ буквъ въ россійскомъ словѣ,
И ты между людьми такимъ быть на готовѣ!

Довольно неожиданна, наконецъ и смѣшна легенда подъ Ѳ-ой, тоже обращенная къ Наполеону:

Возросъ какъ грибъ и палъ, познавъ ты суету,
Что дѣлаешь теперь? — Весь сгорбился въ Ѳ-ту!

Перечисленными листами исчерпываются излюбленныя темы, вдохновившія карикатуру 1812 года. Темы эти, сводятся такимъ образомъ къ тремъ главнымъ категоріямъ: карикату-

рамъ на Наполеона, прославленію національнаго геройства съ одновременнымъ глумленіемъ надъ французами и осмѣянію несчастнаго ихъ положенія при отступленіи. Если къ нимъ прибавить нѣсколько листовъ чисто аллегорическаго содержанія, какъ, напримѣръ: «Объясненіе герба Наполеона», «Освобожденіе Европы», «Наполеонъ съ Сатаной», «Вѣсы Правосудія», «Сокрушеніе Наполеонова могущества» и др., — три, четыре карикатурныхъ портрета «маленькаго капрала» и нѣсколько сценъ, въ которыхъ въ смѣшномъ видѣ изображены французскіе порядки: «Конскрипты великой націи», «Кухня главной квартиры», «Усердная и добровольная поставка рекрутъ отъ французскаго народа», «Вывозъ рѣдкостей изъ Парижскаго музея», «Кукольная комедія» и т. д., то мы получимъ довольно полное представленіе объ этихъ первыхъ шагахъ нашей художественной сатиры.



Что же касается творческой дѣятельности ея главнаго вдохновителя Теребенева, то она должна, кромѣ того, быть дополнена упоминаніемъ о трехъ, чисто бытовыхъ, сатирическихъ листахъ, — и въ качествѣ, притомъ, чуть ли не лучшихъ его произведеній.

Эти три карикатуры изображаютъ: поэта, читающаго стихи передъ скучающимъ обществомъ, — «Рифмачъ», ссору за карточнымъ столомъ, — «Игроки» и пиршество въ мѣщанской семьѣ, — «Бесѣда мѣщанъ». Теребеневъ вложилъ въ эти листы столько здороваго юмора, мѣткой наблюдательности, движенія и жизни, что не хочется вѣрить, чтобы они могли быть исполнены тѣмъ самымъ художникомъ, который подписалъ нѣкоторые изъ безграмотныхъ лубковъ 1812 года. Особенно хороша «Бесѣда мѣщанъ»,[20] въ которой съ замѣчательнымъ искусствомъ и въ общемъ замыслѣ сценки, и во всѣхъ ея деталяхъ: самодовольствѣ позъ, жестахъ и выраженіи полу-

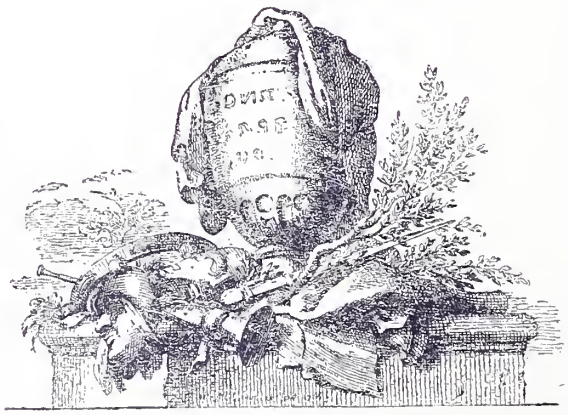
пьяныхъ лицъ, изображена вся пошлость мѣщанской попойки и чисто животнаго разгула. Этотъ превосходный листъ даетъ полное основаніе предполагать, что изъ Теребенева легко могъ бы выработаться талантливый бытовой карикатуристъ и что, избравъ предметомъ вдохновенія сатиру политическую, онъ настоящаго своего призванія во время не понялъ и использовать не съумѣлъ.

Теребеневъ умеръ молодымъ отъ простуды и скорбута, оставивъ жену Марію Григорьевну и четырехъ дѣтей: дочь Ольгу и сыновей Владиміра, Константина и Александра, довольно извѣстнаго впослѣдствіи скульптора, — въ крайней бѣдности, чуть не въ нищетѣ. Общество отнеслось къ положенію несчастной семьи чрезвычайно отзывчиво. Одинъ изъ сыновей Теребенева, Владиміръ, «по уваженію извѣстныхъ, отличныхъ талантовъ отца», былъ помѣщенъ въ Академію на счетъ суммъ, оставленныхъ на содержаніе трехъ воспитанниковъ Адъюнктъ-Ректоромъ Акимовымъ. Его дочь Ольгу помѣстила, на свой счетъ, въ учебное заведеніе графиня Софья Владиміровна Строганова, которая для бѣдныхъ всегда была «ангеломъ благости»; она лично знала покойнаго артиста и къ нему благоволила. Поэтъ А. Измайловъ прислалъ вдовѣ сто экземпляровъ «Басенъ и сказокъ», для продажи въ ея пользу, выражая сердечное сожалѣніе о томъ, что «его состояніе не позволяетъ сдѣлать больше». Книгопродавецъ Сленинъ, въ благородномъ порывѣ, возвратилъ безденежно вдовѣ и сиротамъ всѣ купленныя имъ у покойнаго 24 гравированныя доски, съ отпечатанными съ нихъ и уже раскра-

шенными листами. А Востоковъ взялъ на себя продажу этихъ листовъ, которымъ цѣна была назначена по объявленію 25, а съ пересылкой 27 рублей, причемъ старый другъ Теребеневской семьи счелъ долгомъ прибавить въ томъ же объявленіи, что «никому не возбраняется давать и больше». Тотъ же Востоковъ сочинилъ и эпитафію почившему художнику, сохранившуюся на клочкѣ бумаги, въ оставленныхъ имъ рукописяхъ. Въ ней онъ даетъ единственную, можетъ, вѣрную характеристику своего, рано угасшаго, друга:

На сей землѣ стезей печали, заблужденья
Всегда за истиной, всегда за благомъ текъ,
Теперь нашелъ ли ты ихъ радостны селенья,
Отецъ семейства, другъ и честный человѣкъ!

Эпитафія предназначалась къ помѣщенію на памятникѣ Теребенева, что видно изъ словъ, стоящихъ надъ стихами въ черновикѣ: «Здѣсь лежитъ тѣло Ивана Ивановича Теребенева, скончавшагося въ 1815-томъ году, генваря 16 дня, 36-ти лѣтъ.[21]



А. Г. ВЕНЕЦІАНОВЪ.

АЛЕКСѢЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ВЕНЕЦІАНОВЪ.
1780—1847.

Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ, родоначальникъ нашей бытовой живописи, или, какъ принято его называть, «отецъ русскаго жанра», достаточно изслѣдованъ, чтобы не останавливаться на его жизни и творческой дѣятельности, на ея первыхъ колебаніяхъ и тревогахъ, вліяніи на его призваніе Эрмитажныхъ голландцевъ и картины Гранэ, на основанной имъ въ «Сафонково» школѣ и знаменитыхъ картинахъ изъ отечественнаго быта. Для насъ, въ данномъ случаѣ, гораздо важнѣе имѣть возможность увеличить длинный перечень оказанныхъ имъ родному искусству заслугъ несомнѣннымъ признаніемъ за нимъ «отцовства» и въ области отечественной карикатуры.

Въ 1808 году, когда на всемъ искусствѣ лежалъ еще тяжелый отпечатокъ академичности съ ледяными трафаретами ложно-классической школы, скромный, не подписавшій своего имени, рисовальщикъ попытался впервые представить въ печатномъ рисункѣ современные ему нравы и обычаи, причемъ не ограничился простымъ и безпритязательнымъ повѣствованіемъ дѣйствительной жизни, а сразу возвысился до сатиры. Въ этомъ году появился у насъ первый карикатурный журналъ подъ названіемъ «Журналъ карикатуръ на 1808 г.». Правда сатира его не глубока. Это не жестокій бичъ Гоголя, неумолимо стегающій по общественнымъ язвамъ, — это легкая, съ извѣстной опаской, насмѣшка надъ человѣческими слабостями. Но уже одно то, что предметомъ этой насмѣшки служитъ, между прочимъ, какой то важный сановникъ, доказываетъ въ авторѣ рисунка удивительную, по времени, смѣлость. Этимъ смѣлымъ піонеромъ русской карикатуры былъ А. Г. Венеціановъ.

Попытка Венеціанова не увѣнчалась успѣхомъ и «Журналъ Карикатуръ» былъ немедленно же по своемъ появленіи изъятъ изъ обращенія и, притомъ, при условіяхъ далеко не заурядныхъ.

Въ цензурномъ архивѣ сохранилось дѣло, изъ котораго оказывается, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, князь Куракинъ сообщилъ Министру Народнаго Просвѣщенія, графу Завадовскому, отъ 18 января 1808 года, что Государь Императоръ повелѣлъ дальнѣйшее изданіе «Журнала Карикатуръ» запретить. Государь замѣтилъ при этомъ: 1) самому издателю, что онъ дарованіе свое могъ бы обратить на гораздо лучшій предметъ и временемъ могъ бы воспользоваться съ большей выгодой къ пріученію себя къ службѣ, въ коей на-

ходится (Венеціановъ былъ тогда землемѣромъ при Лѣсномъ Департаментѣ) и 2) цензурѣ, — чтобы она въ позволеніяхъ на такія изданія была разборчивѣе.

Вслѣдъ затѣмъ, князь Куракинъ сообщилъ Завадовскому, что «издатель журнала Венеціановъ, явившись къ нему, представилъ, что имъ собрано подпискою 800 рублей, кои всѣ употреблены на изготовленіе матеріаловъ; запрещеніе журнала, оставляя на немъ въ отношеніи къ публикѣ обязательства, совершенно его разоряетъ; поэтому онъ проситъ дозволить ему издавать журналъ, содержаніе котораго заимствовано будетъ изъ анекдотовъ про Петра Великаго и изъ россійской исторіи». Разрѣшеніе послѣдовало, съ тѣмъ, чтобы каждый рисунокъ предварительно былъ разсмотрѣнъ и одобренъ цензурой.

Такъ передаетъ исторію запрещенія «Журнала Карикатуръ» Д. А. Ровинскій,[22] прибавляя къ своему сообщенію, что Венеціановскаго журнала ему видѣть не удалось. Покойный ученый высказываетъ при этомъ предположеніе, что онъ былъ, вѣроятно, пріостановленъ по причинамъ исключительно политическимъ, какъ содержащій, быть можетъ, карикатуры на Наполеона, критика дѣйствій котораго была въ это время строжайше запрещена неоднократно повторявшимися правительственными указаніями и распоряженіями.

Содержаніе перваго и, вѣроятно, единственнаго выпуска журнала, ничего общаго съ современными ему политическими событіями не имѣющаго, такого предположенія не оправдываетъ. Вѣрнѣе, поэтому, объяснить его запрещеніе исключительно извѣстнымъ уже намъ

И-ї Ребятушки Напартовъ здѣсь какъ жного.
Слышь Власьевна.' держи на привязи ихъ строго.

Щастье за Галломъ уставъ брестъ пѣшкомъ,
Рѣшилось въ станъ Рускій скакать съ козакомъ.

измѣненіемъ либеральныхъ вѣяній начала Александровскаго царствованія.

Оригинально, при этомъ, что Венеціанова не спасли и гуманныя правила цензурнаго устава 9 іюля 1804 года, которыя рекомендовали «при запрещеніи сочиненія руководствоваться благоразумнымъ снисхожденіемъ» и разъясняли, «что скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины не подлежитъ и самой умѣренной цензурѣ, но пользуется совершенной свободой тисненія, возвышающей успѣхи просвѣщенія». — Золотыя и для нашего вѣка слова!..

«Журналъ Карикатуръ», вслѣдствіе быстраго изъятія его изъ обращенія, представляетъ необычайную рѣдкость. Ни Д. А. Ровинскому, какъ уже указано выше, ни одному изъ двухъ библіографовъ, отмѣтившихъ его появленіе, — Сопикову и Геннади — не удалось видѣть ни одного его листа. Сопиковъ указываетъ только, что журналъ вышелъ въ трехъ выпускахъ, но и это указаніе нуждается въ подтвержденіи, тѣмъ болѣе, что въ экземплярѣ Императорскаго Эрмитажа (отдѣленіе гравюръ), гдѣ мнѣ случайно его удалось обнаружить, имѣется только выпускъ первый, и то неполный, съ двумя листами, вмѣсто четырехъ.

Принимая во вниманіе, что журналъ, появившійся въ началѣ января, былъ уже изъятъ изъ обращенія 18 числа того же мѣсяца и что, едва ли, при современномъ ему незначительномъ спросѣ на художественную издательскую дѣятельность и ея дороговизнѣ, онъ могъ выходить разъ въ недѣлю, можно съ извѣстною вѣроятностью предположить, что все изданіе ограничилось однимъ первымъ его выпускомъ.

Весьма вѣроятно также, что журналъ былъ запрещенъ за рисунокъ «Вельможа». Этотъ рисунокъ изображаетъ сановника, заснувшаго въ своемъ кабинетѣ во время пріема просителей, часть которыхъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ, отражаясь въ зеркалѣ кабинета, а часть — въ далекой пріі-

емной залѣ, откуда съ трудомъ пробирается въ кабинетъ инвалидъ на костыляхъ. А самъ вельможа, грузно развалившись на кушеткѣ, сладко спитъ въ объятіяхъ какой-то женщины, съ большимъ, загадочнаго содержанія, медальономъ на шеѣ. На столѣ разбросаны ордена; внизу, на полу, кошка играетъ дѣловыми бумагами. Характерная голова спящаго сановника и приведенная выше личная резолюція Государя позволяютъ предполагать въ этомъ рисункѣ карикатуру на какое-нибудь извѣстное въ чиновномъ мірѣ того времени лицо.

Карикатура «Вельможа», какъ и второй изъ дошедшихъ до насъ листовъ Венеціановскаго журнала, представляющій аллегорическое изображеніе двѣнадцати мѣсяцевъ, технически исполнены слабо. Не отличаются, равнымъ образомъ, оба листа глубиной замысла, интересомъ композиціи и остроуміемъ находящихся подъ ними легендъ. Но въ исторіи русскаго искусства Венеціановскій «Журналъ» долженъ безспорно занять почетное и видное мѣсто, какъ первая въ печати художественная попытка обличенія неправды жизни, исканія новыхъ формъ и борьбы. [23]

Участіе Венеціанова въ карикатурѣ на эпоху Отечественной войны выразилось въ выполненіи имъ двадцати съ лишнимъ листовъ, выходившихъ одновременно съ Теребеневскими. Нѣкоторые изъ этихъ листовъ посвящены сатирѣ политической, въ другихъ, — Венеціановъ наглядно проявляетъ свое опредѣленное призваніе къ изученію и воспроизведенію народнаго и общественнаго быта.

Политическая сатира Венеціанова, вдохновленная уже извѣстными намъ темами: личностью Наполеона, отступле-

Изгнаніе изъ Москвы французскихъ актрисъ. 58.

ніемъ французовъ и русскимъ геройствомъ, кромѣ своихъ чисто специфическихъ недостатковъ, страдаетъ тѣми же лубочными преувеличеніями, какими отличаются и всѣ прочія карикатуры его времени и, подобно имъ, избираетъ Наполеона предметомъ самыхъ плоскихъ насмѣшекъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Теребеневъ и Венеціановъ точно оспариваютъ другъ у друга первенство площадного остроумія. Если у Теребенева Наполеонъ отъ страха заболѣваетъ медвѣжьей болѣзнью, то у Венеціанова его рветъ два раза обломками якорей и разными бумагами. При этомъ, въ первомъ случаѣ, больного провожаютъ возгласомъ: «Поминай нашихъ», во второмъ, — маршалъ подтягиваетъ ему животъ ремнемъ, говоря: «Смотри, чтобъ не лопнулъ».

— «И на нашей улицѣ праздникъ», кричатъ прусскій солдатъ, калмыкъ и казакъ, посадившіе Наполеона на качели и привѣтствующіе его паденіе.

— «Не все коту масленица», вторятъ имъ другіе казаки и калмыки, сталкивая его съ снѣжной горы.

Въ сатирѣ на Наполеона мы видимъ, такимъ образомъ, и у Венеціанова, какъ у Теребенева, то же неумѣніе обращаться съ историческимъ матеріаломъ, тотъ же грубый переходъ къ удалившемуся отъ современныхъ намъ эстетическихъ потребностей шаржу, благодаря которому этого рода карикатуры обоихъ мастеровъ утрачиваютъ для насъ свое значеніе и смыслъ. Тамъ гдѣ безразсудная месть замѣняетъ иронію, а слѣпая ненависть — остроуміе, сатира долго пережить себя не можетъ. Теряя свое общечеловѣческое значеніе, она сводится къ простому историческому воспоминанію.

Такими же безхитростными воспоминаніями представляются намъ и всѣ остальныя политическія темы Венеціановскихъ карикатуръ: разныя «Зимнія квартиры» и «Ретирады», храбрые казаки, обезоруживающіе французскихъ офицеровъ нагайками и доблестные ратники, замерзшіе французы и женщины-героини. Послѣднія у Венеціанова болѣе многочисленны,

чѣмъ у другихъ карикатуристовъ; его карандашу принадлежатъ двѣ «Василисы», командующія французскими гвардейцами и одна «Спиридоновна», ведущая на веревочкѣ захваченныхъ ею плѣнныхъ.

Изъ приведенной краткой характеристики политической карикатуры Венеціанова видно, такимъ образомъ, что она, по внутреннему своему содержанію, мало чѣмъ отличается отъ знакомыхъ уже намъ произведеній Теребенева и другихъ его послѣдователей. Это все то же злорадство надъ еще вчера всемогущимъ, а сегодня безпомощнымъ, колоссомъ, тѣ же мелкіе факты и событія, тѣ же люди — бездушныя тѣни на стеклѣ волшебнаго фонаря.

Гораздо самостоятельнѣе и живѣе представляется намъ чисто бытовая Венеціановская карикатура. Въ отличіе отъ Теребенева, Венеціановъ не ограничился скромной попыткой осмѣять житейскія дрязги и мелочи: разгульную попойку или ссору за картами. Тѣневая сторона окружающихъ его общественныхъ условій представлялась ему, повидимому, серьезнѣе и глубже. Венеціановъ избралъ предметомъ своей сатиры общее всей современной ему, мыслящей Россіи рабское преклоненіе передъ Западомъ, воплощеннымъ тогда исключительно во французской культурѣ, и попытался осмѣять всю безграничную пошлость этого живучаго, и до сихъ поръ еще, свойства многихъ русскихъ людей.

Въ началѣ первой четверти XIX вѣка все родное было особенно не въ модѣ. Русскіе обычаи и языкъ были забыты; высшее общество, воспитанное на иностранной «выдержкѣ» говорило по русски болѣе самоучкою и скорѣе по наслышкѣ. «Я зналъ», говоритъ А. М. Тургеневъ, «толпу князей Трубецкихъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Оболенскихъ, Несвицкихъ, Щербатовыхъ, Хованскихъ, Волконскихъ, Мещерскихъ, которые не могли написать на русскомъ языкѣ двухъ строкъ».[24] Съ такимъ же презрѣніемъ относилось къ родной рѣчи и все остальное образованное общество. Дошло до того, что какой

то французъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Россіи и возвратившійся въ Парижъ, публиковалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что онъ завелъ пансіонъ спеціально для русскихъ молодыхъ дворянъ, которыхъ обѣщалъ обучить всему необходимому, «особливо же языку русскому».

Теперь этому вѣрится съ трудомъ. Но въ то время, такое позорное невѣжество не искупалось даже, какъ оказывается, во многихъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, свободнымъ обращеніемъ съ французскимъ языкомъ, который также безцеремонно, какъ и русскій, коверкался на всевозможные лады. — «Pas ma, pas ma»

Ей! ей не опущу, не заплачу я пеню;
Смотри, ступай скорѣй вить разомъ пришешеню.

(не моя), кричалъ генералъ Ѳ. П. Уваровъ, стоя въ сѣняхъ театра и слушая, какъ вызывали кареты. А какая то именитая русская путешественница, представляясь одной изъ нѣмецкихъ королевъ, называла ее «Sirène» на томъ основаніи, что королю говорятъ «Sire». [25] Подобные разсказы попадаются довольно часто въ мемуарахъ того времени и въ ихъ правдивости нѣтъ основанія сомнѣваться. Всѣ они сводятся къ тому, что русскій языкъ считался фамильярнымъ и настолько простымъ, что признаніе за человѣкомъ извѣстнаго достоинства, аристо-

кратичности и дарованій зависѣло отъ того, путешествовалъ ли онъ въ чужихъ краяхъ и говорилъ ли по французски. Въ томъ же направленіи велось и юношеское воспитаніе.

Дворянство того времени не любило помѣщать своихъ дѣтей въ корпуса и гимназіи, предпочитая имъ домашнее воспитаніе, при содѣйствіи французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ, которые набирались изъ разныхъ подонковъ французскаго общества, преимущественно изъ наводнившихъ тогда Россію французскихъ эмигрантовъ. Вѣсть о томъ, что подобнымъ выходцамъ живется у насъ хорошо, усилила наплывъ французовъ, потянувшихся сотнями въ Россію «pour se faire ouchitel des enfants». Бѣглецы эти принимались въ дворянскіе дома безъ всякой оцѣнки и провѣрки ихъ знаній и нравственныхъ качествъ, главнымъ образомъ, благодаря ихъ внѣшнему лоску и основывали прочность своего положенія на совершенно особыхъ началахъ. «Мусье старался сдѣлаться подмогою мужу въ сладостныхъ любовныхъ утѣхахъ хозяйки, а мадамы — подмастерьями женъ хозяйскихъ въ томъ же искусствѣ». Дѣти же бросались на произволъ судьбы или обучались разврату и забавамъ, вмѣстѣ съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ ко всему русскому. При такихъ условіяхъ воспитаніе русскаго юношества давало плачевные результаты. Пушкинъ называетъ его «самымъ безнравственнымъ», а Тургеневъ говоритъ, что, «французскіе эмигранты водворили у насъ тысячи дотолѣ незнаемыхъ нами предразсудковъ, разврата, бездѣльничества — словомъ всего, что было сквернаго, гнуснаго и преступнаго во Франціи». [26]

На это современное ему уродливое воспитаніе и напалъ Вене-

ціановъ въ своихъ бытовыхъ карикатурахъ, хотя съ силами, далеко не стоявшими на высотѣ предпринятой имъ обличительной задачи.

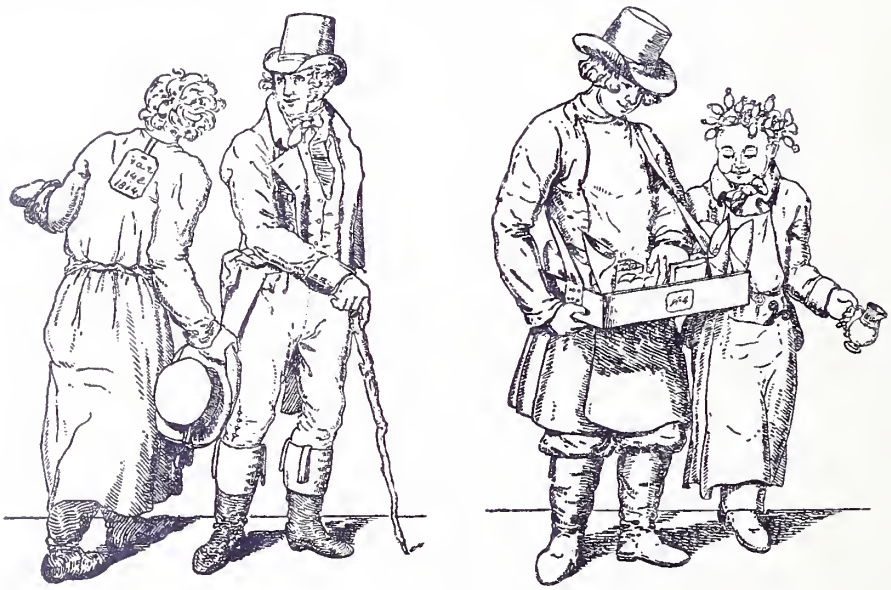
«Жидъ обманываетъ вещами, цыганъ — лошадьми, французъ — воспитаніемъ, который вреднѣе?» спрашиваетъ онъ. И отвѣтъ на вопросъ этотъ ясенъ безъ словъ въ самоувѣренной позѣ сидящаго на первомъ планѣ гувернера француза, въ французскихъ книгахъ, бережно разложенныхъ на столѣ и русскихъ: катехизисѣ, законахъ и грамматикѣ, небрежно валяющихся на полу.

На другомъ Венеціановскомъ листѣ, французъ гувернеръ надѣваетъ на мальчика колпакъ съ бубенчикомъ и надписью: «Названіе всѣхъ наукъ, познанія о удовольствіяхъ Парижа». Сзади гувернантка надуваетъ ему въ голову лнверомъ французскій языкъ, безстыдство, эгоизмъ, вольнодумство. Рядомъ съ ней въ гробу покоятся: характеръ, патріотизмъ, терпѣніе и мужество. Мальчикъ бьетъ въ барабанъ и шествуетъ въ храмъ почестей.

Также безцеремонно поступаетъ съ своимъ питомцемъ другая гувернантка, раскалывая стрѣлой въ его присутствіи десять заповѣдей, «неприличныхъ французскому вкусу», въ то время какъ гувернеръ усыпляетъ отца своего воспитанника, чтобы опорожнить ему карманъ, а его товарищъ продѣлываетъ то же самое съ матерью питомца, отравляя ея сердце «разрушеніемъ обязанностей супруги и матери».

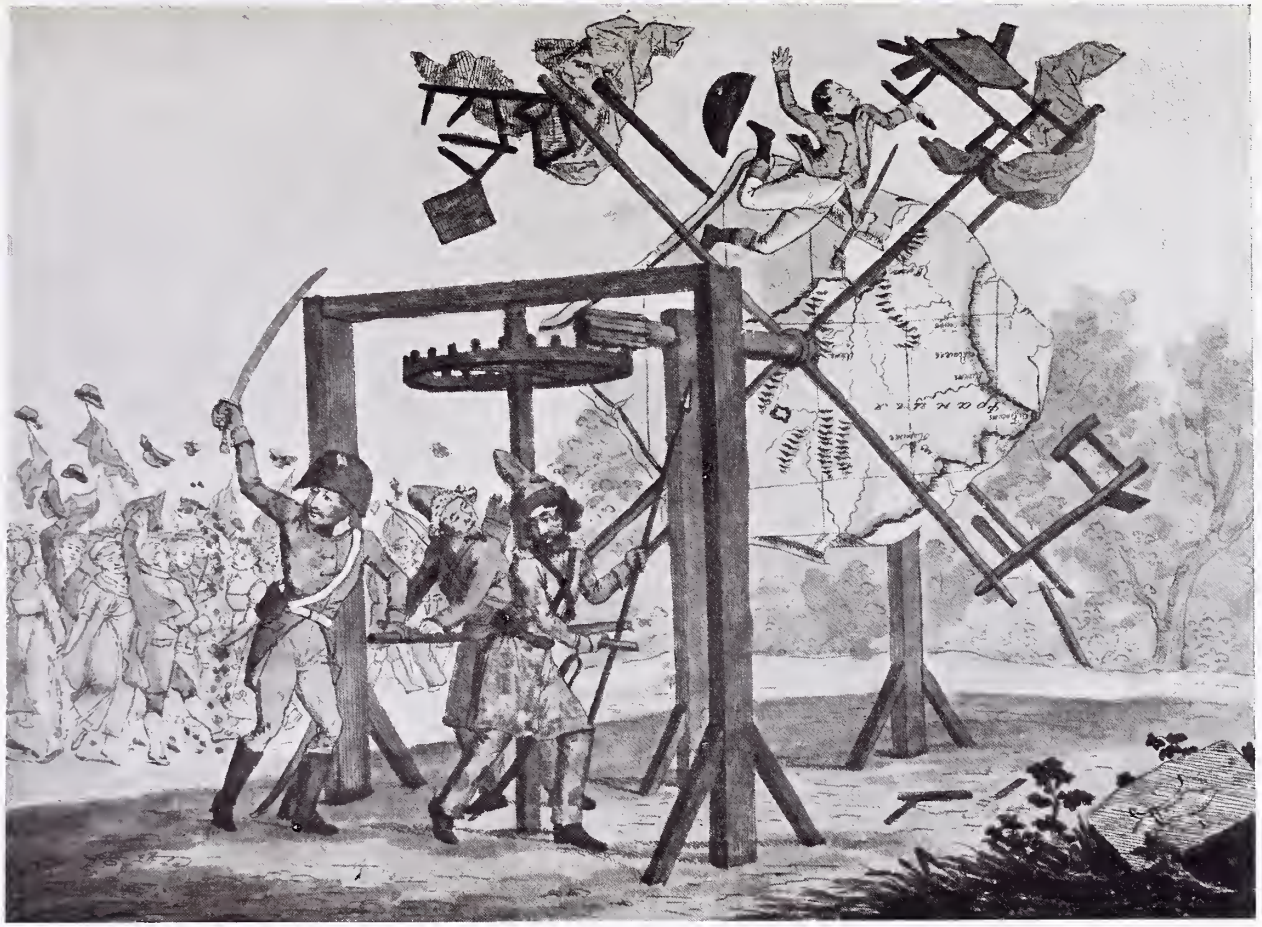
Осмѣиваетъ, затѣмъ, Венеціановъ и распространившуюся въ обществѣ, благодаря французамъ, распущенность нравовъ, представляя, напримѣръ, мужа, которому, въ присутствіи жены и дочери, французскій парикмахеръ сдѣлалъ прическу съ высокими рогами, въ качествѣ «неперемѣняемаго въ Парижѣ фасона».

Изображаетъ онъ также въ карикатурномъ видѣ и французскіе модные магазины, въ томъ числѣ магазинъ знаменитой модистки Auber Chalmé, занимавшейся преимущественно сводничествомъ и прозванной за мошенничество Оберъ-Шельмой. Венеціановскому же карандашу принадлежатъ, наконецъ, два листа съ карикатурами на изгнаніе въ 1812 году изъ Москвы французскихъ актрисъ и модныхъ торговокъ.



Одинъ изъ извѣстныхъ и наиболѣе талантливыхъ изслѣдователей исторіи отечественнаго искусства въ посвященной Венеціанову монографіи [27] признаетъ за нимъ, часто свойственный, по его мнѣнію, русскому художественному творчеству, особенный даръ непосредственно черпать изъ жизни ея яркія краски. Не этимъ ли исключительнымъ даромъ, если только опредѣленіе это вѣрно, объясняется, отчасти по крайней мѣрѣ, неумѣніе Венеціанова улавливать обратныя стороны жизни — ея полутѣни и тѣни и воплощать ихъ въ сатирѣ художественной?

Избранная имъ тема — слѣпое преклоненіе современнаго ему общества передъ французскими нравами, языкомъ и обы-



И на нашей улицѢ праздникъ, кричитъ Пруссакъ. 62.

чаями — тема, конечно, благодарная. Пошлость тупого подражанія и отсутствіе самостоятельнаго вкуса, осужденіе своего, только потому, что оно свое и прославленіе иностраннаго, презрѣніе къ національнымъ особенностямъ и національной индивидуальности — всѣ эти жалкія стороны современной Венеціанову жизни, пережившія чуть ли не оба послѣднихъ столѣтія, даютъ бытовой карикатурѣ неисчерпаемый матеріалъ. Венеціановъ этого матеріала далеко не исчерпалъ. Его сатира не бичуетъ нравовъ, не будитъ трепета негодованія, не брызжетъ блескомъ веселыхъ огней. Она наивно-проста и несложна, и созрѣла она точно не въ мысли артиста, понимающаго жизнь, а въ младенческой фантазіи ребенка, пробующаго свое дѣтское остроуміе. Таковъ ея замыселъ, таково же и его выполненіе.

Рисунокъ Венеціанова изобличаетъ младенческое неумѣніе владѣть формой и линіей, и пренебреженіе самыми элементарными правилами перспективы и анатоміи. Сценки его связаны слабо одна съ другой и не одушевлены единствомъ дѣйствія и настроенія; въ группировкѣ сюжетовъ и лицъ проглядываетъ ребяческая робость, въ разстановкѣ фигуръ — полное отсутствіе художественнаго соотношенія.

Нельзя, однако, ставить нашему мастеру всѣ эти недостатки въ упрекъ. Венеціановъ былъ художникъ-самоучка и, какъ говорятъ его біографы, «только пользовался совѣтами Боровиковскаго». До 1813 года, когда появились его карикатуры, намъ извѣстны, если не считать рисунковъ «Журнала 1808 года», двѣ его работы: автопортретъ и портретъ Головачевскаго съ дѣтьми. Карикатуры Венеціанова являются, такимъ образомъ, первыми шагами его художественной дѣятельности, къ которымъ предъявлять, поэтому, какія-либо строгія требованія трудно. Извѣстность же онъ пріобрѣлъ лишь въ 1824 году своей знаменитой картиной «Гумно», которую выставилъ послѣ долголѣтнихъ занятій и упорнаго труда, значительно, конечно, улучшившихъ его технику. [28]

Венеціановъ не подписывалъ своихъ рисунковъ, что дало нѣкоторымъ изслѣдователямъ возможность сомнѣваться въ его авторствѣ. Такому сомнѣнію не представляется достаточныхъ основаній. Выполненіе имъ рисунка «Вельможа» установлено документально. Подъ девятью карикатурами на 1812 годъ, находившимися прежде въ собраніи недавно скончавшагося любителя И. И. Ваулина и перешедшими въ колекцію Е. Е. Рейтерна, имѣется подпись С. Галактіонова, свидѣтельствующая о томъ, что всѣ онѣ — руки Венеціанова. Галактіоновъ же былъ современникъ Венеціанова и ошибаться въ своемъ опредѣленіи не могъ. Сличая затѣмъ эти девять удостовѣренныхъ Галактіоновымъ карикатуръ, съ нѣкоторыми другими листами, можно, по характерной Венеціанову манерѣ, съ большимъ вѣроятіемъ отнести къ числу его же произведеній, не только указанные Ровинскимъ одиннадцать, — а всего двадцать листовъ, но еще три или четыре листа, имъ случайно пропущенныхъ. Едва ли, поэтому, можно сомнѣваться въ томъ, что знаменитый «отецъ русскаго жанра» началъ свою художественную дѣятельность съ карикатуры, т. е. съ тѣхъ же бытовыхъ сюжетовъ, къ которымъ влекло его призваніе, только воспринятыхъ подъ другимъ угломъ зрѣнія.

Венеціановъ умеръ въ 1847 году, въ своемъ имѣніи «Сафонково» Тверской губерніи, убитый лошадьми, опрокинувшими его экипажъ.

И. А. ИВАНОВЪ.

Рис. И. Иванов Гр. Галактионов

ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ИВАНОВЪ.

1779—1848.

И. А. Ивановъ, перспективный живописецъ, рисовальщикъ и граверъ, родился 3 февраля 1779 года въ Москвѣ и въ 1789 году поступилъ въ Академію, откуда въ 1798 выпущенъ былъ съ аттестатомъ 1-й степени и званіемъ художника. Въ томъ же году онъ получилъ командировку въ экспедицію угольныхъ пріисковъ и работъ въ вѣдомствѣ Н. А. Львова, котораго сопровождалъ въ его поѣздкѣ на Кавказскую линію и обратно, черезъ Тавриду, для снятія видовъ и чертежей. Изъ поѣздки своей Ивановъ привезъ два писанныхъ масломъ Крымскихъ вида, нынѣ находящихся въ Румянцевскомъ музеѣ. По упраздненіи экспедиціи въ 1806 году, онъ былъ прикомандированъ къ кабинету Его Величества и занимался, главнымъ образомъ, составленіемъ рисунковъ для Императорскаго Стекляннаго Завода. Въ 1813 году Ивановъ былъ назначенъ библіотекаремъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, оттуда въ 1817 году переведенъ «консьержемъ» (смотрите-

лемъ за рисовальными классами) въ Академію Художествъ. Въ 1822 году онъ былъ принятъ въ «назначенные». 12 октября 1830 года за акварельный видъ въ перспективѣ «внутренности великолѣпныхъ сѣней и парадной лѣстницы въ Академіи Художествъ», Ивановъ произведенъ былъ въ академики по живописи перспективной.

Таковъ вкратцѣ формуляръ И. Иванова, извлеченный изъ архива Академіи Художествъ. Изъ того же источника мы узнаемъ, что, кромѣ двухъ картинъ и работъ для Стекляннаго Завода, имъ выполнены были нѣсколько перспективныхъ видовъ Царскаго Села, которые «весьма понравились Его Величеству», какъ сообщилъ Министръ Двора князь Волконскій президенту Академіи Оленину и — рисунокъ хрустальной кровати, предназначавшейся Императоромъ Николаемъ I въ подарокъ Персидскому шаху.[29]

Если бы сужденія о жизни русскихъ художниковъ ограничивались одними безжизненными свѣдѣніями архива Академіи Художествъ, можно было бы придти къ заключенію, что ни одинъ изъ нихъ, кромѣ казенныхъ заказовъ, ничего въ жизни исполнить не успѣлъ. Та тщательность, съ которой составители этихъ свѣдѣній избѣгали всего того, что могло бы напоминать въ нихъ жизнь и дѣйствительность, по истинѣ изумительна. Это свойство академическихъ архивовъ значительно затрудняетъ изученіе, и безъ того скудной свѣдѣніями, русской художественной жизни, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касается одного изъ артистовъ, носящихъ фамилію Иванова.

Лицъ съ этой фамиліей, имѣющихъ соприкосновеніе съ искусствомъ, насчитывается болѣе 200, причемъ около половины изъ нихъ проходили черезъ Академію, нося нерѣдко не только одну и ту же фамилію и крестное имя, но даже одно и тоже имя отчества и работая къ тому же въ одну и ту же эпоху. Разобраться въ этомъ художественномъ лабиринтѣ представляется задачей, не легко разрѣшимой и уже

Хлѣбосольство отличная черта въ характерѣ народа русскаго. 244.

не разъ приводившей даже такихъ трудолюбивыхъ изслѣдователей, какъ П. Н. Петровъ и Н. П. Собко къ сомнѣніямъ и ошибочнымъ выводамъ. Не претендуютъ, очевидно, на безошибочность и данныя настоящаго очерка.

Съ несомнѣнною достовѣрностью можно, впрочемъ, утверждать, что Ивановымъ исполнены пять карикатуръ на 1812 годъ, нѣсколько листовъ съ изображеніями разныхъ событій, относящихся къ той же эпохѣ и довольно много видовъ Петербурга. Къ сожалѣнію, тѣ его работы, которыя относятся къ особенно интересующей насъ области художественной сатиры, едва ли заслуживаютъ вниманія.

Первая его карикатура подъ заглавіемъ «Русскій Сцевола», изображаетъ уже извѣстный намъ подвигъ русскаго ратника. — «Сцевола» Иванова въ отличіе отъ героя Теребенева держитъ болѣе естественно свою руку на срубѣ, что можетъ ему дѣйствительно дать возможность привести свое намѣреніе въ исполненіе. Но въ этомъ одномъ и заключается все преимущество Ивановскаго листа. Всѣ остальныя подробности исполнены значительно слабѣе. Толпа французовъ, окружающихъ ратника, холодна и безжизненна, въ фигурѣ самого героя не видно ни тѣла, ни мускуловъ. Также слабо задуманы и выполнены и остальныя карикатуры Иванова: — «Русскій Курцій», съ неудачнымъ подобіемъ движенія и жизни въ бросающихся на деревяннаго «Курція» французовъ, «Хлѣбосольство русскаго народа» и «Наполеонъ, формирующій армію изъ уродовъ» — съ какими то манекенами вмѣсто людей. Неудачно, наконецъ, задумана и плохо нарисована послѣдняя его сценка «Бѣгство Наполеона». Всѣ эти листы, по замыслу композиціи и техники, не выходятъ изъ предѣловъ самой банальной посредственности.

Этими немногими сатирическими произведеніями исчерпываются работы Иванова-карикатуриста. Но ни вся остальная и плодотворная его дѣятельность, ни захватывающій интересъ времени, въ которомъ онъ жилъ, не позволяютъ на

нихъ закончить его біографію. Занявъ мѣсто въ исторіи карикатуры скорѣе случайно, не столько по количеству или достоинству работъ, сколько потому, что онъ жилъ и трудился въ знаменательную эпоху Отечественной войны, Ивановъ выказалъ незаурядныя дарованія иллюстратора. Обойти ихъ молчаніемъ было бы тѣмъ менѣе умѣстно, что проявились эти дарованія въ рисункѣ, т. е., именно, въ той области искусства, которая ближе всего стоитъ къ задачамъ художественной сатиры.

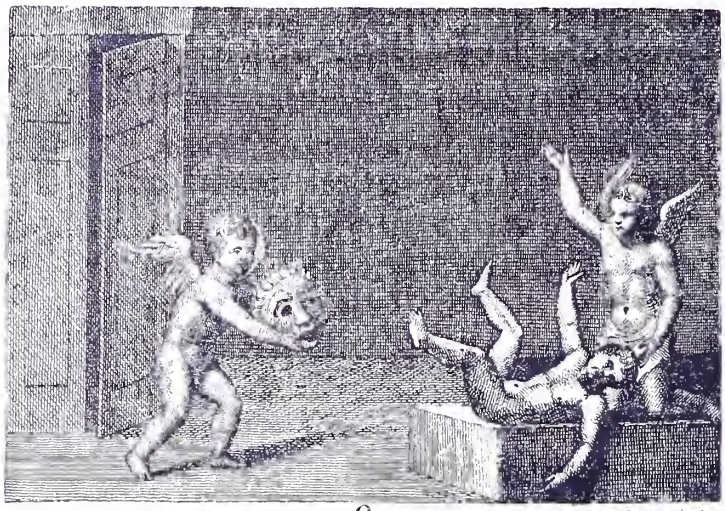


Рис. И. Ивановъ *Гр. Кульбинъ*

Если признать достовѣрнымъ исполненіе Ивановымъ пяти карикатуръ на 1812 годъ, то также увѣренно можно утверждать, что его карандашу принадлежатъ нѣсколько рисунковъ для двухъ роскошныхъ по тому времени изданій: «Стихотвореній Востокова» 1821 г. и «Басенъ Крылова» 1825 г.

Ивановъ принималъ очень дѣятельное участіе въ жизни и интересахъ всего Теребеневскаго кружка и былъ, подобно Теребеневу, особенно близокъ съ Востоковымъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ ихъ переписка. Едва ли можно, поэтому, сомнѣваться въ томъ, что тѣ три рисунка аллегорическаго содержанія, которые помѣщены въ стихотвореніяхъ

Востокова и подписаны рисовальщикомъ И. Ивановымъ и граверами М. Ивановымъ и Ческимъ исполнены другомъ Востокова, — Иваномъ Алексѣевичемъ Ивановымъ.

Участіе же его во второмъ изданіи съ несомнѣнностью подтверждается статьею нѣкоего Тимофѣева въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1835 годъ. Въ статьѣ этой, ея авторъ, разбирая картину проживавшаго въ Римѣ русскаго художника Маркова 2 на сюжетъ Басни Крылова «Фортуна и Нищій», заканчиваетъ свой разборъ словами: «нельзя при этомъ не вспомнить и прекраснаго изображенія той же басни нашимъ ветераномъ художникомъ И. А. Ивановымъ». Въ 1835 году другого ветерана художника, имя и фамилія котораго отвѣчали бы фамиліи нашего мастера и буквамъ его имени и отчества не существовало. Не было также извѣстно и другого «прекраснаго изображенія» упомянутаго сюжета, кромѣ того, который появился въ Басняхъ Крылова, изданія 1825 года. Приходится, такимъ образомъ, признать, что только имъ и могли быть исполнены, какъ картинка «Фортуна и Нищій», такъ и всѣ остальныя иллюстраціи, украшающія эти басни и подписанныя его именемъ. Сличая затѣмъ иллюстраціи двухъ упомянутыхъ изданій съ другими рисунками, снабженными тою же подписью и появлявшимися въ разныхъ иллюстрированныхъ сборникахъ того времени, можно замѣтить общіе имъ всѣмъ, чисто индивидуальные оттѣнки не только въ мотивахъ и темахъ, но и въ пріемахъ ихъ исполненія: трактовкѣ классическихъ драпировокъ, позахъ, жестахъ и движеніяхъ фигуръ. Такое сравненіе приводитъ къ убѣжденію, что авторомъ всѣхъ этихъ рисунковъ является, опять-таки, никто другой, какъ Иванъ Алексѣевичъ Ивановъ. Если это предположеніе основательно, то Ивановъ долженъ быть отнесенъ къ числу лучшихъ рисовальщиковъ самаго блестящаго вѣка нашей книжной иллюстраціи.

Въ высшей степени интересны, напримѣръ, всѣ подписанныя его именемъ историческія и аллегорическія виньетки

Ворона и курица. Басни Крылова. 1815 г. 28.

и картинки къ Фингалу, идиліямъ Панаева, Руслану и Людмилѣ, стихотвореніямъ Востокова и Филимонова и къ сочиненіямъ Озерова 1828 года. Условный языкъ его аллегорій или задуманныхъ въ псевдоклассическомъ стилѣ историческихъ сценокъ, проведенъ черезъ всѣ его композиціи нѣсколько систематично и сухо. Но эта излишняя, быть можетъ, ихъ сухость, не производитъ впечатлѣнія ни чрезмѣрныхъ натяжекъ, ни уклоненія отъ художественной правды, воплощая собой, съ другой стороны, эстетическія настроенія эпохи.

Замѣчательны также его жанровыя сценки въ Басняхъ Крылова и Хемницера: «Котъ и Поваръ, Ворона и Курица, Демьянова Уха, Оселъ и Соловей, Зеленый Оселъ и др.». Первая изъ этихъ сценокъ, изображающая повара, читающаго нравоученія коту, по граціозности замысла и блеску исполненія, можетъ оспаривать первенство у всѣхъ произведеній современной ему французской иллюстраціи. Вторая, — представляющая карикатуру на французовъ, жарящихъ воронъ, исполнена съ такимъ тонкимъ и неподдѣльнымъ юморомъ, до котораго, конечно, никогда не достигало ни одно произведеніе Теребенева и Венеціанова.

Невольно теперь спрашивается, какимъ же образомъ Ивановъ, безспорно хорошій и опытный рисовальщикъ, могъ подписать свое имя подъ такими посредственными рисунками, какими представляются всѣ пять исполненныхъ имъ карикатуръ на Отечественную войну? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ. Ивановъ не рисовалъ этихъ листовъ, а лишь воспроизводилъ ихъ гравюрой, слѣпо слѣдуя чужому и безталанному исполненію и замыслу. Всякое другое предположеніе представляется мало вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, но всѣ эти пять Ивановскихъ работъ могутъ привести только къ тому заключенію, что карикатура не составляла его призванія и мало его вдохновляла. Онъ, очевидно, чувствовалъ гораздо болѣе склонности къ темамъ историче-

скимъ, аллегорическимъ и чисто бытовымъ, приспособленнымъ къ иллюстраціи книги и въ этой области долженъ безспорно занять въ исторіи русской книжной иллюстраціи одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

Еще нѣсколько свѣдѣній объ Ивановѣ, носящихъ на этотъ разъ чисто автобіографическій характеръ и извлеченныхъ изъ его переписки съ Востоковымъ. Многія изъ этихъ свѣдѣній появляются въ печати впервые. [30]

Востоковъ подружился съ Ивановымъ еще въ 1794 году и сохранилъ дружескія съ нимъ отношенія до его смерти. Письма Иванова, относящіяся къ 1799—1803 годамъ писаны съ пути въ Москву и за Москву, гдѣ онъ получилъ работу. Ихъ содержаніе самое разнообразное. Быстро переходя отъ одного предмета къ другому, Ивановъ даетъ намъ и поэтическія описанія природы, и немного философіи, и долю моднаго въ то время «чувствительнаго» настроенія въ темахъ чисто бытовыхъ: встрѣчахъ, знакомствахъ, приключеніяхъ, оживляя передачу своихъ впечатлѣній то оригинальной метафорой, то ловкимъ, иногда подкрашеннымъ, рисункомъ, на-

Наполеонъ формируетъ новую армію изъ разныхъ уродовъ и калѣкъ. 130.

бросаннымъ тутъ же въ текстѣ письма. Онъ пишетъ не стѣсняясь, что думаетъ и думаетъ картинно и образно.

Вотъ, напримѣръ, какъ онъ выражаетъ свое безпокойство о чувствахъ къ нему Востокова, которому, повидимому, онъ былъ горячо и искренно преданъ. «Могу ли надѣяться» пишетъ онъ, «вѣкъ свой имѣть тебя ближайшимъ другомъ?» Нѣтъ человѣка, который рано или поздно не измѣнялся бы, полагаетъ далѣе Ивановъ, и хотя онъ въ другѣ перемѣны не ожидаетъ, но «боится, чтобы стремленіе времени, вовлекая его въ разные опыты, не заставило бы его для собственнаго щастія оставить за плечами главныя добродѣтели: справедливость, откровенность, чистосердечіе и надѣть только ихъ маску, клеенную мастеромъ обмана и лакированную олифой притворства».

Всѣ эти опасенія были совершенно напрасны. Тѣсная дружба между Востоковымъ и Ивановымъ продолжалась до смерти послѣдняго. Востоковъ посвятилъ даже Иванову три стихотворенія: «Зима», «Письмо о счастіи» и «Къ другу». Послѣднее изъ этихъ стихотвореній ясно рисуетъ ихъ близкія отношенія, особенно напряженныя послѣ долгой разлуки. Поэтъ проявляетъ радость предстоящаго свиданія слѣдующими строками:

Держу перо въ рукѣ, а самъ я внѣ себя
Въ восторгѣ, кажется, твой голосъ ухо внемлетъ
И видитъ взоръ тебя.

Выражая затѣмъ желаніе остаться съ другомъ подольше, Востоковъ заканчиваетъ свое стихотвореніе страстнымъ призывомъ:

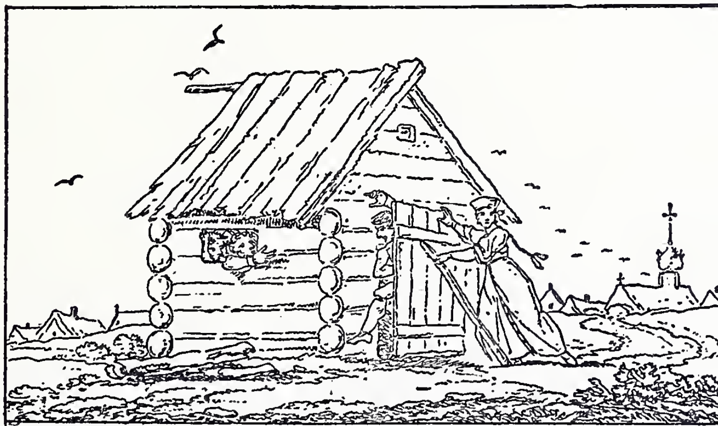
...Пребудь же долѣе о званый другъ со мною
Здѣсь долѣе пребудь дражайшая мечта,
Я сердце все тебѣ стѣсненное открою
И облегчу его — въ немъ та же чистота,
Оно тебя достойно...

Чрезвычайно любопытна переписка Иванова и Востокова еще и потому, что она свидѣтельствуетъ о степени образованности питомцевъ Академіи Художествъ того времени. Въ этомъ отношеніи, особенно интересно первое письмо Иванова, написанное имъ въ Новгородѣ 4 мая 1799 года. Оно мѣтко характеризуетъ его эстетическіе идеалы, которые опередили, какъ оказывается, на цѣлый вѣкъ нѣкоторые изъ современныхъ намъ настроеній и преувеличенныхъ восторговъ.

Новгородская старина напомнила Иванову его взглядъ на возможность соединить Русское съ не-Русскимъ въ архитектурѣ и онъ «въ десятый разъ», какъ самъ говоритъ, высказываетъ его такъ: «Мало находится пріятнаго въ русско-готическомъ вкусѣ, по крайней мѣрѣ, для меня, хоть вы смѣйтесь, хоть нѣтъ». Оправдывая затѣмъ это мнѣніе, Ивановъ замѣчаетъ, что «готическій вкусъ тѣмъ дуренъ, что чрезъ мѣру сухъ», а русскій, — который можно видѣть въ деревенскихъ кружевахъ на полотенцахъ или въ узорахъ извощичьихъ рукавицъ, «имѣетъ много плоскаго, оляповатаго». Такимъ образомъ, по его мнѣнію, «двѣ противоположности обоихъ вкусовъ умѣряютъ одна другую» но «вы не внемлете», заключаетъ онъ, «моимъ доказательствамъ и ты, любезный Остеночекъ,[31] часто говаривалъ, что у меня вкусъ испорченъ».

Въ двухъ слѣдующихъ письмахъ Ивановъ сообщаетъ о своемъ паломничествѣ на дачу Тихили близъ Симонова монастыря и на прудъ «Бѣдной Лизы», которая съ 1792 года продолжала пользоваться необычайнымъ успѣхомъ. «Нынѣ прудъ здѣсь въ великой славѣ», пишетъ онъ Востокову, «часто гуляетъ около него народъ и читаетъ надписи, вырѣзанныя на деревьяхъ вокругъ». Нѣкоторыя изъ этихъ надписей относились къ Карамзину несочувственно, другія же «чувствительны и тронуты сею жалкою исторіею, но они залки и писаны кажется петиметрашками». Въ этихъ же письмахъ Ивановъ высказываетъ свое мнѣніе о современныхъ

Постойко, не въ свои ты сани братъ садишься,
Ты править нашею лошадкой не годишься.



Французовъ какъ мышей, словила въ западню;
Небудь ихъ духъ въ Руси, я всѣхъ предамъ огню.

ему литераторахъ, восхищаясь, напримѣръ, Хемницеромъ и хваля Долгорукаго, «штиль котораго не рознится отъ фонъ-Визинова»,— и потомъ, вдругъ, повинуясь полету капризной фантазіи, съ присущею ему живостью, переходитъ къ впечатлѣнію, которое произвели на него московскія цыганки. «Ето самыя безстыдныя твари», пишетъ онъ, «которыхъ гадко и смотрѣть,— поютъ во все хайло толстыми голосами и хлопаютъ въ ладоши, сжавши вмѣстѣ локти». Безстыдство цыганокъ не помѣшало ему, однако, «покушаться на нихъ нѣсколько разъ, и всегда быть ими оплетеннымъ». Болѣе чѣмъ вѣроятно, что этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется безпощадная суровость его отзыва.

Похожденія Иванова не всегда, впрочемъ, оканчивались однимъ позорнымъ его «оплетеніемъ». Онъ пользуется и успѣхомъ у прекраснаго пола, хотя успѣхомъ дешеваго свойства и каждый разъ о немъ распространяется, не жалѣя ни красокъ, ни ультра-реальныхъ подробностей. Женскій вопросъ, въ нѣсколько одностороннемъ его освѣщеніи, игралъ, повидимому, въ молодой жизни Иванова немаловажную роль.

Откровенно выражая свой восторгъ передъ прелестями женщины, онъ то подробно останавливается на безшабашномъ кутежѣ какихъ то московскихъ купцовъ, которые, пріѣхавъ съ молодыми дѣвушками къ Лизину пруду, насильно раздѣли ихъ до гола, и толкая ихъ въ прудъ, заставляли купаться, то также любовно передаетъ рискованныя подробности одной изъ своихъ трактирныхъ побѣдъ. Подобнымъ же настроеніемъ отличается и то его письмо къ Востокову, въ которомъ онъ говоритъ объ охватившей его страсти къ молодой дѣвушкѣ, чуть не ребенку, сомнѣваясь въ ея взаимности, вслѣдствіе крайней ея молодости и прибавляя, что «сіе то давитъ его сердце и почти выдавливаетъ слезы».— «Когда я слышу», продолжаетъ онъ, «согласные звуки музыки, образъ и сего гармоническаго произведенія натуры, присоединившись къ онымъ, воображенію моему представляется въ

Русскій Курцій. Ратникъ Московскаго ополченія. 186.

неудобоизъяснимомъ совершенствѣ, тогда я готовъ... слить ея душу съ моей душой. Къ счастію, я не такъ пылокъ, смѣлъ и постояненъ, чтобы застрѣлиться какъ Гетевскій Вертеръ».

И больно, наконецъ, и смѣшно, что заключительнымъ аккордомъ писемъ Иванова служитъ извѣстіе о «пьянствѣ до крайности доведенномъ», какъ пишетъ Востоковъ, въ «смертельномъ безпокойствѣ» за друга, послѣ дошедшихъ до него тревожныхъ слуховъ о случившейся съ нимъ непріятности. Вотъ какъ описываетъ эту непріятность самъ Ивановъ:

«Будучи соблажненъ беспутными людми, напился піанъ... обнажа шпагу свою, расшибъ стекло въ каретѣ Генералъ-Аншефши Донауровой, за что былъ взятъ, представленъ Государю и суженъ уголовнымъ судомъ. Ничего себѣ не ожидалъ кромѣ Сибири... сидѣлъ въ тюрьмѣ... три мѣсяца... сверхъ всякаго чаянія всемилостивѣйшій указъ воскресилъ меня, указъ, самимъ Богомъ милующимъ грешниковъ, вдохновенный Государю: во уваженіе прозбы (человѣколюбивой той генеральши Донауровой, которую я обидѣлъ)... дѣло оставить».

Всѣ послѣдніе годы жизни нашъ талантливый и легкомысленный мастеръ занимался исключительно составленіемъ рисунковъ для производившихся подъ его надзоромъ вещей на Стеклянномъ и Фарфоровомъ заводѣ и раскрашиваніемъ фигуръ къ «Положенію о гражданскихъ мундирахъ». Архивъ Академіи Художествъ вполнѣ удовлетворяетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи нашу понятную любознательность. Ивановъ спеціализировался на раскрашиваніи мундировъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Умеръ Ивановъ въ Петербургѣ 25 іюня 1848 года отъ свирѣпствовавшей въ то время холеры.

Артистическою дѣятельностью Иванова я заканчиваю предлагаемый очеркъ исторіи нашей карикатуры въ эпоху Отечественной войны. Мнѣ остается только подвести ея итоги.

Какой же вкладъ оставленъ въ нашемъ искусствѣ художественной сатирой этой эпохи, ея вдохновителемъ Иваномъ Теребеневымъ и его главными послѣдователями Венеціановымъ и Ивановымъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ вернуться къ тому времени, въ которомъ жили и работали эти три нашихъ мастера и не забывать, прежде всего, что менѣе ясно очерченныя грани душевныхъ свойствъ людей начала XIX вѣка осложнились къ началу XX-го массой новыхъ психологическихъ оттѣнковъ и настроеній, новыхъ склонностей и вкусовъ. Многое изъ того, что оставляетъ насъ теперь равнодушными и холодными, возбуждало въ нашихъ предкахъ неподдѣльный восторгъ, — большинство современныхъ намъ идеаловъ были бы ими, конечно, непоняты. Наши глаза смотрятъ на жизнь и ея проявленія иначе.

Представляя образцы чисто народнаго юмора, Теребеневскіе, Венеціановскіе и Ивановскіе «простовики», какъ прежде называли всѣ плохія и грубыя гравюры, нравились современному имъ обществу и получили громадное распространеніе; они, слѣдовательно, отвѣчали его эстетическимъ потребностямъ. Въ наше время, едва ли кому либо придетъ въ голову находить, хотя бы, работы Теребенева, «остроумными и единственными» и называть его «Русскимъ Гогартомъ», какъ поэтъ Измайловъ, или останавливать на нихъ общественное вниманіе, и ставить, «по замысловатости и близости къ природѣ», выше однородныхъ произведеній англи-

чанъ и французовъ, какъ Востоковъ. Для насъ Теребеневъ и Ивановъ представляются, въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ, лишь хорошими и талантливыми рисовальщиками; заслуга Венеціанова — въ его первыхъ, по времени, карикатурахъ на отечественный бытъ. Но, какъ сатирики современнаго имъ политическаго положенія, ни одинъ изъ трехъ — значенія не имѣетъ.

Политическая карикатура, болѣе чѣмъ какая либо другая, требуетъ остроумія и наблюдательности, воображенія и фантазіи, живя и питаясь не столько дѣйствительностью, сколько неожиданными и смѣшными сопоставленіями. Она требуетъ, кромѣ того, близкаго участія въ политической жизни и самостоятельнаго къ ней отношенія, которое вырабатывается лишь долгими годами политической свободы.

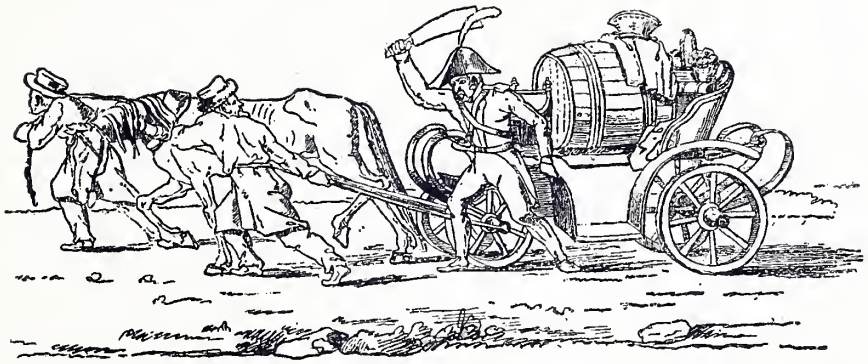
Всѣми этими свойствами наши мастера не обладали, а, отчасти, и обладать не могли и, вмѣсто тонкой политической усмѣшки, оставили намъ грубый взрывъ патріотическаго негодованія.[32] Безспорно, что, послѣ великой трагедіи Отечественной войны, исключительной задачей карикатуры было возбужденіе патріотическихъ чувствъ. Несомнѣнно и то, что выраженіе этихъ чувствъ въ дыму патріотическаго фиміама должно было затуманить сознательное отношеніе къ внѣшнимъ событіямъ и личности врага. Въ воздухѣ, зараженномъ злобою и ненавистью, художественная сатира не могла не быть рѣзка и непріятна. Но ни у одного изъ русскихъ мастеровъ не хватило таланта, чтобы остаться въ предѣлахъ юмора, хотя бы и рѣзкаго, не переходя въ грубый шаржъ, не хватило и той мѣткости смѣха, того его могущества, которое онъ пріобрѣтаетъ, когда становится силой. Ихъ смѣхъ не смѣшитъ, стрѣлы ихъ сатиры не ранятъ.

У Теребенева, Венеціанова и Иванова есть, тѣмъ не менѣе, одна великая заслуга. Произведенія ихъ знакомятъ насъ съ уровнемъ развитія эпохи, ея страстями и заблужденіями, негодованіемъ и горемъ и даютъ вѣрное выраженіе

современнаго общественнаго настроенія, — живую страницу того незабвеннаго историческаго времени, которое грозило перевернуть всѣ судьбы русскаго народа. Такое значеніе ихъ творчества искупитъ во многомъ столь ощутительный въ немъ недостатокъ тонкой и воспріимчивой ироніи и изящнаго вкуса.

Быть можетъ, однако, этотъ выводъ пристрастенъ; быть можетъ онъ объясняется тѣмъ лишь, что артистическую дѣятельность нашихъ мастеровъ, какъ и всякую другую эпоху родного искусства, слѣдовало бы изучать съ энтузіазмомъ и пыломъ молодости, склонной видѣть во всемъ томъ, что блеститъ — золотой самородокъ, а не въ сумерки жизни, когда безвозвратно утрачено ея дорогое достояніе — иллюзія.

Рис. Иванов *Гр. Кулибин*



ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Архивъ Императорской Академіи Художествъ 1785/29. Отецъ Теребенева въ концѣ 1770-хъ годовъ числился въ скульптурномъ орнаментальномъ классѣ. Въ 1776 году имъ была исполнена зеркальная рама, въ 1777 — уборный столикъ, въ 1778 — рама для картины. Въ 1799 онъ получилъ 2-ую золотую медаль за собственное сочиненіе по задачѣ: «Ангелъ выводитъ Петра изъ темницы».

2. Тамъ же 1800/66.

3. Сынъ Отечества 1815, № 4; Русская Старина 1884, № 3.

4. Архивъ Императорской Академіи Художествъ 1811/56. Управляющій Министерствомъ Морскихъ силъ, И. И. де Траверсе просилъ Министра Народнаго Просвѣщенія, графа А. Разумовскаго сообщить ему «можно ли препоручить художнику Теребеневу дѣланіе лѣпныхъ работъ, барельефовъ, арматуръ и разныхъ фигуръ къ новому фасаду Адмиралтейскихъ зданій, которые, по великолѣпію, требуютъ искусства въ наружныхъ украшеніяхъ». Отношеніемъ 29 ноября 1811 года, Адъюнктъ-ректоръ Мартосъ поручился «за успѣшное приведеніе имъ въ дѣйствіе сего дѣла».

Вотъ какъ образно современникъ описываетъ содержаніе Теребеневскаго барельефа: «Заведеніе флота». Вы видите Нептуна, вручающаго Петру Великому трезубецъ въ знакъ владычества его надъ морями; подлѣ основателя Россійской Имперіи стоитъ Минерва и смотритъ на берегъ Невы, гдѣ въ отдаленіи Тритоны производятъ различныя корабельныя работы; на самой серединѣ барельефа возвышается скала, на которой подъ тѣнію лавроваго дерева, сидитъ Россія, въ видѣ женщины, украшенной вѣнцемъ; въ правой рукѣ ея палица Геркулесова, признакъ силы, въ лѣвой — рогъ изобилія, къ коему Меркурій прикасается своимъ жезломъ, изъявляя тѣмъ, что избытокъ естественныхъ произведеній только посредствомъ торговли получаетъ высшую цѣнность; съ другой стороны Вулканъ повергаетъ къ

ногамъ Россіи перуны и оружіе въ ознаменованіе всѣхъ оборонительныхъ средствъ, устроенныхъ Петромъ Великимъ, напримѣръ, пушечнаго литія и т. п. Лицо Россіи съ любовію обращено къ сему Отцу Отечества. Минерва, близъ него стоящая, имѣетъ при себѣ пстуканъ Побѣды въ знакъ того, что успѣхъ всякой битвы принадлежитъ уму, и что Петръ I собственному генію обязанъ всѣми счастливыми слѣдствіями своихъ предпріятій. Летящая Слава несетъ флагъ Россійскій вдаль океана, на которомъ уже видѣнъ новый флотъ, окруженный веселымъ хороводомъ вымышленныхъ морскихъ божествъ». Н. Лансере. Захаровъ и его Адмиралтейство. «Старые Годы». Декабрь 1911 г.

5. Сынъ Отечества 1815, № 4; Русская Старина 1884, № 3.

6. Шильдеръ. Имп. Александръ I; Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи; Пятковскій. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія; Дубровинъ. Русская жизнь въ концѣ XIX столѣтія. Русская Старина 1898 и 1899 и др.

7. Періодическое изданіе Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. 1804.

8. Тамъ же.

9. Вѣсти 1864, № 15. А. А. Востоковъ. Статья Н. Греча и — 1865, № 15.

10. Причиной исключенія Попугаева была его ссора съ однимъ изъ видныхъ членовъ Общества Борноволоковымъ; въ чемъ она заключалась — неизвѣстно. Вскорѣ послѣ этой ссоры, Попугаевъ самъ подалъ просьбу о томъ, чтобы его изъ списковъ Общества «вычернить», но просьба запоздала, онъ былъ исключенъ ранѣе ея полученія. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ т. 70. Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни. В. И. Срезневскій, стр. 84.

11. Періодическое изданіе Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ 1804; Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1890, № 3, стр. 56 — 118; Пятковскій. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія.

12. Переписка А. Х. Востокова. И. Срезневскій. СПБ. 1873, стр. XI.

13. Изъ писемъ И. И. Теребенева къ А. Х. Востокову. И. Срезневскій. Русская Старина. 1901. № 1.

14. Максимовъ. Сибирь и каторга. 1900, стр. 379.

15. Архивъ Имп. Академіи Художествъ 1807/18. Залъ Биржи предполагалось украсить четырьмя фигурами, каждая по 4 аршина вышины; онѣ должны были изображать: правосудіе, законъ, навигацію и изобиліе. Заказъ приняли на себя А. Акимовъ, И. Теребеневъ, И. Кащенковъ и И. Монсѣевъ, по 2000 р. за каждую. По неизвѣстнымъ, причинамъ, Теребенева, при окончательныхъ переговорахъ, замѣнилъ И. Воротиловъ.

16. Сынъ Отечества 1815, № 4.

17. Русская Старина 1884, № 3.

18. Вѣстникъ Европы 1805, № 3; Геній Временъ 1808, № 7 и 1809; Русскій Вѣстникъ 1808. См. также прим. 6.

19. Сынъ Отечества 1813, VIII, 90.

20. Этотъ великолѣпный листъ я видѣлъ въ Собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ, въ Царскомъ Селѣ. Ни у одного изъ нашихъ собирателей его не имѣется. Воспроизвести его мнѣ не удалось.

21. Сынъ Отечества 1815, № 5, стр. 213; Русская Старина 1884, № 3; Архивъ Имп. Академіи Художествъ 1815/61; Сынъ Отечества 1820, т. 64, стр. 334; А. Воейковъ. Славянинъ 1828, т. VII. Изъ послѣдняго источника, мы узнаемъ, между прочимъ, что Свиньинъ въ Отечественныхъ запискахъ обвинялъ Теребенева въ непробудномъ пьянствѣ, прибавляя, что онъ страшно нуждался и что его дѣти ходили въ рубищахъ. Воейковъ, лично знавшій Теребенева и его семью, съ негодованіемъ опровергаетъ это обвиненіе.

22. Ровинскій. Словарь портретовъ. Заключеніе стр. 543.

23. Описаніе этого журнала помѣщено въ № 1 «Русскаго библіофила» Н. Соловьева, въ моей же замѣткѣ «Журналъ Карикатуръ на 1808 годъ», откуда и перепечатано въ настоящемъ очеркѣ.

Журналъ былъ выпущенъ въ форматѣ продолговатой четвертки, въ лиловой обложкѣ, съ наклеенной на ней бѣлой этикеткой, на которой значится его заглавіе и содержаніе его четырехъ перенумерованныхъ рисунковъ, въ слѣдующемъ видѣ:

«Журналъ каррикатуръ на 1808 годъ. Первая тетрадь. Генварь.

№ 1. Аллегорическое изображеніе двѣнадцати мѣсяцевъ.

№ 2. Катанье въ саняхъ.

№ 3. Вельможа.

№ 4. Введеніе въ свѣтъ молодого человѣка.

Ridendo castigat mores. Съ дозволенія СПБ. Цензурнаго Комитета, Санктпетербургъ. Въ типографіи Иверсена. 1808 года».

Находящіеся въ экземплярѣ Императорскаго Эрмитажа листы №№ 1 и 3 рѣзаны офортомъ и слегка тронуты тушью и бѣлилами; они имѣются въ двухъ видахъ — черномъ и раскрашенномъ. Рисунокъ № 1 представляетъ самаго невиннаго свойства аллегорію на двѣнадцать мѣсяцевъ, весело кружащихся около старика, изображающаго время.

24. Записки А. М. Тургенева. Русская Старина 1879, № 4, стр. 216; Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX столѣтія. Русская Старина 1899, № 4, стр. 260.

25. Русская Старина, тамъ-же; Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго т. VII, стр. 457.

26. Русская Старина, тамъ же № 5, стр. 541.

27. Венеціановъ въ частныхъ собраніяхъ. Бар. Н. Н. Врангель.

28. Несмотря на успѣхи Венеціанова въ рисункѣ, трудно, однако, согласиться

съ бар. Н. Н. Врангелемъ, который, въ другой своей замѣткѣ объ этомъ художникѣ (Рус. Музей Имп. Александра III), называетъ его «превосходнымъ» рисовальщикомъ. Едва ли онъ можетъ быть названъ таковымъ даже въ своихъ лучшихъ работахъ, не говоря уже о «Волшебномъ Фонарѣ», на который, между прочимъ, ссылается авторъ замѣтки; рисунки этого послѣдняго изданія прямо плохи.

29. Архивъ Академіи Художествъ 1817/67,74; 1819/58; 1820/41; 1822/79; 1827/6; 1829/102, 171; 1835/86.

30. Подлинныя письма И. А. Иванова къ А. Х. Востокову, хранящіяся въ Архивѣ Академіи Наукъ; Переписка А. Х. Востокова. И Срезневскій. СПБ. 1873, стр. XI; Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Замѣтки о жизни Востокова.

31. Первоначальная фамилія Востокова (1781 — 1864) была Остенекъ.

32. Совершенно иначе опредѣляетъ достоинство отечественныхъ карикатуръ этой эпохи нашъ извѣстный художественный критикъ А. Н. Бенуа. Въ своей Исторіи Русской Живописи въ XIX вѣкѣ (стр. 34), онъ видитъ въ произведеніяхъ И. Теребенева, Иванова (ошибочно названнаго именемъ гравера М. Иванова) и Венеціанова, проявленіе самостоятельнаго и своеобразнаго взгляда на политическія событія, взгляда полнаго искренности и живого сочувствія. «Эти бойко набросанные шаржи», заключаетъ А. Н. Бенуа, «безъ какихъ либо «личностей», выражающіе лишь народный взглядъ на разныя событія, отличались необычной въ забитомъ русскомъ художествѣ пламенностью, убѣжденностью и даже нѣкоторою дерзостью, но не были глупымъ и чваннымъ «шапками закидаемъ», такъ какъ въ нихъ проглядывало только удивительно благодушное сознаніе собственной гигантской силы, которой дали, наконецъ, развернуться».

Искренно преклоняясь передъ общепризнаннымъ авторитетомъ въ вопросахъ искусства уважаемаго А. Н. Бенуа, я рѣшаюсь, тѣмъ не менѣе, въ оцѣнкѣ указанныхъ работъ нашихъ мастеровъ, держаться уже высказаннаго мною мнѣнія. Въ карикатурныхъ листахъ на 1812 годъ, я вижу, за рѣдчайшими исключеніями, только одни грубые шаржи, а не «бойкіе наброски», вижу и тѣ «личности», которыхъ А. Н. Бенуа не усматриваетъ, хотя бы въ громадномъ количествѣ плоскихъ выходокъ на Наполеона (около ста). Признавая, затѣмъ, за этими листами большое значеніе, въ качествѣ живыхъ свидѣтелей современнаго имъ общественнаго настроенія, я не усматриваю, однако, въ ихъ авторахъ исключительнаго стремленія къ воплощенію, именно, народнаго взгляда, уже по одному тому, что, собственно народу, листы эти были по цѣнѣ совершенно недоступны. Мои сомнѣнія, относительно искренности и убѣжденности ихъ содержанія, я уже имѣлъ случай высказывать. Остается, такимъ образомъ, согласиться съ признаніемъ за нѣкоторыми изъ нихъ пламеннаго порыва, дерзости, особенно дерзости, — и сознанія собственной силы.

.....

СПИСОКЪ КАРИКАТУРЪ НА 1812 Г.

Благоразумная ретирада доставитъ мнѣ спокойствіе. 7.

Представляемый списокъ карикатуръ на Отечественную войну и разныхъ другихъ листовъ Теребенева, Венеціанова и Иванова составленъ, главнымъ образомъ, по «Русскимъ Народнымъ Картинкамъ» (книги 2 и 4) и «Словарю русскихъ граверовъ» Д. А. Ровинскаго, а также по «Опыту каталога сочиненіямъ на 1812 годъ» Липранди. Онъ провѣренъ мною въ слѣдующихъ собраніяхъ: 1) Собраніе Государя Императора въ Царскосельскомъ Дворцѣ, поднесенное Его Императорскому Величеству Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ. Это собраніе входило въ коллекцію извѣстнаго собирателя П. А. Ефремова и было пріобрѣтено Великимъ Княземъ при распродажѣ коллекціи Ефремова, послѣ его смерти. 2) Собраніе Императорской Публичной Библіотеки, въ которое вошли коллекціи Даля, Лаврова и Погодина. 3) Собранія: Е. Н. Тевяшова, сенатора Е. Е. Рейтерна и В. И. Яковлева.

Эта провѣрка вызвала необходимость дополненій и поправокъ къ трудамъ Д. А. Ровинскаго, которыя мною и произведены, по мѣрѣ силъ и возможности. Покойный ученый описалъ нѣсколько листовъ по несовершеннымъ экземплярамъ, другіе — ему вовсе не попадались. Полагаю, равнымъ образомъ, что число работъ Теребенева и Венеціанова, указанное въ «Народныхъ Картинкахъ» должно быть дополнено нѣкоторыми листами, не отнесенными Д. А. Ровинскимъ къ ихъ произведеніямъ. Въ моемъ спискѣ, не упомянуты, затѣмъ, около 10 листовъ, неправильно, какъ мнѣ кажется, показанныхъ въ «Народныхъ Картинкахъ» въ числѣ карикатуръ, уже по тому одному, что никакого умысла со

стороны ихъ авторовъ осмѣять представляемое событіе въ нихъ не замѣчается. Таковы: «Казаки на бивакахъ», «Казаки на форпостахъ», «Казачья Аттака», «Освобожденіе изъ плѣна Винценгероде», «Изгнаніе изъ Москвы непріятеля», «Генералъ Вандамъ» и т. д. Въ отличіе, наконецъ, отъ «Народныхъ Картинокъ», заключающіяся въ настоящемъ спискѣ описанія, для облегченія поисковъ и выигрыша мѣста, нѣсколько сокращены, представляя, однако, всѣ свѣдѣнія, необходимыя для распознаванія листа; описанія эти, кромѣ того, размѣщены въ тѣхъ же цѣляхъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Не съ чувствомъ, впрочемъ, тщеславнаго славолюбія, я отмѣчаю тѣ измѣненія, которыя внесены мною въ замѣчательныя изслѣдованія Д. А. Ровинскаго, а съ чувствомъ безграничнаго преклоненія передъ колоссальными трудами почившаго ученаго, для которыхъ не должно было, казалось, хватить обыкновенной человѣческой жизни. Проторивъ широкую дорогу для дальнѣйшихъ работъ на поприщѣ русской графики, этотъ изумительный труженикъ, каждой изъ своихъ немногихъ ошибокъ, каждымъ незначительнымъ пропускомъ, словно подчеркиваетъ всѣмъ тѣмъ пигмеямъ, которые выступаютъ на томъ же поприщѣ послѣ него, всю безпредѣльность своего труда и глубину научнаго опыта передъ жалкою ничтожностью ихъ усилій.

Позволяю себѣ, въ заключеніе, принести мою искреннѣйшую признательность тѣмъ собирателямъ, которые открыли свои собранія для моего пользованія. Всякому серьезному любителю хорошо извѣстно чувство понятнаго страха за судьбу выходящаго изъ коллекціи, хотя бы на короткое время, листа, — чувство, которое усиливается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда листъ необходимъ для воспроизведенія. За пренебреженіе этимъ чувствомъ и лестное ко мнѣ довѣріе, я особенно признателенъ Е. Н. Тевяшову, предоставившему въ мое распоряженіе всю свою богатую коллекцію, сенатору Е. Е. Рейтерну и В. И. Яковлеву. Изъ собранія

перваго взято громадное большинство изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ очеркѣ иллюстрацій; нѣсколько великолѣпныхъ и рѣдкихъ листовъ (Игроки, Рифмачъ и др.), воспроизведены изъ собранія Е. Е. Рейтерна; описаніе неизвѣстнаго Ровинскому рѣдчайшаго альбома Булгакова, сдѣлано мною по собранію В. И. Яковлева. А за благосклонное и предупредительное отношеніе къ моимъ частымъ ходатайствамъ, я прошу принять выраженіе той же признательности завѣдывающихъ: русскимъ отдѣломъ И. П. Библіотеки — В. И. Саитова и библіотекой Государя Императора — В. В. Щеглова.

Нѣтъ, однако, никакого сомнѣнія, въ томъ, что, и при оказанномъ мнѣ просвѣщенномъ содѣйствіи, представляемый списокъ едва ли можетъ считаться имѣющимъ исчерпывающее значеніе, но смѣю, съ другой стороны, сомнѣваться и въ возможности его дополненія, въ предѣлахъ Наполеоновской эпохи, сколько нибудь существеннымъ образомъ. Богатѣйшія собранія поименованныхъ мною любителей въ достаточной мѣрѣ оправдываютъ это послѣднее сомнѣніе. Къ неизбѣжнымъ же во всякомъ изслѣдованіи подобнаго рода недосмотрамъ и пропускамъ, прошу у читателя благожелательнаго снисхожденія.

КАРИКАТУРЫ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ.

А.

1. АЗБУКА ДѢТСКАЯ. См. «Подарокъ дѣтямъ».

2. АКТРИСЫ ФРАНЦУЗСКІЯ. См. «Изгнаніе актрисъ».

3. АЛЧНЫЯ ФРАНЦУЗЫ. См. «Бабы бьютъ».

Б.

4. БАБУШКА КУЗЬМИНИШНА УГОЩАЕТЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ МАРОДЕРОВЪ ЩАМИ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Крестьянка Кузьминишна 4-хъ мародеровъ горшкомъ щей и ухватомъ побѣждаетъ и взявъ ихъ въ пленъ съ крестьянами къ Русской Воинской Командѣ Отправляетъ.

Кузьминишна, ты достойна доброй Славы.
взявъ 4-хъ французовъ точно какъ для Забавы».

На картинкѣ представлены четыре мародера за столомъ; они разговариваютъ: «О недобрѣ супе — Мадамъ, суне нехароша — Комрадъ, добре здѣсь изъ костей развести бульонъ» — Кароше».

Слѣва Кузьминишна говоритъ имъ, бросая въ голову одного изъ нихъ ухватъ: «Такъ вотъ тебе доброй Супъ поганецъ, поневоли разхлебаешь».

Это происшествіе разсказано въ Сынѣ Отеч. 1812, XI, стр. 225. Четыре мародера зашли къ старушкѣ крестьянкѣ, прося ѣсть; та, сжалившись надъ ними, дала имъ щей, но когда они начали ругать щи и плевать въ нихъ, то она хватила одного изъ французовъ горшкомъ въ голову и, выбѣжавъ сама изъ избы, приперла дверь ухватомъ и созвала народъ. Плохой листъ. Ров. 486. Липранди 1. Подпись неизвѣстнаго гравера: «Р. В. Л.».

5. БАБЫ БЬЮТЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ МАРОДЕРОВЪ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Алчныя французы краважаждущія тигры наши именія похищаютъ испечки кушинія таскают и съ жадностію утробу свою насыщаютъ. — Расъсердясь прошкина сноха и еремина невеска, поднявъ свое орудие начали бить и таскать некому было и отънять, а таварищи ево бежать и такъ имъ сказалъ лутчи отних бежать чемъ отъ ихъ орудія умирать».

Три бабы бьютъ мародеровъ ухватами и лантемъ, справа крестьянинъ съ топоромъ. Ров. 479.

6. БИВАКЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ВОЙСКЪ ПОДЪ ВИЛЬНОЙ на попятномъ ихъ пути; рисовано съ натуры въ концѣ 1812 года (тоже по французски).

Девять солдатъ, одѣтыхъ въ шубы, женскіе салопы и т. д., у котла варятъ пищу, на землѣ нѣсколько труповъ. Грав. очеркомъ М. Богучаровымъ безъ его подписи. Эта картинка была приложена къ № 27 Сына Отеч. за 1813 годъ. Бывали экземпляры и раскрашенные. См. Военное одѣяніе. Ров. 455 А. (т. IV). Богучаровъ — рисовальщикъ и граверъ первой половины XIX столѣтія, гравировалъ больше очеркомъ; онъ служилъ швейцаромъ у Оленина.

7. БЛАГОРАЗУМНАЯ РЕТИРАДА ДОСТАВИТЪ МНѢ СПОКОЙСТВІЕ.

Наполеонъ скачетъ въ дровняхъ въ одиночку, на запяткахъ два маршала, вдали поле съ бѣгущимъ войскомъ, направо скачущіе казаки. Хорошо исполненный листъ, быть можетъ, работы Теребенева. Та же лошадь встрѣчается и на листѣ «Проѣздъ высокаго путешественника». Ров. 440.

8. БЛУДЛИВЪ, КАКЪ КОШКА, ТРУСЛИВЪ, КАКЪ ЗАЯЦЪ. (Безъ заглавія, текстъ внизу).

Русскій великанъ держитъ за шворотъ Наполеона. Ров. 504 А. (т. IV).

9. БОГАТЫРЕВЪ. См. «Подмосковный крестьянинъ».

10. БОЛЬШАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ АРМІЯ, ИЛИ ЗАДАЧА ПО ГАЛЛЕВОЙ СИСТЕМѢ о уродливой головѣ, разрѣшенная русскимъ казакомъ.

Пятеро ученыхъ разсматриваютъ бюстъ Наполеона. Внизу сидитъ, развалясь, казакъ. Раб. Венеціанова. Ров. 512. Липранди 2.

11. БОНАПАРТЪ ВАЛЯЕТСЯ ВЪ СНѢГУ СЪ ДОСАДЫ и узнавъ, что близко казаки, кричитъ: я пропалъ, а чиновники его утѣшаютъ и сземи подымаютъ.

Наполеонъ, совершенно непохожій, падаетъ въ снѣгъ у г. Вильны, около него четыре маршала, направо казаки верхомъ. Лубочный листъ, грав. контуромъ и рис. А. Смирновымъ съ его подписью. Былъ приложенъ къ № 6 Моск. Вѣдомостей. Ров. 435. Липранди 36.

Подъ картинкой напечатаны типографскимъ шрифтомъ слѣдующіе стихи.

«Эй Бонапартъ убирайся,
И на снѣгу не валяйся,
Скоро казаки нагрянутъ,
Долгимъ орканомъ притянутъ,
И тебѣ адскому сыну
Вздуютъ нагайками спину.
Встань, поскорѣй убирайся,
Бѣгствомъ постыднымъ спасайся;
Иначе здѣсь ты погибнешь
И свои кости покинешь.
Жаль! угорѣлъ ты бѣжавши,
И свою честь потерявши.
Гонятъ въ Парижъ тебя къ дому,
Точно изъ рая къ Содому.
Русскихъ теперь ты знать будешь,
Ранъ и стыда не забудешь.
Видно, что ты Бонапартъ
Гришкѣ Отрепьеву братъ.

Рисов. и стихи соч. Александръ Смирновъ».

12. БОНАПАРТЪ И ЭХО. (Заглавіе наверху).

Изображеніе листа бумаги, развернутаго надъ рѣкой, на которой плывутъ корабли, справа стрѣляющее войско и видъ города. На листѣ стихи:

Кого бояться мнѣ коль нетъ прусскихъ...русскихъ.
Какъ? Русскихъ, но мой мечъ все пожнетъ...нетъ.
Ужель не побью я русскихъ никогда...да.
Но и мѣня побить имъ тоже невозможно...можно.
Кто жъ побьетъ мѣня? Неужели Бенигсонъ...онъ.
Такъ чемъ же отъ стыда я долженъ избѣжать...бѣжать
Бѣжать, куда? въ какихъ скроюсь я странахъ?...Ахъ!
Что будетъ съ Франціей какъ мой падетъ кумиръ...миръ.
Чего мнѣ ждать тогда увидя бывъ-тиранъ...ранъ.
И такъ не получу я никакихъ наградъ...Адъ.

У Ровинскаго этого листа нѣтъ. Собраніе Е. Н. Тевяшова. Лубочной работы.

13. БОРОДИНСКАЯ БИТВА. (Безъ заглавія).

Внизу отдѣльные эпизоды изъ подвиговъ Василисы и другихъ героевъ, прославившихся въ 1812 г. Ровинскій этого листа не видѣлъ; не встрѣчался онъ и мнѣ. Ров. 522 А. (т. IV).

14. БРОННИЦКІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ СИЛА СТАЛКИВАЕТЪ ФРАНЦУЗСКАГО МАРОДЕРА ВЪ РѢКУ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Пришелъ ты не спросясь броду хлѣба просить, полезай же ты бусурманъ въ воду рыбу ловить».

Ров. 501. Липранди 4. Лубочной работы.

15. БУЛГАКОВЪ. См. «Бѣгство Наполеона Великаго».

16. БѢГСТВО НАПОЛЕОНА. См. листы: «Постой-ка», «Что-жъ, батюшка, бѣжишь», «Когорты», «Прощай братъ», «Скрытное бѣгство», «Проѣздъ высокаго путешественника», «Благоразумная ретирада», «Выѣздъ Наполеона», «Наполеонова ретирада», «Наполеонъ ѣдущій», «Обратный путь», «Отступленіе», «Посланіе», «Ретирада Наполеона», «Русскій мужикъ», Рыцарская поѣздка», «Торжественное шествіе» и др.

17. БѢГСТВО НАПОЛЕОНА. (Безъ заглавія и текста).

Наполеонъ бѣжитъ, за нимъ летятъ по небу двѣ крылатыя фигуры съ мечомъ, вѣсами и факеломъ, направо трупъ офицера и склонившаяся передъ нимъ женщина, вдали пылающій Кремль, палѣво корабль. Изъ книги «Тайное злодѣяніе». М. 1816. У Ровинскаго этого листа нѣтъ. Собраніе Е. Н. Тевяшова.

18. БѢГСТВО НАПОЛЕОНА. (Безъ заглавія).

Наполеонъ бѣжитъ съ козой на плечахъ, казакъ подгоняетъ его морковью, говоря: «съ праздникомъ» внизу нѣмецкіе стихи: «Ich shoss den Bock!...» Есть дружка къ этому листу, подъ заглавіемъ: «Russ Wunder Elixir...», изобр. Наполеона у стола съ рецептомъ въ рукахъ. Ров. 442 А. (т. IV). Оба листа, вѣроятно, иностранной работы.

19. БѢГСТВО НАПОЛЕОНА ВЕЛИКАГО.

Наполеонъ ѣдетъ въ санкахъ въ одиночку, правитъ озябшій мамелюкъ, сзади бѣгутъ три маршала: Даву, Ней, Лефебръ. Ров. 437 А. (т. IV). Липранди 5. Надпись подъ мамелюкомъ: «Не слушайте его, ну гдѣ ему править, у него обѣ руки отморожены». Подъ Наполеономъ — «Полно ворчать, погоняй, бездѣльникъ, а то велю тебя тутъ же разстрѣлять». Подъ Даву — «Ваше Величество, силъ нѣтъ бѣжать, да и не ремесло это для маршала великой націи, позвольте мнѣ имѣть щастіе сѣсть на облучекъ вмѣсто мамелюка». Подъ Неемъ — «Какъ живъ былъ покойный мой корпусъ, то всегда намъ было жарко, теперь умираю отъ стужи». Подъ Лефебромъ — «Отъ самой поганой Москвы дуетъ намъ все противный вѣтеръ».

Этотъ листъ помѣщенъ первымъ въ интереснымъ альбомѣ собранія В. П. Яковлева. На обложкѣ этого альбома старымъ почеркомъ значится: «Карикатуры на бѣгство французскихъ войскъ изъ Москвы въ 1812 году, изданы въ Москвѣ А. Я. Булгаковымъ, подъ редакціею Графа Ѳ. В. Растопчина, у коего онъ былъ тогда чинов. особ. поручен.» На шмуцъ-титлѣ этого альбома тѣмъ же почеркомъ приведено оглавленіе шести помѣщенныхъ въ альбомѣ листовъ и примѣчаніе слѣдующаго содержанія: «Въ 1813 году выпущено этихъ карикатуръ огромное множество, такъ что не успѣвали плюмпировать ихъ и потому барышни и дѣти приближенныхъ господъ къ графу раскрашивали ихъ для забавы, въ томъ числѣ былъ и Вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Ѳоминъ». Всѣ шесть листовъ въ одномъ форматѣ продолговатой четвертки.

Нужно полагать, что Ѳоминъ, указывая на огромное множество изданныхъ въ 1813 году карикатуръ, имѣлъ въ виду не какой либо особый сборникъ листовъ,

а выходившія въ то время, дѣйствительно, въ большомъ количествѣ карикатуры Теребенева и его послѣдователей. Поэтому, болѣе вѣроятно обратное предположеніе,—что именно этихъ карикатуръ, выходившихъ подъ редакціей самого Растопчина вышло очень ограниченное количество, чѣмъ и можетъ объясниться ихъ необычайная рѣдкость, благодаря которой даже Ровинскому не попадались три изъ этихъ листа. Остальные листы альбома слѣдующіе: «Французская пѣхота», «Французская кавалерія», «Французская артиллерія», «Форсированные марши французскіе», «Французскій обѣдъ».

20. БѢДА НАМЪ СЪ ВЕЛИКИМЪ. См. «Французскій вороній супъ».

В.

21. ВАВИЛА. См. «Русскій мужикъ Вавила морозъ...»

22. ВАСИЛИСА. См. «Есть ли французы не скакали», «Русская Героиня», «Наполеонова гвардія подъ конвоемъ...»

23. ВИДНО КОРШУНА ПО ВЗГЛЯДУ.

Въ овалѣ портретъ Наполеона по грудь влѣво, окруженный типографскимъ шрифтомъ. Текстъ: «Многіе утверждаютъ, что лицо есть вывѣска души. Справедливость сего мнѣнія рѣзкими чертами изображена на лицѣ Наполеона. На немъ посмѣянно переливается злость, коварство, вѣроломство, мщеніе и все то, чемъ онъ ознаменовалъ себя при похищеніи французскаго престола, при порабощеніи и опустошеніи почти всей Европы, а паче при вторженіи своемъ въ Россію — и французы ему преданы!!!

Представьте себѣ человѣка при маломъ ростѣ (въ 5 футовъ и 2 дюйма) имѣющаго лицо большое скуловатое, мрачное; цвѣта изжелта-оливковаго, съ навислымъ лбомъ, съ маленькими глазами, изъ подлобья коварно злобнымъ огнемъ сверкающими, съ сухими, подъ длинно-покляпымъ носомъ, втиснутыми губами, язвительно сжатыми и для улыбки вѣчно мертвыми, съ выдавшимся въ передъ и къ верху поднявшимся шаро-образнымъ подбородкомъ, съ черными, подобно смоли, на головѣ и на бровяхъ волосами, безъ бакенбартовъ... Это будетъ настоящій подлинникъ малорослаго рыцаря; точной отпечатокъ великой головы, славной по великимъ своимъ злодѣяніямъ — это будетъ истинной портретъ Наполеона — и Французы этого не примѣчаютъ!

Онъ одѣвается просто; свѣтло-сѣрый сѣртукъ или армейской штатской мундиръ безъ шитья и низинькая трехъ-угольная шляпа, въ походѣ и сраженіи есть обыкновенная его одежда; а въ верховой ѣздѣ употребляетъ малорослыхъ и по виду простыхъ же лошадей. Все просто, все малорослo, все низко подобно росту, характеру и происхожденію самаго Наполеона. — И Французы этимъ гордятся:

Они предъ убѣждены, что властелинъ ихъ сохраняетъ въ одеждѣ и во всемъ простоту якобы потому, что не любитъ пышности и сію мѣру относятъ къ великости его характера. Ошибаетесь бѣдные! въ этомъ такъ же кроется хитрость, которой вы въ ослѣпленіи своемъ не видите!

— Въ простомъ одѣяніи, а паче при перемѣнѣ цвѣтовъ, всякъ изъ васъ отважившійся на отмщеніе ему за злодѣянія причиненныя Франціи и Европѣ —

Смотръ французскимъ войскамъ на обратномъ ихъ походѣ черезъ Смоленскъ. 198.

буде въ глаза Наполеона не знаетъ, сочтетъ его за простаго армейскаго офицера, проскачетъ мимо и оставитъ его безъ мести. — А на малорослыхъ лошадяхъ, кои однакожъ не есть простыя, но настоящія Арабскія или Персидскія, на бѣгу гораздо прытче Гишпанскихъ и Англинскихъ, надежнѣе можно спастись въ бѣгствѣ. Слѣдственно и въ семъ случаѣ простота Наполеонова есть — по пословицѣ хуже воровства! и Французы этого не понимаютъ!

И такъ гордой сей повелитель не есть герой, но трусъ, не есть воинъ, но тиранъ, злодѣйствомъ и мщеніемъ дышущій, что доказываетъ самая мрачность его лица и всегдашнее смущеніе и боязнь:

Зла фурія его смятенно сердце гложетъ!
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ.

И нещастные Французы еще терпятъ сего изверга, отечеству ихъ чуждаго, еще не образумятся, но

Хвала нашъ вихоръ — Атаманъ,
Вождь невредимыхъ — Платовъ!
Твой очарованный Арканъ —
Урокъ для сопостатовъ!

Спб., печатать позволяется Генваря 11 дня 1814 года. Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ Ив. Тимковской. Въ тип. В. Плавильщикова». Ров. 522. Голова Наполеона грав. рѣзцомъ и раскрашена. Въ сущности въ этомъ портретѣ карикатурны только желтизна лица и преувеличенная суровость взгляда.

24. ВИХРЕВЪ. См. «Уральскій казакъ».

25. ВОЕННОЕ ОДѢЯНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ГВАРДІИ во время какъ большая армія свободно производила попятное движеніе свое отъ Москвы къ Вильнѣ, за Вислу, Одеръ, Ельбу и проч. и проч. и проч. Рисовано съ натуры, въ концѣ 1812 года, подъ Вильною (тоже по французски).

Восемь солдатъ, одѣтыхъ въ шубы, женскіе салопы и т. д. грав. очеркомъ Богучаровымъ. Эта картинка была приложена къ № 27 Сына Отеч. за 1813 годъ. Бывали экземпляры и раскрашенные. Ров. 455, подъ заглавіемъ «Ретирада французской арміи». См. «Бивакъ».

26. ВОЛОГОДСКІЙ РАТНИКЪ. Ага пардонъ колченогій, поминай какъ тебя звали; сидѣлъ бы ты дома, такъ не докорпалъ бы тебя Ерема. (Заглавіе наверху).

Налѣво ратникъ замахивается топоромъ на упавшаго направо окровавленнаго француза, который кричитъ: «пардонъ». Ров. 496. Липранди 8.

27. ВОЛОДИМИРЦЫ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Усердіе и вѣрность крестьянъ сельца володимирова отъ Москвы въ 40 верстахъ случивш. Они, защищаясь сами собой отъ набѣговъ и грабительствъ Французовъ, из-

бавили какъ село, такъ и домъ госпожи своей. Сынъ Отеч. 1812 г., № 10, стр. 180».

Три крестьянина съ вилами и топорами прогоняютъ изъ барскаго дома трехъ французскихъ солдатъ. Одинъ изъ мародеровъ кричитъ: «Алла». Крестьяне кричатъ: «Казаки, казаки», послѣдніе видѣются въ окнѣ. Подпись: «М. И. Пряпишн. 1812 г.» на лежащей на полу книгѣ (Пряпишпиковъ) Р. 491. Липранди 9. Во время грабежа какого то барскаго дома французами, крестьяне сами прогнали грабителей, пугая ихъ, главнымъ образомъ, криками: «Казаки, казаки».

28. ВОРОНА И КУРИЦА.

Четыре французскихъ солдата варятъ пищу у котла въ Кремлевскихъ стѣнахъ, одинъ изъ нихъ указываетъ пальцемъ на котелъ. Рис. И. Иваповъ, грав. рѣзцомъ С. Галактіоновъ, съ монограммой Оленина. Превосходная картинка къ баснямъ Крылова 1815 г.

29. ВОТЧИНЫ ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА, Князь... Волконскаго... крестьянинъ Кондратьевъ...

Лубочный листъ, изображающій подвиги крѣпостного крестьянина Кондратія Кондратьева. У Ровинскаго его нѣтъ. Собраніе Е. Н. Тевяшова.

30. ВОТЪ ТЕБѢ СЕЛО ДА ВОТЧИНА. См. «Наполеонова дерзость».

31. ВОТЪ Я ТЕБѢ ДАМЪ ЗВОНЪ. См. «Терентьевна».

32. ВРЕМЯ, ПОКАЗЫВАЮЩЕЕ НАПОЛЕОНУ ВСЕ ЕГО ЗЛОДЕЯНІЯ ВЪ МИРѢ.

Сатурнъ развертываетъ передъ Наполеономъ листъ съ надписью: «Страшись врагъ природы. И извергъ человѣковъ преиди въ вѣчность. Тамъ, тамъ ты насытишся». Наверху летитъ геній съ двумя трубами, направо на возвышеніи тронъ. Ров. 517. Липранди 10. Лубочной работы.

33. ВСѢ ТРЕСНУЛИ ТЕПЕРЬ. См. «Наполеонъ съ С.».

34. ВШЕСТВІЕ НАПОЛЕОНА ВЪ ПАРИЖЪ. Шествіе происходило слѣдующимъ порядкомъ: 1) Впереди скромный герой въ Еврейскомъ платьѣ въ сопровожденіи побѣдоноснаго Маршала Нея; 2) Ведена была подъуздцы, вѣрный въ походахъ товарищъ Наполеона, изранена Кобыла украшенная трофеями, Колпакомъ и Туфлями Карла XII-го, потерянными имъ при Полтавѣ; 3) Двѣ Сибирскія кошки, немного изувѣченныя при взятіи Кремля, везли колясочку для Е. В. Короля римскаго; 4) Гренадеръ покойной французской гвардіи, замерзшій въ Смоленскѣ, но весьма хорошо сохранившійся, на подпоркахъ; 5) Модель деревеньки въ которой Е. В. стоялъ послѣ побѣдъ, 5 : 6 Ноября, несомая Министромъ Полиціи, возлюбленный младенецъ король римскій въ мун-

дирѣ италіянской гвардіи смотрѣлъ на все сіе зрѣлище съ великимъ удовольствіемъ.

Весь этотъ текстъ помѣщенъ въ заглавіи, въ томъ же порядкѣ представлено на карикатурѣ все шествіе. Листъ лубочной работы. Вѣроятно, это № 79 у Липранди. Ров. 506 Б. (т. IV).

35. ВЫВОЗЪ РѢДКОСТЕЙ ИЗЪ ПАРИЖСКАГО МУЗЕЯ, по случаю приближенія союзныхъ армій.

Двое рабочихъ тащатъ статую Наполеона въ ростъ, съ бѣгущимъ зайцемъ у его ногъ и надписью: «надежное средство въ неудачахъ». На разныхъ частяхъ статуи тоже надписи: «человѣчество» — на подножіи, «контрибуціи» — на животѣ и т. д. Третій французъ собираетъ книги, четвертый снимаетъ со шкафа статую Аттилы (замѣненную въ другомъ изданіи этого же листа статуей Пугачева), пятый, повидимому, ими командуетъ, поднявъ въ рукѣ шляпу. Изъ другихъ рѣдкостей видны бюсты: Нерона, Кромвеля, отмороженные въ Россіи носы и уши, привезенные изъ Египта остатки (кости) французской арміи и т. д. Подпись Теребенева. Ров. 412.

36. ВЫѢЗДЪ НАПОЛЕОНА ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ СОПРОВОЖДЕНІИ НЕЯ И МЮРАТА.

Наполеонъ на лошади, Мюратъ на коровѣ — «Увы только двѣ галки осталось, что будетъ со мной завтра», и Ней на свиньѣ — «Скушайте, Ваше Величество русскаго хлѣба, Вамъ гораздо легче будетъ». Ров. 439 А. (т. IV). Липранди 11 Лубочной работы.

37. ВЪ СОГЛАСНОМЪ СТАДѢ. См. «С.-Петербургскій ратникъ».

38. ВѢСЫ ПРАВОСУДІЯ. (Заглавіе наверху).

На одной сторонѣ вѣсовъ прицѣпились семь французскихъ союзниковъ, немогущихъ перетянуть одного казака, стоящаго на другой ихъ сторонѣ. Наверху Слава. Надпись надъ казакомъ:

«Неужель тяжелъ народъ столь Руской,
Чтобъ могъ одинъ Казакъ тянуть союзъ французской;
Такой въ немъ тяжести хоть нѣтъ, но грудь тверда во брани,
Защита имъ есть Богъ, влагающъ мечь во длани».

Ров. 516. Липранди 13. Плохой листъ.

Г.

39. ГВОЗДИЛА. См. «Русскій ратникъ Иванъ Гвоздила».

40. ГДѢ МОЯ СЛАВА. См. «Наполеонъ размышляющій».

41. ГЕРОИЧЕСКАЯ ТВЕРДОСТЬ ВОСЬМИДЕСЯТИЛѢТНЯГО СТАРЦА, притворившагося глухимъ для спасенія своихъ товарищей —

случившееся въ подмосковной деревнѣ Планковой. Сынъ Отеч. 1813 г., № 9, стр. 133. (Заглавіе наверху и внизу).

Три француза и одинъ полякъ замахиваются ружьями и саблями на стараго крестьянина. Надъ крестьяниномъ надпись: «воля ваша, батюшка, не слышу, я крѣпокъ на ухо, извольте сказать по громче. Ась?» Подражаніе Теребеневу (см. «Твердость русскаго крестьянина»), но лучше исполненное. Ров. 487 (заглавіе невѣрно). Этотъ листъ выходилъ и другимъ изданіемъ съ другимъ типографскимъ шрифтомъ, съ заглавіемъ внизу.

Д.

42. ДА ЧТО ЖЕ НЕДОЛГО ВЪ РОССІИ ПОГОСТИЛИ. См. «Неправильная Ретирада».

43. ДОЛБИЛА. См. «Русскій Милиційскій мужикъ» и «Крестьянинъ Иванъ Долбила».

44. ДУХЪ НЕУСТРАШИМОСТИ РУССКИХЪ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Примѣрная твердость духа въ двадцати русскихъ крестьянахъ, коихъ Наполеонъ въ Москвѣ безчеловѣчно осудилъ разстрѣлять за ихъ любовь къ вѣрѣ, Государю и отечеству. Сынъ Отеч. 1812, № 6, стр. 244».

Разстрѣливаніе въ Москвѣ крестьянина; у стряпчаго въ рукахъ приговоръ, направо другіе крестьяне, ожидающіе той же участи, на землѣ два трупа. Ров. 432. Липранди 14 или 46. Темой для этой картинки послужили многочисленные разстрѣлы крестьянъ, производившіеся для ихъ устрашенія французами въ Москвѣ. Передъ смертью крестьяне пощады не просили и кланяясь, говорили: «Помилуй меня, Господи. Прощайте, добрые люди».

45. ДѢДУШКА БОНА. См. «Портретъ Наполеона».

46. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЖЕНКИ ВЪ МАГАЗИНѢ.

Безобразная, толстая и полуголая француженка лежитъ на постели, около нея трое ухаживателей, изъ которыхъ одинъ читаетъ письмо: «завтра здѣсь у Мадамъ въ 2 часа я буду — и увенчаетъ насъ любовь; 2) каковъ мой пароль доперъ». Въ другой компатѣ виднѣется группа людей. Раб. Венеціанова. Ров. 423.

Карикатура на высылавшихся въ то время изъ Москвы француженокъ. Одной изъ первыхъ была выслана содержательница моднаго магазина Aubet Chalmé, которую за недобросовѣстность прозвали Оберъ-Шельмой, она занималась преимущественно сводничествомъ. — Ея магазинъ при ея высылкѣ былъ разграбленъ полиціей. Въ письмахъ Волковой къ Ланской обвиняется въ этомъ грабежѣ самъ Растопчинъ. (Русск. Вѣстникъ, 1879, кн. 2).

Зимнія Наполеоновы квартиры. 54.

Е.

47. ЕСТЬ ЛИ ФРАНЦУЗЫ НЕ СКАКАЛИ ТАКЪ КАКЪ КРЫСЫ, ТО НЕ ПОПАЛИСЬ БЫ ВЪ МЫШЕЛОВКУ КЪ ВАСИЛИСЫ.

Василиса припираетъ дверь въ баню, въ которую забрались мародеры. Ров. 482. Плохой листъ.

48. ЕЩЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ВОСПИТАНІЕ. См. оба листа: «Французское воспитаніе».

Ж.

49. ЖИДЪ ОБМАНЫВАЕТЪ ВЕЩАМИ. 2. Цыганъ лошадьми. 3. Французъ воспитаніемъ. 4. Который вреднѣе? (Безъ заглавія, текстъ наверху).

За столомъ учится мальчикъ, рядомъ сидитъ учитель, возлѣ него цыганъ съ лошадью и жидъ съ вещами. Раб. Венеціанова. Ров. 421. Липранди 15.

З.

50. ЗАВТРАКЪ ВОИНОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОБѢДОНОСНОЙ АРМІИ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Извѣстно, что французы называли «канукомъ» кобылятину отъ слова «конекъ».

Двое французовъ въ отребьяхъ, одинъ другому предлагаетъ кусокъ копины, говоря: «Voulez vous du caniack?». Ров. 459.

51. ЗЕВЕСЪ ИЗРЕКЪ СІЯ СКАЛА. См. «Наполеонъ претерпѣваетъ».

52. ЗИМНІЯ КВАРТИРЫ.

Наполеонъ по грудь въ снѣгу, два маршала его спрашиваютъ: «какъ прикажите написать въ бюллетенѣ. — Пишите, остановились на зимнихъ квартирахъ». Налѣво люди, завязшіе въ снѣгу. Ровинскій приписываетъ этотъ листъ работѣ Венеціанова. Грав. карандашной манерой. Ров. 449. Липранди 34.

53. ЗИМНІЯ КВАРТИРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Бертье: Что прикажите написать въ бюллетенѣ, Ваше Величество. Наполеонъ: напишите, что армія наконецъ расположилась на покойныхъ и теплыхъ зимнихъ квартирахъ».

Люди и лошади по поясъ и по шею въ снѣгу. Ров. 450. Плохой листъ.

54. ЗИМНІЯ НАПОЛЕОНОВЫ КВАРТИРЫ.

Наполеонъ и его армія сидятъ по шеѣ въ снѣгу. Налѣво одинъ изъ маршаловъ стоитъ на дощечкахъ и кричитъ: «Ай, ай, ай, онъ чуть не погибаетъ». Другой:

«Что повелите возвѣстить въ Парижскомъ Бюллетенѣ». Наполеонъ: «Провалъ бы тебя взялъ. — Ну скажи, что въ зимнихъ мы квартирахъ, и теплыхъ и просторныхъ (гдѣ снѣжной студени хотя не объѣдайся). Скажи, что въ троицынъ я день обѣдать буду дома. — Скажи, что для сынка я своего другой престолъ изъ Льдовъ сооружаю. Да всевозможно постарайся сокрыть отъ Англичанъ, что Русскіе чортъ знаетъ насъ куда загнали. Прибавь еще, что Козаки... Постой, объ нихъ изъ всей ты мочи лги, — короче, говори ты все кромѣ правды». Ров. 448. Липранди. 16.

55. ЗМѢЙ БУМАЖНЫЙ. См. «Наполеонъ спускаетъ змѣя».

И.

56. ИДИ КОЗЫРЬ НЕ ВЕРТИСЯ.

Крестьянка тащитъ француза за волосы въ воду, другой французъ привязанъ къ дереву, на третьяго, который протягиваетъ часы, казакъ замахивается нагайкой, вдали огонь, на которомъ французы собрались зажарить курицу. Внизу стихи:

«Иди козырь Невертися!
А часами непрелщай
Сказакомъ не гаречися
Нашихъ русскихъ не стращай
Знай мы воины прямыя.
Некакъ взятокъ не беремъ,
Наши руки не кривыя
Схватя зволосы съ ведемъ. —
васъ въ россіи было много
все кричали пардоне
Ихъ наказывали строго.
Мы нагайкой по спине
Пушки ружья мы отъ били
всехъ заставили бежать
Все мятежи усмирили
Стали русскимъ подражать
Я крестьянка скажу проста
Покажу какъ курицъ есть
Я вътоптала васъ здѣсь соста
Утоплю и вашу честь
И другому тоже будетъ
Пусть стоитъ болваномъ тутъ
Онъ вовеки не забудетъ
Что коротакъ вамъ здѣсь судъ».

Листъ лубочной работы, по крайне рѣдкій. Грав. Г. С. Чернышевъ Ров. 479, А. (т. IV). Собраніе Е. Н. Тевяшова.

57. ИЗГНАНІЕ ИЗЪ МОСКВЫ ТОРГОВОКЪ. См. «Мадамовъ изъ Москвы».

58. ИЗГНАНІЕ ИЗЪ МОСКВЫ ФРАНЦУЗСКИХЪ АКТРИСЪ. (Безъ заглавія и подписей).

Двѣ актрисы и два актера ѣдутъ на дрогахъ съ разными костюмами и масками, сбоку пляшетъ балетмейстеръ, одна актриса верхомъ на лошади, сзади еще три актрисы замыкаютъ шествіе. Раб. Венеціанова. Ров. 426. Липранди 12 или 58.

59. ИЗОБРАЖЕНІЕ ВЕЛИКИХЪ ПОДВИГОВЪ. См. «Коллекція карикатуръ».

60. ИЗОБРАЖЕНІЕ ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВЫХЪ ДѢЯНІЙ НАПОЛЕОНА. См. «Объясненіе герба».

61. И МЫ ТВОЮ БРАТЪ СЛЫШАЛИ ПОГУДКУ. См. «Пляска русская», «Наполеонова пляска».

62. И НА НАШЕЙ УЛИЦѢ ПРАЗДНИКЪ, КРИЧИТЪ ПРУСАКЪ.

Прусскій солдатъ съ оголенной саблей въ рукѣ, казакъ и калмыкъ вертятъ качели, съ которыхъ летитъ Наполеонъ, слѣва группа танцующихъ. Направо, внизу, камень съ лиліей, въ видѣ герба. Раб. Венеціанова. Ров. 446.

К.

63. КАЗАКИ ИСТРЕБЛЯЮЩІЕ ФРАНЦУЗОВЪ. См. «Казакъ такъ петлей»...

64. КАЗАКИ И ФРАНЦУЗЫ ГОЛОДНЫЕ ВОЛКИ ТЕРЗАЮТЪ БАРАНА.

Другое изданіе листа «Французы голодные волки», съ другимъ заглавіемъ и тѣмъ же текстомъ внизу. Существуютъ листы безъ всякихъ подписей, они другой раскраски.

65. КАЗАКИ НАСТИГШІЕ ФРАНЦУЗСКИХЪ КАВАЛЕРИСТОВЪ. См. «Казакъ: прокляты стойте изувѣры!..»

66. КАЗАКИ НЕПРІЯТЕЛЯ ПОБѢЖДАЮТЪ ЦАРСТВУЮЩІЙ РГАДЪ (sic) ТАКЪ МОСКВУ ОТЪ ВРАГОВЪ ОЧИЩАЮТЪ.

Справа Петровскій Дворецъ, слѣва Москва, казаки скачутъ за французами и колютъ ихъ пиками. Грав. рѣзц. Лубочной работы. Ров. 478.

67. КАЗАКИ ПРОКАТЫВАЮТЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ. Изъ жур: Сынъ Отеч. № 7, стр. 45.

Казакъ правитъ парой, впряженныхъ въ карету, лошадей, изъ кареты падаютъ французскіе офицеры, сзади другой казакъ верхомъ. Раб. Венеціанова. Ров. 472.

Это происшествіе разсказано въ «Сынѣ Отеч.». Французы, доставъ гдѣ то щегольскую карету, поѣхали прокатиться, но случайно подъѣхали слишкомъ близко къ кордону. Казаки, налетѣвъ на нихъ, сшибли кучера съ козелъ и, сѣвъ на его мѣсто, повернули лошадей и привезли вскачь полумертвыхъ французовъ въ русскій лагерь.

68. КАЗАКЪ ВРУЧАЕТЪ НАПОЛЕОНУ ВИЗИТНЫЙ БИЛЕТЪ НА ВЗАИМНОЕ ПОСѢЩЕНІЕ.

Наполеонъ съ маршаломъ за столомъ, въ ужасѣ передъ казакомъ, входящимъ въ дверь, съ карточкой въ рукахъ, на карточкѣ надпись: «Москва». Въ первомъ изданіи этотъ листъ подписанъ Теребеневымъ, во второмъ — подпись стерта. Ров. 376.

69. КАЗАКЪ. ПРОКЛЯТЫ СТОЙТЕ ИЗУВѢРЫ. (Безъ заглавія, текстъ внизу).

Прокляты стойте изувѣры!
За чѣмъ вы полагали мѣры
Въ Россійскіе града притечь!
И вотъ за то теперь нашъ мечь
Васъ всѣхъ разить, губить, карить
И станемъ злобно умерщвлять.

Французъ.

О пане мой и господине
Уйми твой гнѣвъ меня покини!
Я гибну ай! пардонъ! пардонъ!
Молю петронь, меня петронь!
И тутъ казакъ ему въ отвѣтъ
Молчать! Тебѣ пощады нѣтъ.

Другой французъ.

Ай, ай, пусти я умираю
Послѣдни вопли изпущаю,
О добрій мой Камбратъ пустижъ!
Мы скоро всѣ уйдемъ въ Парижъ;
Ты видишь мой нещастны стопъ,
Сей часъ умру, пардонъ! пардонъ!

Другой казакъ.

Ахъ! Мерзскій ты и тутъ дерзаешь,
И тутъ еще ты раздражаешь,
Ты знай, Казацкая рука
Мольбѣ не слушаетъ врага;
И вотъ отвѣдай нашихъ пикъ,
Не добре знать нашъ русской штыкъ.

Пять французовъ; двое изъ нихъ падаютъ съ лошадей, налѣво и направо по казаку, первый казакъ верхомъ. Лубочный листъ, грав. пунктиромъ. Ров. 473.

70. КАЗАКЪ ТАКЪ ПЕТЛЕЙ ВОКРУГЪ ШЕЙ ФРАНЦУЗОВЪ УДИТЪ КАКЪ ЕРШЕЙ и мелкую сію скотину кладутъ въ корзину.

Казакъ держитъ на пикѣ француза въ петлѣ, другой направо кладетъ пойманныхъ французовъ въ корзину; налѣво бѣжитъ французъ съ оголенной саблей. Ров. 476. Липранди 22.

71. КАЗАЦКАЯ ШУТКА. Въ Берлинѣ прогуливался по липовой аллеѣ...

Казакъ срѣзываетъ ножемъ пуговицу съ фалды поваленнаго имъ на землю французскаго солдата, сзади лошадь. Поступокъ казака объясняется тѣмъ, что на пуговицѣ встрѣченнаго имъ случайно въ Берлинѣ плѣннаго француза былъ ненавистный ему вензель Наполеона. Оторвавъ пуговицу, казакъ поцѣловалъ француза и повелъ его въ трактиръ. Подпись Теребенева. Ров. 418.

72. КАКАЯ НЕПРАВИЛЬНАЯ РЕТИРАДА. См. «Неправильная ретирада».

73. КАКЪ ПРИКАЖЕТЕ НАПИСАТЬ ВЪ БЮЛЛЕТЕНѢ. См. «Зимнія квартиры».

74. КАЛМЫКЪ. См. «Сѣверный Амуръ».

75. КАРАНТИНЪ ДЛЯ Н....ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ЕГО ИЗЪ РОССІИ. Завоевалъ бы Россію; да моръ на мои войска. Чуть было и меня не сразилъ. Принужденъ окуриваться.

Наполеонъ сидитъ подлѣ дерева. Два доктора его окуриваютъ, третій стаскиваетъ съ него клещами мундиръ, направо трое людей тащутъ веревкой его сапогъ. Подпись Теребенева. Ров. 398.

76. КАРНАВАЛЪ ИЛИ ПАРИЖСКОЕ ИГРИЩЕ НА МАСЛЕНИЦѢ. Наполеонъ народу. Пожалуйте сюда, господа, здѣсь показываютъ самыя лучшія комедіи и китайскія тѣни.

Наполеонъ одѣтый арлекиномъ зазываетъ въ балаганъ нѣсколько ихъ (10) зѣвакъ. На балаганѣ двѣ картины: одна изображаетъ Наполеона, показывающаго фокусы съ монетами, подъ нимъ подпись: «фигляръ забавляетъ народъ... или французскіе финансы». Другая картинка представляетъ гимнастическую группу, состоящую изъ Бертье, Наполеона и двухъ маршаловъ Іеронима и Іосифа вверхъ головой. За Наполеономъ генералъ съ трубой. Толпа зѣвакъ чрезвычайно типична. Очень хорошій листъ. Подпись Теребенева. Ров. 408.

77. КАТАНЬЕ НА ДНѢПРѢ. См. «Переодѣтые французы».

78. КИРИЛОВЕЦЪ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Много ли Васъ, аль всѣ ужъ! — Такъ кстати и досталъ дорубить, чтобъ впредь не тревожили».

Ратникъ рубитъ топоромъ французскаго офицера, который отъ него обороняется палкой съ орломъ, на землѣ два трупа. Ров. 503. Этотъ листъ былъ копи-

рованъ въ Англіи Крукшэнкомъ и изданъ 8 января 1813 года, съ подписью: Copied from an original russian print». (Сообщено В. Я. Адарюковымъ по экземпляру, находящемуся въ отдѣленіи гравюръ Имп. Эрмитажа).

79. КОГОРТЫ. (ПОСОЛЬСТВО ОТЪ ОПОЛЧЕНІЙ) И НАПОЛЕОНОВО БѢГСТВО ИЗЪ РОССІИ СО СЛАВОЮ. Сынъ Отеч. 1813, № 6, стр. 301.

Наполеонъ бѣжитъ, держа за поясъ летящую вверхъ погами славу, вдали г. Ковно, навстрѣчу свинья съ ружьемъ и конвертомъ въ зубахъ, съ надписью: «И вашу, вашу славу увеличимъ». На туловищѣ у свиньи портфель: «Когорта» «Конскрипція». Изъ облаковъ высовывается казакъ съ нагайкой. Ров. 444. Липранди 25. См. «Посланіе къ Наполеону».

80. КОЛЛЕКЦІЯ КАРИКАТУРЪ. Состоящая изъ 25 разнаго содержанія картинъ. Грав. Теребеневъ и др. художники.

Эта коллекція обозначена у Липранди (26). Отдѣльнаго сборника, подъ этимъ заглавіемъ мнѣ не попадалось, но думаю, что онъ у Липранди обозначенъ невѣрно. Это, вѣроятно, тотъ сборникъ, который вышелъ въ 1815 году подъ заглавіемъ: «Изображеніе великихъ подвиговъ Россіянъ и звѣрство французовъ въ незабвенную кампанію 1812 года, цѣна за всѣ — 40 руб., особенно по 1 р. 50 к.». Объявленіе объ этомъ сборникѣ помѣщено было на обложкѣ книги «Жизнь Кн. Голенищева-Кутузова, соч. Сипельникова. СПБ. 1813». Кромѣ того, карикатуры Теребенева были изданы въ 1815 году послѣ его смерти въ тетрадкѣ изъ 24 листовъ, продававшейся у редактора «Сына Отечества» за 25 р. и въ 1855 году — у Траншеля (см. Наполеонъ). Въ каталогѣ Плавильщикова обозначена коллекція въ 200 листовъ за 120 руб., — это была книга, въ которой собраны были всѣ выходившія за то время карикатуры.

81. КОЛЬ МАЛО ШТЫКА. См. «Русская пѣхота».

82. КОНДРАТЬЕВЪ КРЕСТЬЯНИНЪ. См. «Вотчины Его Сіятельства».

83. КОНСИЛІУМЪ.

Доктора — «Языкъ бѣлехонекъ (въ наказаніе за то что много лгалъ въ бюллетеняхъ). — Пульсъ едва бьется (отъ чрезмѣрнаго кровопусканія). — Голова въ страшномъ жару (отъ того что неудались сумасбродные планы)... Н: Надобно скорѣе убираться въ Парижъ, видно въ Россіи климатъ мнѣ не благопріятствуетъ.

Два доктора, изъ которыхъ одинъ (стоящій) держитъ Наполеона за пульсъ, совѣщаются о его здоровьѣ. Подп. Теребенева. Сынъ Отечества 1812, № 10, стр. 182. Ров. 399. Липранди 27.

84. КОНСКРИПТЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦІИ.

Впереди жандармъ тянетъ за собою на цѣпи рядъ конскриптовъ, въ числѣ которыхъ дѣти въ корзинахъ на ослѣ и больной на телѣжкѣ. Ров. 508.

Консиліумъ. Доктора: Языкъ бѣлехонекъ... Пульсъ едва бьется... 83.

85. КОРНЮШКА ЧИХИРИНЪ.

Эта надпись помѣщена въ видѣ вывѣски на кабакѣ, внизу текстъ: «Московской мещанинъ бывшіи въ ратникахъ карнюшка чихиринъ, выпивъ лишніи крючокъ, на тычке услышалъ что будто бонапартъ хочетъ итти въ москву. разсердился и разругавъ скверными словами всехъ французовъ, вышедъ изъ питейнаго дому заговорилъ подорломъ такъ.

Какъ. къ намъ. милости проснмъ. хоть насвятки, хоть и намаслинцу. даитутъ жгутами девки такъ припопопятъ что спина вздуется горой. полно демопомъ та наряжатся молитву сотворимъ такъ допетуховъ згинишъ. сидика лучше дома да играй вжмурки либо въ кулючки, полно тебе фиглярить, вить салдаты та твои карлеки, да щеголки, петулупа, неруковицъ, нимолохая, нюпучь, не паденутъ ну где имъ руское житье бытье вынести, отъ капусты раздуетъ, отъ каши перелопаются, отъ щеи задохпутся, акоторыя взиму та и остапутся, такъ крещепскія морозы поморятъ, права такъ всіо беда уворотъ замерзать, надворе аколевать всеняхъ зазебать, въ избе задыхатся, напечи обжигатся, да что иговорить, повадился кувшинъ поводу ходить, тутъ ему иголову положить. карлъ та шведской пожилистей тебя былъ. данчистой царской крові дауходился подъ полтавой, ушолъ безъ возврату. да ипритибе будущихъ та мало будетъ. побопчей французовъ твоихъ были поляки, татары, шведы, даитехъ старики наши такъ откачали что иносю пору кругъ москвы курганы какъ грибы, анодъ грибами таихъ кости, пуитвоен силе, быть въ могиле, да знаешли что такое наша матушка вить ето пегородъ а царство. утебя домата слепой, дахрамой старухи да ребятинки остались. ана немцахъ не выедишъ, они тебя смаху сами оседлаютъ а наруси што. знаешли ты забубенная голова. выведепо 600.000 дазабритыхъ 300.000 да старыхъ рекрутъ 200.000, а всіо молодцы одпому богу веруютъ, одпому царю служать, однимъ крестомъ молятся. все братья родные да коли попадобится скажи намъ батюшка Александръ Павловичь сила християнская выходи. ивысыпитъ бесчотная, невету божьева неувидишъ. ну передпихъ бей пожалуй тебеето по сердцу, зато остальные та тебя доканаютъ навеки вековъ. пу какъ же тебе кнамъ забрается, нетокмо што ивана великова данпоклонной во сне неувидишъ. белорусцевъ возмемъ да тебя вполше иногребемъ. ну помипай какь звали посему ипротче разумевай пепаступай, не начинай, анаправо кругомъ домой ступай, изпай изъ роду въродъ каковъ русскіі пародъ потомъ чихиринъ пошелъ бодро, изанелъ вополе береза стояла. анародъ смотря напего говорилъ, откуда берется, ачто говорить дело, то ужъ дело.

Только что вышедшій изъ кабака Чихиринъ держитъ пароду эту рѣчь, паправо группа крестьянъ, палѣво лавочникъ за прилавкомъ. Подражаніе русскимъ народнымъ картинкамъ; гаерный текстъ написанъ самимъ Растопчинымъ. Эта картинка была издана 1-го іюля 1812 года. Ров. 505. Лубочной работы.

86. КРЕСТИСЬ БАСУРМАНЪ. См. «Подмосковный крестьянинъ».

87. КРЕСТЬЯНИНЪ ИВАНЪ ДОЛБИЛА. Постой мусье, не вдругъ пройдешь, здѣсь хоть мужички, да русскіе.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Вотъ и вилы тройчатки пригодились убирать да укладывать, пу Мусье, полно вздрягивать».

Крестьянинъ колетъ французскаго офицера вилами, сзади возъ съ убитыми

французами, на лошади мальчикъ верхомъ, слѣва бѣгутъ мародеры. Ров. 495. По всей вѣроятности, работы Венеціанова.

88. КРЕСТЬЯНИНЪ ПАВЕЛЪ ПРОХОРОВЪ. Нарядившись въ казацкое платье, увидѣвъ и догнавъ 5 французовъ, погрозивъ имъ нагайкой, заставилъ ихъ кричать пардонъ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Кричи заморская гадина, пардонъ а не то головы долой.

Хвала тебѣ и Честь доброй Павелъ.
Чрезъ Это дѣло ты себя Прославилъ».

Пять французовъ на колѣняхъ передъ казакомъ просятъ о пощадѣ, говоря; «пардонъ». Ров. 502. Липранди 29.

89. КРЕСТЬЯНИНЪ УВОЗИТЪ У ФРАНЦУЗОВЪ ПУШКУ ВЪ РУССКІЙ ЛАГЕРЬ, между тѣмъ какъ они, оставивши оную на полѣ, бросились въ деревню за контрибуціею. См. журналъ Сынъ Отечества 1812, № 5, стр. 216.

Этотъ листъ былъ копированъ съ незначительными измѣненіями въ Англіи и гравированъ 8 іюня 1813 года Крукшэнкомъ. Въ англійской копіи русскій текстъ наверху, а англійскій внизу. Подп. Теребенева. Ров. 390. Липранди 28. Здѣсь изображено подлинное происшествіе, случившееся на Калужской дорогѣ.

90. КУЗЬМИНИШНА. См. «Бабушка Кузьминишна».

91. КУКОЛЬНАЯ КОМЕДІЯ, или проходящіе черезъ Франкфуртъ плѣнные русскіе казаки подъ конвоемъ французскимъ. См. Сынъ Отечества 1813 г., № 18, стр. 300.

Два французскихъ солдата везутъ шесть чучелъ, одѣтыхъ казаками, двое другихъ сзади. Подп. Теребенева. Ров. 409.

92. КУХНЯ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ. Рисовано съ натуры Самовидцемъ.

Четыре повара и три французскихъ военныхъ заняты стряпней, одинъ изъ нихъ жаритъ на вертелѣ кошку, другой лягушку; на стѣнахъ разныя надписи, меню и объявленія на французскомъ языкѣ. Ров. 434. По хорошему исполненію листа и изображеннымъ на немъ типамъ есть основаніе предположить, что рисунокъ «Самовидца» — простая копія съ иностраннаго оригинала.

93. КУШАЙ КОРОЛЕЧЕКЪ, КУШАЙ. См. «Наполеонъ сидитъ за столомъ».

М.

94. МАДАМОВЪ ИЗЪ МОСКВЫ ВИТЬ ВЫГНАЛИ. (Безъ заглавія налѣво, наверху текстъ, приведенный въ заглавіи). Внизу: «Нигдѣ по дорогамъ не задержали, а съ честью крестьянки провожали».

Три модныя торговки бѣгутъ съ пожитками, за ними двѣ крестьянки и мальчишка, направо крестьянинъ съ граблями. Въ серединѣ верстовой столбъ, съ надписью: «дорога въ Парижъ». Раб. Венеціанова. Ров. 424. Липранди 17.

95. МНОГО ЛИ ВАСЪ... См. Кириловецъ.

96. МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

Слѣва Наполеонъ сидитъ на барабанѣ и пускаетъ мыльные пузыри, справа изумленный секретарь, вдали нѣсколько зѣвакъ. На спущенныхъ шести пузыряхъ надписи: «Порабощеніе Англіи — Присвоеніе всемірной торговли — Походъ въ Индію — Взятіе Петербурга — Взятіе Риги — Взятіе Калуги». На пузырѣ, который еще виситъ у Наполеона на соломенкѣ и больше всѣхъ: «Завоеваніе всѣхъ четырехъ частей Свѣта». Подпись Теребенева. Ров. 401.

Н.

97. НАЗВАНІЯ ВСѢХЪ НАУКЪ. См. «Французское воспитаніе».

98. НАПОЛЕОНОВА ГВАРДІЯ ПОДЪ КОНВОЕМЪ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ.

Шесть французовъ въ странныхъ головныхъ уборахъ связаны веревкой, около нихъ два крестьянина, и старостиха верхомъ съ косой въ рукахъ, сзади мальчикъ и дѣвочка. Раб. Венеціанова. Ров. 481.

99. НАПОЛЕОНОВА ДЕРЗОСТЬ ЗАВЛАДѢТЬ ЦѢЛЫМЪ СВѢТОМЪ. Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Вотъ тебѣ село, да вотчина, чтобъ тебя вело, да корчило».

Наполеонъ бѣжитъ, захвативъ руками земной шаръ, и говоритъ: «Я все возьму». Его останавливаютъ казакъ и ратникъ, со словами: «Сыне враже. Бусурманская харя, — вотъ мы те руки-то окоротаемъ». Слѣва бѣгутъ два полуодѣтые мародера; одинъ изъ нихъ спрашиваетъ: «Козакъ?» другой отвѣчаетъ: — «Вонъ». Третій мародеръ уже упалъ, и кричитъ: «пропалъ». Ров. 513. Липранди 31. Попадаются листы безъ заглавія, съ однимъ текстомъ внизу. Лубочной работы.

100. НАПОЛЕОНОВА ПЛЯСКА. См. «Не удалось тебѣ насъ переладить».

101. НАПОЛЕОНОВА РЕТИРАДА ИЗЪ РОССІИ СЪ ФРАНЦУЗСКИМИ ГЕНЕРАЛАМИ. (Заглавіе наверху).

Наполеонъ съ пятью генералами на дровняхъ въ двѣ лошади, изъ которыхъ одна лягается, а другая встаетъ на дыбы. Два генерала валятся съ дровенъ. Ров.

443. Плохое подраженіе Теребеневскому листу: «Ретирада французскихъ генераловъ». (Ров. 387).

102. НАПОЛЕОНОВА СЛАВА.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Попалась въ просакъ. Русскій солдатъ штыкомъ снялъ съ нее маску, казакъ нагайкой всѣ вѣнцы ея лавровые охлесталъ, а Вавила Морозъ и громкую трубу ея заткнулъ снѣгомъ».

Слава въ маскѣ стоитъ на человѣческихъ костяхъ, по обѣимъ ея сторонамъ по одному русскому воину, направо мужикъ. Подпись Теребенева. Этотъ листъ былъ съ незначительными измѣненіями копированъ въ маѣ 1813 г. въ Англіи и гравированъ Крукшэнкомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ имѣющаяся на немъ направо, внизу надпись: «Copied from a russian print». Ров. 413. Липранди 30.

103. НАПОЛЕОНОВЪ ПЕРВЫЙ СОНЪ ВЪ МОСКВѢ. (Безъ заглавія).

Наполеонъ стоитъ на фонѣ красной занавѣси, изъ подъ которой наверху время съ косой показываетъ ему песочные часы, налѣво пылающая Москва. Рис. Опперманъ, грав. Ф. Нейеръ въ 1818 году. Этотъ листъ былъ вѣроятно приложенъ къ книгѣ актера Борна, подъ тѣмъ же названіемъ. У Ровинскаго онъ не значится. Липранди 40. Собраніе Е. Н. Тевяшова.

104. НАПОЛЕОНЪ. Воспоминанія 1812, 1813, 1814 и 1815 г. Худ. Ив. Теребеневъ. Печ. позв. Спб., сент. 22-го дня 1855 г. Цензоръ Н. Елагинъ. Лит. Г. Траншеля. Цѣна 2 р. 50 к.

Подъ этимъ заглавіемъ перепечатаны были съ камня 12 Теребеневскихъ карикатуръ: 1) Наполеонова пляска (на обложкѣ), 2) Полезная операція, 3) Обратный путь, 4) Наполеонъ разбитый при Люценѣ, 5) Наполеонъ и грибъ, 6) Французскій вояжеръ, 7) Наполеонъ претерпѣваетъ кораблекрушеніе, 8) Казацкая шутка, 9) Разрушеніе всемірной монархіи, 10) Угощеніе Наполеона въ Россіи, 11) Наполеонъ у русскихъ въ банѣ, 12) Казакъ вручаетъ Наполеону визитный билетъ.

105. НАПОЛЕОНЪ ВЪ БОЧЕНКѢ. См. «Разрушеніе монархіи», «Рыцарская поѣздка», «Угощеніе Наполеона».

106. НАПОЛЕОНЪ ВЪ НАМѢРЕНІИ СВОЕМЪ УНИЧТОЖИТЬ ПРУССІЮ ГРИБЪ СЪѢЛЪ.

Наполеонъ, охвативъ огромный грибъ, старается его съѣсть, слѣва прусскій солдатъ смѣется надъ его усиліями. Изъ кармана у Наполеона высунулись двѣ бумаги: «Маршрутъ въ Берлинъ» и «Мирныя условія»... На камняхъ, изъ которыхъ ростетъ грибъ — разныя надписи. Подпись Теребенева. Ров. 402. Картинка эта должна напоминать одинъ изъ неудавшихся проектовъ Наполеона. Узнавъ о союзѣ Пруссіи и Россіи, онъ велѣлъ сказать своему послу въ Вѣнѣ, что если Александръ не согласится вступить въ переговоры, то Пруссія будетъ раздѣлена на три части, —

лучшую часть получитъ Австрія, одну — Саксонія и одну — Вестфалія. (Древ. и Нов. Россія 1877, 12, стр. 353).

107. НАПОЛЕОНЪ ЗАНИМАЕТСЯ ПРОЖЕКТАМИ СНАРЯДОВЪ ДЛЯ БУДУЩЕЙ КАМПАНІИ СВОЕЙ ПРОТИВУ РУССКИХЪ. 1) Верфь для строенія коньковъ. 2) Верфь для строенія салазокъ. 3) Премудро изобрѣтенная Наполеономъ кишка водопроводная для доставленія войскамъ воды за милю разстоянія. 4) Чертежъ коньковъ и салазокъ, т. е. удобнѣйшихъ военныхъ повозокъ для Наполеоновской арміи, предлагаемый ему на высочайшее его разсмотреніе. 5) Слава сего великаго завоевателя и прожектора, увѣнчивающая его дурацкимъ колпакомъ.

Наполеонъ смотритъ развернутый свертокъ съ рисункомъ верфей для выдѣлыванія салазокъ и коньковъ, этотъ свертокъ держитъ передъ нимъ маршалъ, рядомъ другой, — палѣво солдатъ. Слава Наполеонова представлена направо, въ видѣ чорта съ саваномъ, другой чортъ трубитъ въ трубу, вдали на верфи постройка салазокъ и коньковъ. Подпись Теребенева. Ров. 400.

108. НАПОЛЕОНЪ И ЕГО СООБЩНИКИ УБАЮКИВАЮТЪ разными игрушками и побасенками Францію, стараясь закрыть отъ нее настоящее ея положеніе. Между тѣмъ какъ она держа въ рукѣ граненое разноцвѣтное стекло, видитъ въ опомъ красоту свою стократно помноженную, Наполеонъ прилежно занимается укачиваніемъ люльки, заставляя Бертье держать ширму; чтобъ отъ несносныхъ лучей восходящей въ видѣ солнца истины, не заболѣли глазочки у дитяти, и чтобъ она никакими непріятными видами не тревожилась.

Франція въ пеленкахъ лежитъ въ люлькѣ, которую качаетъ Наполеонъ, около него два маршала, третій Бертье загораживаетъ ей свѣтъ ширмой, склеенной изъ разныхъ бюллетеней и «Moniteur universel», вдали сраженіе. Подп. Теребенева. Ров. 407. На второмъ изданіи этихъ листовъ подписи Теребенева нѣтъ.

109. НАПОЛЕОНЪ И МЮНХГАУЗЕНЪ. Napoleon und Münchausen.

Наполеонъ, сидя на тронѣ, проповѣдуетъ толпѣ царей и великихъ міра, направо смерть въ саванѣ, тутъ же внизу сынъ Наполеона, разсматривающій картинки. Наверху текстъ по русски и по нѣмецки, «Побѣдителемъ прошелъ я»... Ров. 514. Карикатура на хвастовство и преувеличенія Наполеоновскихъ бюллетеней.

110. НАПОЛЕОНЪ И МЮНХАУЗЕНЪ. Не любо не слушай, а врать не мѣшай.

Этотъ листъ былъ перегравированъ съ предыдущаго листа въ большомъ размѣрѣ и гораздо худшемъ исполненіи. Въ немъ нѣтъ нѣмецкаго заглавія и подъ русскимъ заглавіемъ прибавлено: «Не любо не слушай». У Ровинскаго не значится.

111. НАПОЛЕОНЪ НА ВАРЕНОМЪ РАКѢ. См. «Тріумфальное прибытіе».

112. НАПОЛЕОНЪ НА ВОЗДУШНОМЪ ШАРѢ. См. «Отступленіе въ порядкѢ».

113. НАПОЛЕОНЪ НА ТАЧКѢ. См. «Торжественное шествіе».

114. НАПОЛЕОНЪ НА ХОДУЛЯХЪ. См. «Оправданіе Наполеона».

115. НАПОЛЕОНЪ ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ ПОДЪ МАЛОЯРОСЛАВЦЕМЪ. (Заглавіе наверху).

Наполеона рветъ; маршалъ поддерживаетъ ему голову: «Не мудрено лекарство русское», другой маршалъ подтягиваетъ ему животъ ремнемъ: «Смотри, чтобъ не лопнулъ», внизу скляпки съ лекарствами и рецепты. Ровинскій приписываетъ этотъ листъ работѣ Венеціанова. Ров. 430. Плохой листъ.

116. НАПОЛЕОНЪ ПОСРЕДИ ПРИБЛИЖЕННЫХЪ СВОИХЪ МАРШАЛОВЪ И ПРИНЦОВЪ УЧИТЪ СЫНА СВОЕГО БѢГАТЬ. Сынъ: Папенька, я усталъ. Наполеонъ: Привыкай сынъ мой. Наука бѣганья нужнѣе для Династіи Наполеоновой, нежели наука Царствованія.

Заяцъ тянетъ маленькаго Наполеона впередъ, большой Наполеонъ поддерживаетъ сына полотенцемъ, три маршала смотрятъ на эту сцену. Подпись Теребенева. Ров. 406. Липранди 44.

117. НАПОЛЕОНЪ ПРЕТЕРПѢВАЕТЪ КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Зевесъ изрекъ, сія скала есть щитъ невинныхъ.
Да будетъ алчности и буйству здѣсь предѣлъ.
И въ дребезги разбивъ корабль враговъ всемірныхъ,
Свирѣпымъ онъ волнамъ ихъ поглотить велѣлъ.

Два корабля гибнутъ въ бурю, Наполеонъ спасается въ маленькой лодкѣ. Подпись Теребенева. Ров. 414. Плохой листъ.

118. НАПОЛЕОНЪ ПРОДАЕТЪ СЪ МОЛОТКА ПОХИЩЕННЫЕ ИМЪ АНТИКИ.

Наполеонъ, приподнявъ молотокъ кричитъ: «Никто больше? третій ра-а-а..» слѣва входитъ казакъ и, стукнувъ нагайкой по столу, говоритъ: «за мной покупка, у меня никто не перебьетъ ее»; три секретаря въ ужасѣ, одинъ изъ нихъ подъ столомъ, сзади статуя Лаокоона, на стѣнѣ трофеи Египетской и Русской кампаній. Подпись Теребенева. Ров. 405.

119. НАПОЛЕОНЪ РАЗБИТЫЙ НА РАВНИНАХЪ ПРИ ЛЮЦЕНѢ ПРИКЛАДЫВАЕТЪ СЕБѢ ПЛАСТЫРИ. Ней: Пуще всего пятки да спина требуютъ пластыря; они всего болѣе были въ виду у непріятеля.

Кукольная комедія или проходящіе черезъ Франкфуртъ плѣнные казаки. 91.

Наполеонъ: Увы еще и съ прошлогодняго походу не зажили; А теперь имъ досталось съ изнова.

Ней прикладываетъ къ пяткамъ Наполеона листъ бумаги, вдали фортуна, летящая вверхъ ногами съ разбитой колесницы. Направо на жерди висятъ шляпа и сапоги Наполеона. Подпись Теребенева. Ров. 411.

120. НАПОЛЕОНЪ РАЗМЫШЛЯЮЩІЙ ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ ПРИ КРАСНОМЪ. Гдѣ моя слава, которая сопутствовала сомною во всѣхъ моихъ дѣлахъ. Гдѣ мои лавры которыми я украшался. Гдѣ мои воины, которыя раздѣляли сомною труды и славу. Гдѣ моя артиллерія, которой трепетали всѣ народы Европы.

Наполеонъ съ ослиными ушами, отъ него отлетаетъ слава, — «Я оставляю тебя Наполеонъ» справа изъ земли выглядываютъ его воины: «Мы здѣсь В. В. Вы въ Россіи получили себѣ новыя лавры»; налѣво казакъ съ пушкой: «Нагайками отбили», вдали г. Красный. Подпись гравера Р. В. Л. Ров. 429. Липранди 41. Плохой листъ.

121. НАПОЛЕОНЪ СИДИТЪ ЗА СТОЛОМЪ. (Безъ заглавія).

Наполеонъ пьетъ чай съ толстымъ англичаниномъ, который накладываетъ себѣ сахаръ, говоря: «Goddem», сзади пянька держитъ сына Наполеона, который ѣстъ свеклу, и говоритъ ему: «Кушай королечекъ, кушай, папенька сказываетъ, что это сахаръ». Наполеонъ помѣшиваетъ въ чашкѣ тоже свеклой. Ров. 512 А. (т. IV). Листъ, вѣроятно, Венеціановской работы, хотя у Ровинскаго имя этого мастера не обозначено. (Ср. типъ англичанина съ саповникомъ въ Журналѣ Карикатуръ на 1808 годъ и типы пяньки и ребенка, исполненныхъ совершенно въ Венеціановской манерѣ).

122. НАПОЛЕОНЪ СПУСКАЕТЪ ЗМѢЯ. Наполеонъ: Тяните, тяните, отдавайте нитку. Ахъ! да она и отрѣзана, а змѣй мой не подымается. Рейнской Союзъ: Вольно тебѣ было склеить такой страшный змѣище, ворочайся съ нимъ какъ хочешь, а я тебѣ покорный слуга. Наполеонъ: Я надѣялся на способный вѣтеръ, да на большой клубокъ нитокъ, да на васъ, мои вѣрные помощники. Старая Гвардія: Охти мнѣ, долго ли буду служить твоимъ дурачествамъ. Молодая Гвардія: И насъ ты обманулъ; посуливши змѣемъ позабавить: да какая игра. Это сущая каторга.

На змѣѣ надпись: «Бюллетень, — затѣи великаго Гепія»; рука съ надписью «1813 годъ», прорываетъ змѣй стрѣлою; другая рука: «1812 годъ» перерѣзаетъ ножницами шнурокъ, на которомъ долженъ подняться змѣй. Подп. Теребенева. Ров. 403.

123. НАПОЛЕОНЪ СЪ ЗЕМНЫМЪ ШАРОМЪ. См. «Торжественный въѣздъ».

124. НАПОЛЕОНЪ СЪ КОЗОЙ НА ПЛЕЧАХЪ. См. «Бѣгство Наполеона».

125. НАПОЛЕОНЪ СЪ ПРИНЦАМИ СВОИМИ И МАРШАЛАМИ ЗАНИМАЕТСЯ ВЪ МОСКВѢ ВЫЖИГОЮ и переплавливаніемъ награбленнаго имъ серебра и золота изъ утварей и другихъ вещей. Правда сущая.

Евгеній, Ней и Мюратъ хлопочутъ около лабораторной печи; Удино и Даву разбираютъ вещи; справа сидитъ съ вѣсами Наполеонъ, на столѣ лежитъ «Бюллетень». Наверху надпись: «Наполеонъ сидитъ за столомъ и взвѣшиваетъ награбленныя вещи; передъ нимъ лежитъ бюллетень, въ которомъ извѣщаетъ онъ своихъ подданныхъ, что участь Россіи уже кончена. Удино побѣжденный и раненой стоитъ на деревяшкѣ передъ великимъ Героемъ и держа въ рукахъ женскую парчевую юбку спрашиваетъ куда ее дѣть? — Хорошо для выжиги отвѣчаетъ Наполеонъ. Мюратъ стоитъ у очага и держитъ на огнѣ кастрюлю съ выжигою; Евгеній поддуваетъ мехомъ, Ней подкладываетъ угольи, а Даву изъ разбросанной по полу утвари и другихъ вещей выбираетъ лучшее для Наполеонова Музеума». Листъ грубой работы. Ров. 433. Липранди 39.

Сюжетъ этой картинки вдохновленъ безчинствами, которые французы производили въ Московскихъ соборахъ. Въ Успенскомъ соборѣ, на мѣстѣ паникадила были повѣшены вѣсы, на которыхъ взвѣшивали выплавленное золото и серебро изъ награбленныхъ сокровищъ. По уходѣ непріятеля на иконостасѣ были еще видны цифры 325 пуд. серебра и 18 пуд. золота, тутъ же стояли плавильные горны и были устроены стойла для лошадей. (Рус. Архивъ 1876, I, 445. Статья А. Н. Попова).

126. НАПОЛЕОНЪ СЪ С.... (сатаной) ПОСЛѢ СОЖЖЕНІЯ МОСКВЫ. (Заглавіе наверху).

Всѣ треснули теперь предположенны планы;
Всѣ угрожаютъ мнѣ, мной покоренны страны;
Все взяло ходъ иной, — все стало измѣнять;
Тиранить все меня, — пропалъ я; — что начать!

Изъ Разг. Н.... съ С.... страница 20».

Справа адъ, съ массой чертей, къ нему подходитъ Наполеонъ, съ котораго слетѣла корона, слѣва храмъ. Ровинскій приписываетъ этотъ листъ работѣ Теребенева. Ров. 377. Липранди 43.

127. НАПОЛЕОНЪ СЪ СКЛЯНКОЙ РВОТНАГО. См. «Прощай братъ».

128. Н.... УЖЕ ВЪ СЕНАТѢ СЪ ТРОФЕЯМИ принимаетъ обращики контрибуціи и сыну приготовляетъ корону, чувствуя дѣйствіе съ своей.

Наполеонъ сидитъ съ хлыстомъ въ рукахъ, изъ за колонны виднѣется клешня рака, передъ нимъ маршалъ Бертье, направо фигура, держащая надъ Наполеономъ

корону, бирюльки, изображающія казаковъ и сынъ Наполеона въ дѣтской телѣжкѣ, около него какой то человѣкъ замахивается молоткомъ; налѣво группа фигуръ. Раб. Венеціанова. Ров. 510. Липранди 37.

129. Н.....НЪ У РУССКИХЪ ВЪ БАНѢ. Наполеонъ: Эдакого мученья я съ роду не терпѣлъ! меня скоблютъ и жарятъ какъ въ аду. Ратн.: Отдувайся коли самъ полѣзъ въ русскую баню, попотѣй хорошенько, а мы неустанемъ поддавать пару. Солд.: Натремъ тебѣ и затылокъ и спину и бока; будешь помнить легкую нашу руку. Каз.: Побрѣемъ тебя погладимъ, молодцомъ поставимъ.

Наполеонъ сидитъ голый на скамейкѣ въ банѣ, его брѣетъ казакъ, солдатъ замахивается вѣникомъ, ратникъ поддаетъ пару. Подпись Теребенева. Ров. 380.

Первое изданіе вышло подъ заглавіемъ «Русская баня».

130. НАПОЛЕОНЪ ФОРМИРУЕТЪ НОВУЮ АРМІЮ ИЗЪ РАЗНЫХЪ УРОДОВЪ И КАЛЕКЪ.

Наполеонъ приподнимаетъ за воротникъ новобранца кавалериста, впереди кавалеристъ съ саблей и трубачъ, сзади два польскихъ казака, направо офицеръ нахлобучиваетъ шапку на какого то кретина, другой плачетъ съ ружьемъ въ рукахъ, еще правѣе падающій всадникъ, котораго поддерживаетъ офицеръ. Подп. Иванова. (И. И.) Ров. 511. Липранди 35.

131. НАПОЛЕОНЪ ѢДУЩІЙ ВЪ БРИЧКѢ. (Безъ заглавія).

Навстрѣчу Наполеону офицеръ съ ремонтными лошадьми. Наполеонъ кричитъ: «Сейчасъ дай мнѣ дорогу». Офицеръ отвѣчаетъ: «Остановись, негодяй и жди до тѣхъ поръ покуда пройдутъ ремонтныя лошади». На третьей сценкѣ Коленкуръ спрашиваетъ: «Не видалъ ли Императора, проѣхавшаго въ бричкѣ»? На четвертой офицеръ: — «Никого, кромѣ какого то одного ѣхавшаго съ быстротой, которой перепортилъ было ремонтныхъ лошадей». Листъ грубой лубочной работы, на которомъ изображены четыре сценки, съ подписями надъ каждой изъ нихъ. Подпись заглавія находится на первой сценкѣ. Ров. 438 А. (т. IV). Липранди 42.

132. НЕ ВСЕ КОТУ МАСЛЕНИЦА.

Наполеонъ, совершенно непохожій, скатившись съ горы, лежитъ вверхъ ногами, сверху на него смотрятъ казакъ и калмыкъ. Работы Венеціанова. Ров. 445. Липранди 38.

133. НЕ ДАТЬ ЛИ ЕЩЕ РАЗЪ. См. «ЧѢмъ побѣдилъ онъ врага»...

134. НЕ ЗНАЛИ МЫ МЫСЛЕЙ ФРАНЦУЗСКИХЪ, А ИМЪ ХОТѢЛОСЬ ТОЛЬКО ВОРОНЪ РУССКИХЪ.

Два француза дерутся изъ за вороны: «Подѣлись, mon comarade, дай крылошки. — Ну, быть такъ, возьми піорошки»; сзади два оборванца, изъ которыхъ одинъ цѣлится въ летящую ворону. Ров. 460.

135. НЕПРАВИЛЬНАЯ РЕТИРАДА. (Безъ заглавія).

Три солдата въ отребьяхъ, у средняго вмѣсто волосъ змѣи, онъ держитъ миску и бутылку съ надписью: «Рейнской Союзъ», справа рыбакъ въ лодкѣ: «Да, чтоже такъ недолго въ Россіи погостили». Одинъ изъ солдатъ отвѣчаетъ: «Столько было въ планѣ»; слѣва человѣкъ съ волчьей головой (сборщикъ податей), держащій за ноги по два французскихъ крестьянина въ каждой рукѣ: «Контрибуцію» и «Конскрипцію», еще лѣвѣе наверху человѣкъ съ косичкой, взобравшись на лѣстницу смотритъ въ трубу, говоря: «Какая неправильная ретирада». Раб. Венеціанова. Ров. 453.

136. НЕ УДАЛОСЬ ТЕБѢ НАСЪ ПЕРЕЛАДИТЬ НА СВОЮ ПОГУДКУ; ПОПЛЯШИ ЖЕ БАСУРМАНЪ ПОДЪ НАШУ ДУДКУ.

Наполеонъ пляшетъ, у него валится шляпа, справа одинъ крестьянинъ съ кнутомъ, слѣва другой играетъ на дудкѣ. Подпись Теребенева. Ров. 382 (подъ заглавіемъ «Наполеонова пляска»). Липранди 45. Этотъ листъ былъ копированъ въ Англіи Крукшэнкомъ и изданъ 18 мая 1813 года, съ обозначеніемъ: «Copied from a russian print, etched by Cruikshank» (копированъ съ русскаго листа, гравированъ Крукшэнкомъ). На русскомъ листѣ Наполеонъ танцуетъ въ присядку, на англійскомъ — англійскій танецъ; нѣсколько измѣнена также фигура крестьянина съ кнутомъ. (Сообщено В. Я. Адарюковымъ по экземпляру этого листа въ отдѣленіи гравюръ Имп. Эрмитажа). См. «Пляска русская».

137. НОСЪ ПРИВЕЗЕННЫЙ НАПОЛЕОНОМЪ СЪ СОБОЙ ИЗЪ РОССІИ ВЪ ПАРИЖЪ. Наполеонъ: Вотъ какой, носъ приставили мнѣ Русскіе. Не знаю какъ мнѣ съ нимъ показаться Парижской Публикѣ. Нѣтъ ли средства укоротить его? 1. Докт.: Надобно его отрѣзать. 2. Докт.: Въ такомъ случаѣ я неотвѣчаю за жизнь Его Вел. Берт.: Незачѣмъ его укорачивать; показывайтесь съ нимъ смѣло Парижанамъ. Мы напишемъ, что онъ у Васъ выросъ отъ раннихъ морозовъ и гололедицы?

Наполеонъ съ огромнымъ носомъ, покрытымъ бородавками, сидитъ въ креслѣ; Бертье и два доктора разсматриваютъ носъ. Подп. Теребенева. Ров. 397.

138. НОЧНОЙ КОШМАРЪ.

Наполеонъ лежитъ въ кошмарѣ, на груди его сидитъ Блюхеръ, онъ куритъ и пускаетъ дымъ въ лицо Наполеону. Грав. К. Я. Афанасьевымъ, безъ его подписи. Ров. 452. Этотъ листъ скопированъ съ нѣкоторыми измѣненіями съ англійской карикатуры «Dutch night».

О.

139. ОБРАТНЫЙ ПРОХОДЪ НАПОЛЕОНОВОЙ ГВАРДІИ ЧЕРЕЗЪ ВИЛЬНУ.

Офицеръ и восемь солдатъ, одѣтыхъ въ разное отребье, выходятъ черезъ ворота изъ Вильны. Ров. 454. Липранди 47.

Освобожденіе Европы. Аполлонъ, Марсъ, Геркулесъ и Нептунъ. 144.

140. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ИЛИ ДѢЙСТВІЕ РУССКАГО СЛАБИТЕЛЬНАГО ПОРОШКА.

Наполеонъ поправляетъ штаны, въ которые онъ наложилъ русской контрибуціи, крестьянинъ надѣваетъ на него шляпу, а казакъ подстегиваетъ нагайкой. По Ровинскому работа Теребенева, но безъ его подписи. Ров. 384.

141. ОБЪЯСНЕНІЕ ГЕРБА СЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ НАПОЛЕОНА Бонапарта, Корсиканскаго уроженца (съ англинскаго оригинала).

Фантастическій гербъ, поддерживаемый по обѣимъ сторонамъ двумя чертями и раздѣленный на восемь квадратовъ, въ которыхъ изображены ужасы Наполеоновскихъ войнъ. Подъ гербомъ лента, на которой значится: «Изображеніе человѣколюбивыхъ дѣяній Наполеона». Вверху — объятый пламенемъ земной шаръ, съ двумя знаменами, внизу текстъ, объясняющій злодѣянія Наполеона. Ровинскій приписываетъ этотъ листъ Теребеневу, но у него, какъ онъ самъ говоритъ, былъ экземпляръ изорванный и неполный. На экземплярѣ же Е. Н. Тевяшова, съ котораго взято настоящее описаніе, значится «съ англинскаго оригинала». Ров. 417. Листъ очень рѣдкій.

142. ОНИ ПОДДЕРЖАТЪ ЧЕСТЬ. См. «Усердная поставка рекрутъ».

143. ОПРАВДАНІЕ НАПОЛЕОНА ПЕРЕДЪ НАРОДОМЪ, ПО ПРИБЫТІИ ЕГО ИЗЪ РОССІИ ВЪ ПАРИЖЪ.

Наполеонъ съ саблей въ рукѣ на ходуляхъ, говоритъ: «Кто смѣлъ разнесть толь ложны слухи, что будто бъ сталъ я меньше мухи»? Передъ нимъ группа лицъ кричащихъ: «Нѣтъ, великъ, великъ Наполеонъ», сзади великая армія полуодѣтая въ разное тряпье. Одинъ маршалъ несетъ убитыхъ воронъ, двое сидятъ на ослѣ, котораго тащутъ два оборванца. Ров. 509. Липранди 42. Вѣроятно работа Теребенева, хотя у Ровинскаго этотъ листъ въ числѣ его работъ не значится. Я вывожу это заключеніе столько же по манерѣ рисунка, сколько по нѣкоторымъ типамъ, повтореннымъ въ другихъ лишь позахъ на листѣ «Смотръ фр. войскамъ».

144. ОСВОБОЖДЕНІЕ ЕВРОПЫ.

Содержаніе аллегорическое, объясняемое подписью. Аполлонъ освобождаетъ Европу отъ оковъ, Паллада (Россія) съ якоремъ, знаменующимъ надежду, которую Европа должна возлагать на Россію. Тутъ же — содѣйствующіе освобожденію Европы: Марсъ (Австрія), Геркулесъ (Пруссія) и Нептунъ (Англія). Всѣми ими управляетъ богъ гармоніи Аполлонъ. Подп. Теребенева. Ров. 416. Грав. рѣзцомъ и акватинтой. Есть точная копія, но грав. очеркомъ. Липранди 24.

145. ОТСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПОЛНОМЪ ПОРЯДКѢ. (Retirade en bon ordre).

Очень сложная и многоличная сцена. Въ воздухѣ два воздушныхъ шара. На одномъ сидитъ Наполеонъ, на другомъ — маршалы. Между обоими шарами протянута веревка, на которой виситъ Макдональдъ. Слѣва кладбище и г. Смоленскъ, въ

серединѣ поле битвы. Внизу подпись: «достать въ Б. Мещанская №. 88. Ров. 441. Липранди 49. Во второмъ изданіи этого листа русскаго заглавія нѣтъ, а одно французское, нѣтъ и подписи «достать...» Эта картинка намекаетъ на намѣреніе русскихъ и французскихъ пользоваться для военныхъ дѣйствій воздушными шарами. Въ Россіи надъ этимъ вопросомъ даже работалъ нѣкій Леппихъ, подъ покровительствомъ Растопчина, но его предпріятіе кончилось неуспѣхомъ (Рус. Старина, 1877, сентябрь).

II.

146. ПАСТУХЪ И ВОЛКЪ. Радуйтесь пастухи добрые! Уже вы больше не потерпите недочету въ вашихъ овечькахъ; зверь обнаруженъ. Онъ былъ страшенъ только тѣмъ, которые не умѣли за него взяться. А я попросту, какъ въ старину бывало: примаровилъ, схватилъ, и какъ хочу, такъ теперь его и поворочу.

Пастухъ держитъ волчью шкуру съ головой Наполеона, три маршала въ ужасѣ спасаются бѣгствомъ. Подпись Теребенева. Ров. 383.

147. ПЕРЕОДЕТЫЕ ФРАНЦУЗЫ КАТАЮТСЯ НА РѢКѢ ДНѢПРѢ.

Два француза упали на ледъ, одинъ другому выкололъ глазъ палкой, трое лежатъ на льду. Ров. 457.

148. ПЛЯСКА РУССКАЯ. (Безъ заглавія).

Наполеонъ и маршалъ пляшутъ, подгоняемые двумя крестьянами, изъ которыхъ одинъ съ кнутомъ говоритъ: «И мы твою братъ слышали погудку, въ присядку попляши теперь подъ нашу дудку», другой съ розгами — «Ну братъ не отставай и знай изъ рода въ родъ, каковъ русскій народъ». Наполеонъ — «Ахъ скучно мнѣ на чужой сторонѣ». Сзади парень играетъ на дудкѣ. Ровинскій приписываетъ этотъ листъ работѣ Теребенева. Ров. 381 и 381 А. (т. IV). Липранди 59. Въ копіи этого листа подъ Наполеономъ сдѣлана надпись: «Ахъ! тошно мнѣ на чужой сторонѣ». Въ 1812 году была сочинена пѣсня, которая и вдохновляла авторовъ подобныхъ картинокъ. Привожу ее цѣликомъ:

Сѣмъ на Русь пойду
Тамъ я Барыню, пройдуся,
Фертомъ въ боки подопруся
Пляску заведу!..

Знавши вывертки французски
Заиграть велѣлъ по-Русски
Музыкѣ своей:

Наши грянули по свойски —
Мы не знаемъ по заморски —
Нутка козачка!

Чуть прослышалъ Корсиканецъ:
Провались проклятый танецъ,
Дастъ онъ мнѣ толчка.

Видно хватъ ты изъ французовъ,
Говоритъ ему Кутузовъ:
Нѣтъ братъ погоди.

Захотѣлъ плясать по Русски
Присядайко по-французски
Ты Наполеонъ!

Бонапарту не до пляски:
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать «пардонъ».

Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться
Дрогнула нога.

Его музыки нестало,
Скрипокъ будто небывало:
Пляска дорога!

Моргонулъ онъ Коленкуру:
Сѣмъ-ка, выкинемъ фигуру
На цыганскій ладъ.

Бросивъ пышныя ухватки
По цыгански безъ оглядки
Шаркнули назадъ.

Вѣстникъ Европы 1813 т., I, 147.

149. ПОБѢДИТЕЛЬ МИРА ВЫѢЗЖАЕТЪ ИЗЪ РОССІИ ВЪ ЛУБКОВОМЪ ЯЩИКѢ. Сынъ Отеч. 1813 г., № 4, стр. 193.

Наполеонъ ѣдетъ въ штатскомъ платьѣ въ польской телѣгѣ, правитъ полякъ, два ратника его останавливаютъ, слѣва ведутъ множество лошадей. Ров. 439. Липранди 54.

150. ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ ВЪ ПАМЯТЬ 1812 ГОДА. Продается въ книж. лавкѣ Плавильщикова, подъ № 28-мъ.

Надпись эта напечатана на передней сторонѣ футляра, въ которомъ находится азбука, состоящая изъ 34-хъ картинокъ — 16°, заимствованныхъ изъ карикатуръ 1812 г., съ двустишіями на каждую букву. Всего 34 листка, гравированные крѣпкой водкой, въ однихъ очеркахъ, для раскраски; къ нимъ иногда прибавлялся 35-й листъ, изобр. голову Наполеона, составленную изъ труповъ. Раскраска довольно грубая. Эти картинки награвированы на большихъ мѣдныхъ доскахъ; листы разрѣзывались уже послѣ отпечатанія на отдѣльные листочки, для укладыванія

въ футляръ. На задней сторонѣ футляра находится слѣдующая надпись: «Печатать позволено С.-Петербургъ 1814 года Декаб. 30-го дня, цензоръ стат. сов. и кавалеръ И. Тимковскій. Въ типографіи Плавильщикова». Содержаніе изображеній достаточно объясняется помѣщенными подъ ними двустишіями:

А. Ась. — Право глухъ мусье! Что мучить старика!
Коль надобно чего, спросите козака. 208.

Б. Бѣда — гони скорѣй съ грабителемъ Московскимъ,
Чтобъ въ сѣти не попасть съ Даву и Понятовскимъ. 7.

В. Ворона какъ вкусна! нельзя ли ножку дать?
А мнѣ изъ котлика, хоть жижи полизать. 231.

Г. Гуляй любезный сынъ, великій Корсикапецъ,
Будь золъ какъ тигръ, и подлъ какъ я, и трусъ какъ заецъ. 116.

Д. Домой пора — маршъ, маршъ! довольно погостили,
Безъ посу, рукъ и ногъ въ чепцахъ насъ отпустили. 139.

Е. Ей, ей, не отпущу, не заплачу я пепю,
Смотри, ступай скорѣй вить разомъ пришешепю. 98.

Ж. Желалъ насъ вышколить ты на свою погудку,
Анъ нѣтъ, не удалось, пляшижь подъ нашу дудку. 136.

З. Заразу отъ штыковъ и ядръ россійскихъ знайте,
Окуривайте все, скорѣе помогайте. 75.

И. І. И — І, ребятушки Напартовъ здѣсь какъ много,
Слышь, Власьевна! держи на привязи ихъ строго. 98.

К. Какъ чорному Царю на Руси не царить
Такъ имя на рукѣ его мнѣ не носить. 192.

Л. Ликуй, о храбрый Галлъ! встрѣчай насъ съ торжествомъ.
Спустивъ все съ рукъ, спешимъ на палочкахъ верьхомъ. 177.

М. Москва вить не Берлинъ, не Вѣна, не Мадритъ
Въ ней гробъ всей арміи французской былъ открытъ. 186.

Н. Не худо — славные конскрипты, Галловъ честь!
А со многихъ ли душъ! Послѣднее что есть. 221.

О. Одинъ лишь Россъ въ врагахъ чтитъ христіанску кровь,
Сколь месть его страшна, столь искренна любовь. 244.

П. Постойко не въ свои ты сани, братъ, садишься
Ты править нашею лошадкой не годишься. 165.

Р. Раздайся, разступись, Парижъ, передо мной, —
На ракѣ ѣду я съ бирюльками домой. 214.

С. Сюда, сюда, прошу честные Господа!
Комеди таковой не зрѣли никогда! 76.

Т. Теперь хотя я нагъ пришелъ домой и босъ,
Зато ужъ и принесъ огромный самый посъ. 137.

У. Ухъ, какъ устала ты любезная отъ насъ;
Ну, баюшки баю, поспи еще хоть часъ! 108.

Ф. Французовъ какъ мышей, словила въ западню;
Не будь ихъ духъ въ Руси; я всѣхъ предамъ огню. 47.

Х. Хотя высоко влезъ и силою гордился
Но справить я не могъ — на Эльбу вдругъ спустился. 132.

Ц. Цыцъ, цыцъ, негодный ляхъ! гни спину и молчи,
И также какъ другой, въ рядахъ моихъ торчи! 198.

Ч. Что дѣлать — знать пришло свиную милость чтить
Лошадокъ нѣтъ, пора свиньямъ меня возить. 232.

Ш. Широкъ въ плечахъ французъ! ничто его нейметъ
Авось либо моя нагайка зашибетъ. 253.

Щ. Щастье за Галломъ, уставъ брести пѣшкомъ,
Рѣшилось въ станъ русскій скакать съ козакомъ. 67.

Ъ. Ъ есть послѣдняя изъ буквъ въ Россійскомъ словѣ,
И ты между людьми, такимъ быть на готовѣ. 199.

Ы. Мечты и суеты, войны, чины, перуны,
Слѣтели съ колеса капризныя фортуны. 62.

Ь. Я прежде былъ герой, но что я сталъ теперь
Въ рукахъ у мужика я скорчился какъ Ь. 146.

Ѣ. Ѣду съ Французскою пушкой въ свой станъ,
Нашъ братъ не промахъ, какъ ты бусурманъ. 89.

Э. Э, э добыча есть, ребята не зевайте.
Я этихъ двухъ спущу, а прочихъ вы спускайте. (Каз. атака. Ров. 475).

Ю. Юлитъ французъ всегда, и горы обѣщаетъ:
Но что онъ дѣлаетъ? — Лишь юность развращаетъ. 49.

Я. Я точно какъ корабль, въ волнахъ погрязшій грозныхъ,
Примѣромъ послужу и для потомковъ позднихъ. 117.

Ѳ. Возросъ какъ грибъ и палъ познавъ ты суету.
Что дѣлаешь теперь? — весь сгорбился въ Ѳ-ту. 106.

V. Вотъ видитель, что Галлъ во вѣкъ не ошибался
Что V-ей онъ былъ, здѣсь знакъ на лбу остался. 10.
(Что будетъ V-й здѣсь знакъ на лбу остался).

151. ПОДЪ МОСКОВНОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ СИЛА БОГАТЫРЕВЪ. Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Крестись басурманъ, не видать тебѣ больше свѣта Божьяго».

Крестьянинъ замахивается топоромъ на колѣнопреклоненнаго француза. Это дружка листа «Русская героиня». Оба листа изданы 20 января 1813 года. Ров. 500. Липранди 55.

152. ПОЛЕЗНАЯ ОПЕРАЦІЯ. Маршалъ: я Вамъ говорилъ В. В. остригите ногти; больно велики выросли. Нѣтъ неслушались, такъ вотъ и по неволѣ обрубятъ. — Наполеонъ: ай, ай, ай, помилуйте, оставьте

мнѣ хоть два ноготка, чемъ бы колупать послѣдніе доходишки. — Солдатъ: нѣтъ, оцарапаешь!

Солдатъ обрѣзываетъ саблей Наполеону ногти, ратникъ его придерживаетъ, слѣва изумленный маршалъ. Подпись Теребенева, стертая на второмъ изданіи листа. Ров. 379.

153. ПОПАЛАСЬ ВЪ ПРОСАКЪ. См. «Наполеонова слава».

154. ПОРТРЕТЪ НАПОЛЕОНА. См. «Видно Коршуна по взгляду».

155. ПОРТРЕТЪ НАПОЛЕОНА. Лицо составлено изъ труповъ, платье изъ ландкарты, на которой означены знаменитыя въ нынѣшнюю войну мѣста сраженій, воротникъ образуетъ кровавое море, поглощающее корабль. Ленту Почетнаго Легіона представляетъ кровавая полоса, на которой вмѣсто слова Эрфуртъ, начертанъ нынѣшній французскій девизъ «Эре фортъ» (т.-е. честь пропала). Звѣзда состоитъ изъ паутины, а на плечѣ вмѣсто эполетъ лежитъ тяжкая рука Немезиды (богини мщенія). Все сіе вѣнчаетъ орелъ, въ видѣ шляпы, у коего глазъ служитъ кокардой шляпы и которой когтями своими изображаетъ волосы.

Наполеонъ изображенъ по грудь въ профиль. Перепечатанъ съ извѣстнаго нѣмецкаго (по Ровинскому англійскаго) оригинала (520 т. IV).

156. ПОРТРЕТЪ НАПОЛЕОНА.

Копія съ предыдущаго номера, рѣзцомъ; подпись подъ портретомъ «Тріумфъ 1813 года». Ров. 521.

157. ПОРТРЕТЪ НАПОЛЕОНА.

Профиль въ треуголкѣ и очкахъ, съ подписью «Н. Бонапарте». Если перевернуть картинку, получится старуха въ капорѣ съ подписью: «Л. Раніоли». Ров. 523 Б. (т. IV).

158. ПОРТРЕТЪ НАПОЛЕОНА.

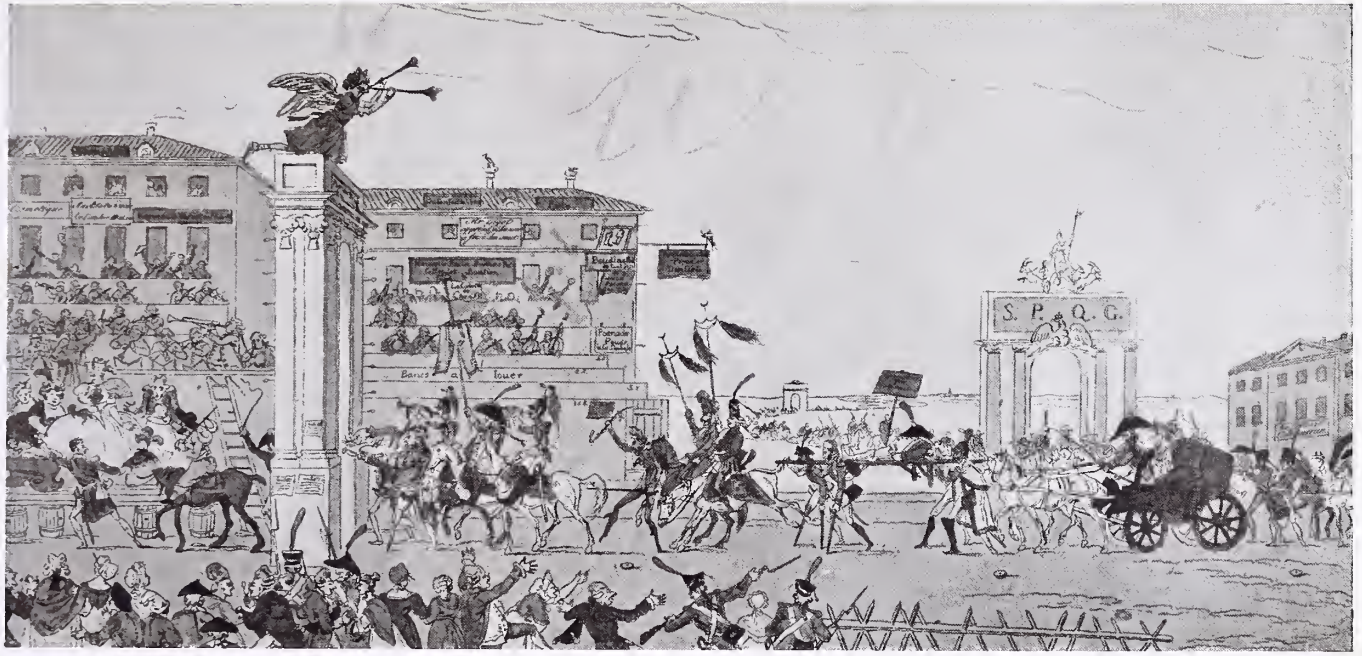
Голова представляетъ подражаніе гравюрѣ рѣзцомъ прошлаго столѣтія, на которой изображена голова Ирода изъ труповъ Вифлеемскихъ младенцевъ. Внизу подпись: «Caput Herodis»... Ров. 522 (т. IV).

159. ПОРТРЕТЪ НАПОЛЕОНА. ДѢДУШКА БОНА И ДЯДЮШКА ФЕШЪ. Мясникъ Корсиканскій и кардиналъ Ліонскій.

Двѣ карикатурныя фигуры. Наверху подпись: «Бонапартевы». Ров. 523 В. (т. IV).

160. ПОРТРЕТЪ НАПОЛЕОНА.

По грудь влѣво въ треуголкѣ, подпись: «Зажигатель Москвы Наполеонъ Бонапарте. Божіимъ гнѣвомъ крововѣнчанный Императоръ Французовъ и Старшина



Торжественный въѣздъ въ Парижъ непобѣдимой французской армiи. 212.

Діавольскаго рыцарства. Продается въ Москвѣ у всѣхъ книгопродавцевъ — цѣна 2 копѣйки». Ров. 523.

161. ПОРТРЕТЫ МАТУШКИ И СЫНКА. Летиціи, Ранніони и Н. Бонапарте съ очками; ему оныя подарены подъ Малоярославцемъ. Цѣна за обѣ 4 коп. (и этого довольно). Москва 1812.

Карикатурные портреты Наполеона, кромѣ перваго и второго, мнѣ не попадались, описаніе ихъ заимствовано у Ровинскаго. Ров. 523 А. (т. IV). Липранди 56.

162. ПОСЛАНІЕ КЪ НАПОЛЕОНУ ОТЪ РАЗНЫХЪ КОГОРТЪ о позволеніи раздѣлить имъ славу великой націи и подвиги большой арміи. Сынъ Отеч. 1813 г. № 6 стр. 301.

Это другое изданіе листа «Когорты» съ нѣкоторыми измѣненіями въ рисункѣ; на конвертѣ, который держитъ свинья и на портфелѣ надписей нѣтъ. У Ровинскаго не значится.

163. ПОСОЛЬСТВО ОТЪ ОПОЛЧЕНІЙ. См. «Когорты».

164. ПОСТОЙ БАСУРМАНЪ, Я И ТЕБЯ НАКОРМЛЮ (и наколю). См. «Французы въ Россіи».

165. ПОСТОЙ КО НЕ ВЪ СВОИ ТЫ САНИ БРАТЪ САДИШЬСЯ.

Ты править нашею лошадкой не годишься,
Вонъ у тебя и четверня,
Не стоитъ одного ретиваго коня.

Наполеонъ въ санях, въ одиночку, замахивается на лошадь саблей, крестьянинъ держитъ ее за уздцы, вдали сани, запряженныя четверней клячъ. На козлахъ этихъ саней стоитъ «мин. полиц.», на запяткахъ — «хран. сенатъ». У Ровинскаго (447) этотъ листъ, подъ заглавіемъ «Бѣгство Наполеона», значится съ монограммой Иванова (И. И.) Я видѣлъ экземпляръ безъ монограммы. Липранди 33 или 52. Есть отпечатки съ обозначеніемъ: «изд. февр. 3, 1813».

166. ПРИМѢРНАЯ ТВЕРДОСТЬ ДУХА. См. «Духъ неустрашимости».

167. ПРИШЕЛЪ ТЫ НЕ СПРОСЯСЬ БРОДУ... См. «Бронницкій крестьянинъ».

168. ПРОКЛЯТЫ СТОЙТЕ ИЗУВѢРЫ... См. «Казакъ — Прокляты стойте».

169. ПРОХОРОВЪ ПАВЕЛЪ. См. «Крестьянинъ Прохоровъ».

170. ПРОЩАЙ БРАТЪ КЛАНЯЙСЯ СВОИМЪ, да не забывай и нашихъ. (Безъ заглавія, текстъ направо наверху).

Наполеона рветъ обломками якорей, онъ держитъ въ рукахъ склянку рвотнаго, на рецептѣ которой написано: «Аптекарь русскій солдатъ. Аптека подъ Ма-

лымъ Ярославцемъ». Направо два мужика. Ров. 437, подъ заглавіемъ «Бѣгство Наполеона». Липранди 32. По моему мнѣнію, несомнѣнно работы Венеціанова.

171. ПРОЩАЙ МОСКВА. См. «Учителя и артисты».

172. ПРОѢЗДЪ ВЫСОКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА отъ Варшавы до Парижа, подъ именемъ своего шталмейстера, съ ощипаннымъ орломъ и ознобленнымъ Мамелюкомъ.

Наполеонъ ѣдетъ въ кибиткѣ въ одиночку, на плечахъ у него сидитъ шталмейстеръ, сзади въ привязанной къ кибиткѣ корзинѣ — Мамелюкъ, за поѣздомъ летитъ ощипанный орелъ. Подпись Теребенева. Ров. 385. Липранди 57. Есть хорошая копія, которая отличается отъ оригинала тѣмъ, что буква «В» въ словѣ Варшава — прописная и что хвостъ у лошади сплошной, а не изъ отдѣльныхъ прядей. Ров. 385 А. (т. IV).

Р.

173. РАЗГОВОРЪ НАПОЛЕОНА СЪ САТАНОЙ. См. «Наполеонъ съ С...».

Вѣроятно это тотъ же листъ, хотя Ровинскій называетъ на эту тему два листа, не приводя, однако, описанія второго.

174. РАЗРУШЕНІЕ ВСЕМІРНОЙ МОНАРХІИ.

Монархія въ видѣ бочки, которую разрушаютъ штыкомъ русскій солдатъ справа и казакъ слѣва, изъ бочки вылѣзаетъ чортъ, а Наполеонъ падаетъ вверхъ ногами. На доскахъ, изъ которыхъ была сколочена бочка, поставлены надписи: «Вестфалія — Голландія — Швейцарія — Виртембергъ — Гессенъ — Италія». На обручѣ: «Континентальная система». Слѣва три камня, въ видѣ ступенекъ, съ надписями: «Подлость — Шарлатанство — Полыганье т: е: Моштеръ — Подкупы и Интриги». Подп. Теребенева (на первомъ изданіи) Ров. 415.

175. РЕТИРАДА НАПОЛЕОНА ИЗЪ МОСКВЫ НА ЗИМНІЯ КВАРТИРЫ. (Заглавіе наверху).

Наполеонъ по поясъ въ снѣгу, налѣво маршалъ съ трубой верхомъ, кругомъ другіе маршалы, тоже по поясъ или по колѣно въ снѣгу. Направо, наверху, казаки верхомъ, а еще выше пѣхота. Наполеонъ: «Скажи, что я скоро со славою расположусь на зимнихъ квартирахъ». Трубачъ: «Какъ прикажите вострубить вашу славу въ бюллетенѣ». Надписи надъ маршалами: «Это молодецъ викторъ, является вездѣ а не видно нигдѣ, то подъ Эсташковымъ, то подъ Торопцомъ, то подъ Новымъ городомъ. — Мужественный Даву, потерялъ булаву. — Храбрый Ней, побѣжалъ отъ Краснаго гонять голубей». Ров. 451. Липранди 62.

176. РЕТИРАДА ФРАНЦУЗСКИХЪ ГЕНЕРАЛОВЪ.

Девять генераловъ убѣгаютъ въ странныхъ одеждахъ на санахъ въ двѣ лошади, одинъ изъ генераловъ свалился. Подпись Теребенева. Ров. 387. Липранди 64. Этотъ листъ былъ копированъ въ Англіи Крукшэнкомъ.

177. РЕТИРАДА ФРАНЦУЗСКОЙ КОННИЦЫ, КОТОРАЯ СЪѢЛА СВОИХЪ ЛОШАДЕЙ ВЪ РОССІИ. 1. Маршалъ на конькахъ. 2. Трубачъ. 3. Кираспръ, потерявшій свою каску. 4. Польскій уланъ потерявшій мундиръ. 5. Гусаръ. 6. Драгунъ. 7. Конный артилеристъ. 8. Мамелюкъ, который всѣхъ теплѣе одѣлся салопомъ женскимъ и всѣхъ запасливѣе, несетъ съ собой домой лошадиный окорокъ.

Восемь воиновъ верхомъ на палочкѣ, трубѣ и саблѣ. Подпись Теребенева. Ров. 388.

178. RETIRADE EN BON ORDRE. См. «Отступленіе въ полномъ порядкѣ».

179. РУССКАЯ БАНЯ.

Это первое изданіе листа «Наполеонъ у русскихъ въ банѣ», въ немъ измѣнено только заглавіе. Ров. 380 А.

180. РУССКАЯ ГЕРОИНЯ ДѢВИЦА, ДОЧЬ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Ни лѣтать было галкѣ въ нашъ овинъ».

Молодая дѣвушка колетъ вилами лежащаго француза. Изд. 1813 г. Янв. 20 дня. Ров. 483. Липранди 66.

181. РУССКАЯ ПѢХОТА И ФРАНЦУЗСКАЯ КОННИЦА.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Коль мало штыка такъ вотъ те приклада».

Ратникъ бьетъ прикладомъ упавшаго окровавленнаго кавалериста. Ров. 470. Липранди 67.

182. РУССКАЯ СТАРУХА ИЗЪЯСНЯЕТЪ НАПОЛЕОНУ ВИДѢННЫЙ ИМЪ ВЪ МОСКВѢ СОНЪ О ТРЕХЪ СТАКАНАХЪ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Наполеонъ: что значитъ три стакана, виденные Мною въ Москвѣ, изъ конхъ! одинъ былъ пустой, другой съ водою, а третій съ кровью. Стар.: Пустой стаканъ означаетъ, что сія война начата тобою изъ пустого тщеславія и гордости; Стаканъ съ водою значитъ слезы бѣдныхъ невинныхъ и раззоренныхъ войною людей, а послѣдній, наполненный кровію, изображаетъ человѣческую кровь пролитую въ сію ужаснѣйшую войну».

Наполеонъ за столомъ, рядомъ маршалъ. Старуха указываетъ на двухъ дерущихся пѣтуховъ, изъ которыхъ одинъ (Россія) заклевываетъ другого (Франція), направо два мамелюка. Ров. 431. Липранди 75.

183. РУССКІЙ ГЕРКУЛЕСЪ ГОРОДА СЫЧЕВКИ.

Богатырь-крестьянинъ держитъ правой рукой французскаго мародера, а лѣвой — связанныхъ и лежащихъ на землѣ трехъ другихъ мародеровъ въ какихъ то маскахъ. Подпись Теребенева. (И. Т.) Ров. 392. Линранди 69. Здѣсь изображенъ пѣкто Дениска — староста дѣда извѣстнаго библіографа Геннади — одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ ратниковъ, которые съ ватагой односельчанъ занимались истребленіемъ фр. мародеровъ или какъ ихъ тогда звали, «міродеровъ». См. слѣд. листъ, а также «Сычевцы», «Блудливъ какъ кошка».

184. РУССКІЙ ГЕРКУЛЕСЪ ЗАГНАЛЪ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ ЛѢСЪ И ДАВИЛЪ КАКЪ МУХЪ.

Крестьянинъ держитъ въ обѣихъ рукахъ по французу, одинъ французъ упалъ, другіе бѣгутъ; налѣво, за кустомъ — офицеръ въ треуголкѣ. Подражаніе Теребеневу. Ров. 392 А. (т. IV).

185. РУССКІЙ ГЕРОЙ. (Тоже по французски. — По серединѣ — годъ: 1812).

Превосходный листъ офортомъ. Въ закрытомъ помѣщеніи крестьянинъ замахивается топоромъ на свою руку, положенную на срубъ. Кругомъ сидятъ и стоятъ въ ужасѣ пять фр. солдатъ. Грав. Д. Скотти. Ров. 499 Б. (т. IV). Доменико Скотти (Дементій Карповичъ), историческій живописецъ, род. 1780, служилъ при Московскомъ архитектурномъ училищѣ, расписывалъ аль-фреско церкви, сдѣлалъ рисунки 12 побѣдъ, изданныхъ Карделли.

186. РУССКІЙ КУРЦІЙ. Ратникъ Московскаго ополченія, жертвующій жизнью, въ намѣреніи убіеніемъ избавить Отечество отъ злобнаго врага Наполеона, вмѣсто его поражаетъ ошибкою польскаго полковника. Пронзш., къ славѣ Россіянъ случившееся во время вторженія французовъ въ Москву, изъ жур. Сынъ Отеч. 1812, № 6, стр. 244. Изд. 1813, Февр. 11.

Русскій ратникъ поражаетъ копьемъ, жертвуя жизнью, польскаго полковника, принявъ его за Мюрата, направо четыре француза, налѣво одинъ; всѣ они бросаются на ратника. Подп. Иванова. (И. И.). Ров. 499. Линранди 70. Бываютъ отпечатки безъ обозначенія дня выхода листа.

187. РУССКІЙ КУРЦІЙ.

Зачѣмъ въ исторіи примѣровъ намъ искать
Спартанцы, Римляне престали удивлять
Коль Россы въ наши дни блескъ славы ихъ затмили
Весь міръ геройствомъ удивили.

Случившееся въ Москвѣ 1812 года

Ратникъ прикалываетъ французскаго гусара, въ присутствіи двухъ французскихъ кавалеристовъ и трехъ солдатъ. Подпись И. Тупылева. Ров. 499 А. (т. IV). Рисунокъ содержанія одинаковаго съ предыдущимъ.

188. РУССКІЙ МИЛИЦІЙСКОЙ МУЖИКЪ ДОЛБИЛА. Вить очнется бусурманъ, не вдавайся братъ въ обманъ. Што, мосье, кувырнулся разъ, два, три, ась, не прибавитли Мусье. (Заглавіе наверху, налѣво).

Налѣво ратникъ замахивается прикладомъ на лежащаго направо на землѣ француза. Ров. 494. Названіе Долбила заимствовано изъ пародіи на просьбу какихъ то монаховъ, подписанной Колотила, Долбила, Суетила, да дьяконъ Хоботила. Ров. 174 (т. IV).

189. РУССКІЙ МУЖИКЪ ВАВИЛА МОРОЗЪ НА ЗАЯЧЕЙ ОХОТѢ.

Ратникъ съ убитыми зайцами на вилахъ, гонитъ метлой Наполеона и фр. войско, изображенныхъ въ видѣ зайцевъ съ человѣческими головами. Надписи: надъ Вавилой: «Ату! ату! его — проклятый оборотень. — небось — коли недогоню, такъ метлою достану! что пакостникъ, шаловливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заецъ! — своихъ разтерялъ да и самъ угналъ! за дѣломъ приходилъ! явился, острамился и воротился — ау! братцы сосѣдушки, берегите поле не прозевайте вы Его». Надъ Наполеономъ: «Екое чудо! даромъ что съ бородою а ни чемъ его не обманешъ и не испугаешъ лишь бы мнѣ добрался до своихъ земель а тамъ ужъ я налгу съ три короба». Надъ маршалами, бѣгущими впереди: «намъ бы спасти наши кошелечки съ золотомъ, да наши жезлы — а прочее гори все огнемъ! здѣсь не до жиру, а быть бы только живу». Ров. 490. Липранди 71.

190. РУССКІЙ РАТНИКЪ ДОМОЙ ВОЗВРАЩАЯСЬ ДЛЯ КУРІОЗУ РЕБЯТИШКАМЪ БИРЮЛЕКЪ ПРИНЕСЪ. (Заглавіе наверху и внизу).

Ратникъ несетъ на ружьѣ пять мертвыхъ французовъ, его сынишка — впереди верхомъ на палочкѣ съ орломъ. Ров. 389. Липранди 61.

191. РУССКІЙ РАТНИКЪ ИВАНЪ ГВОЗДИЛА. У басурмана ножки тоненьки, душа коротенька. Што мусье промахнулся, анъ вотъ те разъ, другой бабушка дастъ. (Заглавіе наверху, налѣво).

Ратникъ колетъ пикой французскаго пѣхотинца. Лубочной работы. Ров. 493. Листы мужикъ Долбила и ратникъ Гвоздила были отпечатаны на одной доскѣ, въ очень грубомъ исполненіи, потомъ были перегравированы лучше и съ тѣмъ же текстомъ выпущены отдѣльно.

192. РУССКІЙ СЦЕВОЛА изъ журн. Сынъ Отеч., кн. 4 стр. 168.

Крестьянинъ замахивается топоромъ, чтобы отрубить себѣ заклейменную французами руку, по бокамъ два француза корчатся отъ удивленія. Подпись Теребенева. (И. Т.) Ров. 393. Липранди 68.

193. РУССКІЙ СЦЕВОЛА, лишающій себя руки, чтобъ не служить Наполеону, врагу Отечества. Происшествіе, случившееся къ славѣ Россіянъ въ 1812 году во время вторженія французовъ въ Россію. Изд. 11-го генваря 1813.

Крестьянинъ, положивъ руку на деревянный брусъ, собирается ее отрубить, налѣво четыре фр. офицера въ ужасѣ, направо генералъ, въ дверяхъ крестьянинъ съ фр. солдатомъ. Подп. Иванова (И. И.) Ров. 498. См. предыдущій листъ.

194. **РУССКІЙ СЦЕВОЛА.**

Вотще Порсена Римъ громами потрясаетъ
Кай Муцій твердостью одинъ его спасаетъ
Ктожъ, кто поколебать возможетъ тотъ престолъ
Который держитъ тьма Сцеволъ.

Отрубленная кисть руки, заклейменная вензелемъ Наполеона, лежитъ на столѣ, за которымъ сидятъ фр. воины. Подъ картинкой: соч. И. Тупылевъ и стихи. Грав. очеркомъ. Ров. 498 А. (т. IV). См. два предыдущихъ листа.

195. **РУССКІЙ СЦЕВОЛА. ВЪ АРМІИ НАПОЛЕОНА КЛЕЙМИЛИ** всѣхъ солдатъ, вступающихъ въ его службу. Слѣдуя сему обыкновенію наложили клейма на руку одного русскаго крестьянина, попавшаго въ руки французовъ. Едва узналъ онъ что сіе значитъ, тотчасъ схватилъ топоръ и отсекъ свою руку прочь. Ров. 498 Б. (т. IV).

См. три предыдущихъ листа.

196. **РЫЦАРСКАЯ ПОѢЗДКА НАПОЛЕОНА ИЗЪ ВАРШАВЫ СЪ КОЛЕНКУРОМЪ И ДЮРОКОМЪ.**

Наполеона по шею въ бочкѣ везутъ на дровняхъ въ одиночку, сзади Дюрокъ въ чепчикѣ, дальше верхомъ Коленкуръ, слѣва верстовой столбъ, впереди бѣжитъ заяцъ. Заяцъ: — «Наполеонъ мнѣ ни въ чемъ не уступаетъ» Коленкуръ: «Что можетъ быть хуже должности шталмейстера?» Наполеонъ: «Ни одинъ императоръ не ѣзжалъ такъ великолѣпно». Дюрокъ: «Какъ мнѣ писать бюллетени о побѣдахъ нашихъ! руки у меня окостепѣли»! Ров. 438. Липранди 53. Наполеонъ бѣжалъ подъ именемъ Коленкура, французы острили говоря, что это Colin qui court. Листъ хорошо исполненный, который можно отнести къ работѣ Теребенева.

С.

197. **СКРЫТНОЕ БѢГСТВО НАПОЛЕОНА ИЗЪ ПАРИЖСКАГО ТЕАТРА.** По гласу зрителей: «Миръ, миръ, да падетъ тиранъ».

Происшествіе, тема котораго заимствована изъ журнала «Сынъ Отечества». По серединѣ опущенная занавѣсь, Наполеонъ хватается за саблю, лѣвѣе входящіе въ театръ солдаты, еще лѣвѣе, на возвышеніи, нѣсколько человѣкъ съ обнаженными кинжалами. Листъ грубой работы. У Ровинскаго его нѣтъ.

198. **СМОТРЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ВОЙСКАМЪ НА ОБРАТНОМЪ ИХЪ ПОХОДѢ ЧРЕЗЪ СМОЛЕНСКЪ.** Хотя одеты некрасиво да тепло: а это главное дѣло. Гамбургск. корресп. gazette du Dep. des bouches de l'Elbe 1812, № 480. письмо изъ Варшавы отъ 15 Ноября.

Наполеонъ стоитъ въ профиль, налѣво два маршала, изъ которыхъ одинъ держитъ руку въ муфтѣ, другой производитъ смотръ войскамъ, еще лѣвѣе — группа фр. солдатъ въ странныхъ головныхъ уборахъ и одеждахъ, направо группа генераловъ около лошади, стоящей на конькахъ. Подп. Теребенева. Ров. 436. Липранди 73. Во второмъ изданіи подпись Теребенева стерта. Этотъ листъ былъ копи-

Дѣятельность француженки въ магазинѣ. 46.

рованъ въ Англіи и гравированъ Крукшэнкомъ. Въ англійской копіи нѣтъ фигуры маршала, производящаго смотръ войскамъ. Попадаются листы безъ заглавія и текста.

199. СОБРАННАЯ НА ЭЛЬБѢ ОБСЕРВАЦІОННАЯ АРМІЯ ФРАНЦУЗСКАЯ, КЪ КОТОРОЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ ЕЯ ГОВОРИТЪ РѢЧЬ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Солдаты, Вашъ генералъ чтитъ и уважаетъ Васъ. Вы должны послужить образцами народамъ, которыхъ будете защищать и покровительствовать. Сынъ Отеч. № 10, 1813, стр. 193».

Армія нарисована на столбцѣ бумаги, который поддерживаетъ секретарь, направо Наполеонъ чертитъ пушки, налѣво маршалъ говоритъ бумажной арміи рѣчь. Подпись Теребенева. Ров. 410. Темой для этой картинки послужилъ приказъ командовавшаго Эльбскою арміею генерала Лорристона, наполненный бранью на противниковъ и крайнею лестью Наполеону.

200. СОКРУШЕНІЕ НАПОЛЕОНОВА МОГУЩЕСТВА.

Наполеонъ на колѣняхъ держитъ мечъ, который русскій орелъ разсѣкаетъ саблей. У орла на груди вензель Александра, въ лѣвой лапѣ листъ, съ надписью; «караю вероломство». Справа три маршала, падающіе на колѣни. Ров. 519. Липранди 74.

201. СОЛДАТЫ ВАШЪ ГЕНЕРАЛЪ... См. «Собранная на Эльбѣ армія».

202. СОНЪ НАПОЛЕОНА. См. «Русская старуха».

203. С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ РАТНИКЪ ХРАБРОВЪ. Ей мусье, я русакъ, а не прусакъ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Въ согласномъ стадѣ волкъ не страшенъ и храбрость крѣпче стѣнъ и башенъ».

Ратникъ замахивается топоромъ на упавшаго француза. Ров. 497. Липранди 51.

204. С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ РАТНИКЪ ХРАБРОВЪ. Ей мусье... не Прусакъ.

Точная копія предыдущаго листа, но въ обратную сторону, по сторонамъ придѣлано два дерева. Ров. 497 А. (т. IV). Липранди 51.

205. СПИРИДОНОВНА. См. «Французскіе гвардейцы».

206. СЫЧЕВЦЫ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Чудо богатырь города Сычевки села Левшина, неустрашимостью и силой, подобно Геркулесу затворя въ избѣ дверью, привелъ въ трепетъ 31-го француза, которые и взяты

всѣ въ плѣнъ подоспѣвшими крестьянами. Сынъ Отеч. 1812 г., № 6, стр. 246».

Богатырь съ крестьянином въ бѣлой рубашкѣ припираютъ дверь въ избу, изъ окна которой высовываются головы запертыхъ французовъ, налѣво толпа вооруженныхъ крестьянъ. Ров. 504. Липранди 76. Городъ Сычевка и его уѣздъ отличались исключительною храбростью въ истребленіи французовъ; особенно прославился богатырь-силачъ, бурмистръ села Левшина, который и изображенъ на картинкѣ. См. «Русскій Геркулесъ».

207. СѢВЕРНЫЙ АМУРЪ. (Заглавіе наверху).

Калмыкъ, стрѣляющій изъ лука въ пятерыхъ французскихъ мародеровъ. Грав. карандашной манерой. Раб. Венеціанова. Ров. 467.

Т.

208. ТВЕРДОСТЬ РУССКАГО КРЕСТЬЯНИНА. Гдѣ крестьяне куды дѣвали свои пожитки? — Ась не слышу говори громче...

Полякъ и два французскихъ солдата окружаютъ крестьянина, и его разспрашиваютъ; онъ притворяется глухимъ. Ровинскій приписываетъ этотъ листъ Теребеневу. Ров. 394. Это происшествіе описано въ «Сынѣ Отечества» 1813 г., № 9, стр. 133.

209. ТЕРЕНТЬЕВНА ДОКАЛАЧИВАЕТЪ БАШМАКОМЪ БЕЗЪ ПАРДОННАГО ФРАНЦУЗСКАГО СОЛДАТА. (Заглавіе наверху).

Терентьевна замахивается башмакомъ на упавшаго вверхъ ногами француза, который кричитъ: «Мадамъ пардонъ». Она отвѣчаетъ: «Вотъ я тебѣ дамъ звонъ. Вотъ тебѣ разъ злодѣй, вотъ тебѣ другой, бусурманъ, не очнись злодѣй, не очнись супостатъ. Происшествіе, случившееся въ Москвѣ на Никольской улицѣ въ октябрѣ 1812 года. В. Лапинъ». Листъ грубой лубочной работы. Ров. 484. Липранди 77.

210. ТОРГОВКИ. См. «Мадамовъ изъ Москвы»...

211. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ШЕСТВІЕ НАПОЛЕОНА ВЪ ХРАМЪ СЛАВЫ.

Маршалъ въ лаптяхъ везетъ Наполеона на тачкѣ, впереди церемоніймейстеръ на козлѣ и воинъ на деревяшкѣ, слѣва храмъ славы, около него два казака съ поднятыми нагайками, внизу два генерала. Грав. очеркомъ. Лубочной работы Ров. 515. Липранди 78.

212. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪѢЗДЪ ВЪ ПАРИЖЪ НЕПОБѢДИМОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ.

Комическій въѣздъ въ Парижъ черезъ тріумфальныя ворота, на переднемъ планѣ публика, сзади дома, справа другія тріумфальныя ворота. Шествіе начинается съ русскаго мужика на клячѣ, которую ведетъ церемоніймейстеръ. У мужика въ рукѣ

и за спиной калачи, за нимъ два офицера несутъ двухъ кошекъ, далѣе камерфурьеръ съ орломъ на палкѣ, тамбуръ-мажоръ, два гусара, четыре гренадера, несущіе замороженнаго товарища, кибитка парой и т. д. Въ первый разъ этотъ листъ былъ помѣщенъ въ книгѣ «Записки о СПБ. ополченіи барона Штейнгеля» 1814, потомъ онъ продавался отдѣльно съ Теребеневскими карикатурами. Ров. 396. Превосходный листъ, безъ подписи Теребенева, но несомнѣнно его работы. Есть и точная копія. Ров. 396 А. (т. IV).

213. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪѢЗДЪ Н... ВЪ ПАРИЖЪ СЪ БИРЮЛЬКАМИ.

Наполеонъ верхомъ, съ земнымъ шаромъ въ рукахъ, въѣзжаетъ въ тріумфальныя ворота, его лошадь тащутъ маршалы, за воротами толпа, сзади два гвардейца съ бирюльками. Ров. 507. Липранди 80.

214. ТРІУМФАЛЬНОЕ ПРИБЫТІЕ ВЪ ПАРИЖЪ НАПОЛЕОНА.

Наполеонъ и маршалъ Бертье стоятъ на варенномъ ракѣ. У Наполеона въ рукѣ бирюльки, изображающія казаковъ, направо, вмѣсто тріумфальныхъ воротъ, висѣлица. Раб. Венеціанова. Ров. 506. Липранди 81. Этотъ листъ совершенно правильно приписывается Венеціанову сенаторомъ Е. Е. Рейтерномъ. Сравненіе съ листомъ «Н... уже въ СенатѢ» не оставляетъ никакого въ этомъ сомнѣнія. Попадаются листы, гдѣ ракъ не красный, а черный.

215. ТРІУМФАЛЬНОЕ ПРИБЫТІЕ ВЪ ПАРИЖЪ НАПОЛЕОНА.

Копія съ предыдущаго листа съ той разницей, что буква Т въ словѣ: «Тріумфальное» — въ оригиналѣ большая, а въ копіи маленькая. Ров. 506 А. (т. IV).

У.

216. УБИРАЙТЕСЬ СКОРѢЕ, А НЕ ТО РУССКІЕ ПРИМУТЪ ВАСЪ ЗА ХОХОЛЪ. См. «Худо въ карты играть».

217. УВѢДОМЛЕНІЕ, ЧТО ЛОРДЪ СЕБѢ НОГУ СЛОМАЛЪ... (Безъ заглавія).

Два англичанина сидятъ, третій стоитъ; одинъ изъ сидящихъ читаетъ бумагу, начинающуюся со словъ, помѣщенныхъ въ заглавіи листа. Этотъ листъ имѣетъ, вѣроятно, какое нибудь отношеніе къ 1812 году. Я его видѣлъ въ Собраніи Библіотеки Его Императорскаго Величества Государя Императора въ Царско-Сельскомъ Дворцѣ.

218. УГОЩЕНІЕ НАПОЛЕОНУ ВЪ РОССІИ.

Свое добро тебѣ пріѣлось
Гостинцевъ русскихъ захотѣлось;
Вотъ сласти Русскія, поѣшь не подавись.
Вотъ сперцемъ сбитенекъ, попей не обожгись.

Наполеонъ провалился въ кадку, въ которой Калужское тѣсто, солдатъ засовываетъ ему въ ротъ коврижку, другой наливаетъ сбитень, въ который третій кладетъ перецъ. Подпись Теребенева. Ров. 378.

219. УРАЛЬСКОЙ КАЗАКЪ СИЛА ВИХРЕВЪ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Происшестіе случившееся по освобожденіи русскими Москвы. Казакъ захватя въ плѣнъ французскаго офицера и чрезъ нѣсколько улицъ провезъ и доставилъ его въ Кремль къ нашимъ войскамъ».

Скачущій казакъ держитъ правой рукой взятаго имъ въ плѣнъ француза, сзади фантастическая Москва. Ров. 488.

220. УСЕРДІЕ И ВѢРНОСТЬ КРЕСТЬЯНЪ... См. «Володимірцы».

221. УСЕРДНАЯ И ДОБРОВОЛЬНАЯ ПОСТАВКА РЕКРУТЪ ОТЪ ФРАНЦУЗСКАГО НАРОДА.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Они поддержатъ честь великой націи».

Налѣво Наполеонъ, которому отдатчикъ представляетъ отъ двухъ департаментовъ двухъ лошадей и трехъ калѣкъ рекрутовъ, направо волонтеры, которыхъ тащутъ на арканѣ. Подпись Теребенева. Ров. 401. Темой для этой картинки послужили «насильственные способы, которыми производились новые наборы» (слова плѣннаго фр. интенданта Пюисбюска Кутузову), носившіе въ бюллетеняхъ названіе «добровольныхъ и усердныхъ пожертвованій».

222. УЧИТЕЛЯ И АРТИСТЫ ФРАНЦУЗСКІЕ ОСТАВЛЯЮТЪ МОСКВУ.

Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Прощай Москва, есть чѣмъ насъ вспомнить».

Поваръ, кучеръ, винторговецъ, музыкантъ, молодая торговка и учитель въ очкахъ, съ суковатой палкой оставляютъ Москву. Ров. 425. Листъ лубочной работы.

Ф.

223. ФОРСИРОВАННЫЕ МАРШИ ФРАНЦУЗСКІЕ.

Казакъ съ нагайкой и пикой гонитъ двухъ французскихъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ, убѣгая, выпускаетъ лошадь. Казакъ говоритъ «Погодитека варвары Тавлинцы, Сукины дѣти, дамъ я вамъ пардонъ. За чемъ вы акаянные то разграбили въ селѣ?». Первый Французъ — «Пардонъ Мосье, вотъ тебѣ и лошадь моя». Второй — «Вантръ Сенъ-Гри, откуда взялся этотъ чортъ? Пардонъ, пардонъ, мусье казакъ!» Одинъ изъ листовъ, изданныхъ А. Я. Булгаковымъ; его нѣтъ у Ровинскаго. У Липранди онъ значится подъ № 88 съ заглавіемъ «Французскіе форсированные марши». Собраніе В. И. Яковлева. См. «Бѣгство Наполеона Великаго».

224. ФРАНЦУЗСКАЯ АРТИЛЛЕРІЯ.

Четыре канонира тащутъ на лафетѣ мертвую лошадь, пятый забиваетъ пушку молоткомъ. Надъ каждымъ надпись: «1) Да станешь таскать, вить дѣло идетъ

объ томъ, чтобъ было чѣмъ поужинать. 2) Не въ мочь тебѣ, лафрансъ, надорвешься! 3) А чья выдумка? 4) А што и впрямь не глупо придумалъ это легче таскать, а пушкой сытъ не будешь! 5) Войны великой арміи поздравляю васъ безъ артиллеріи, вотъ и послѣдняя заколочена. Vive la liberté! — а лафеты годятся ужо поджарить новомодную пушку». Одинъ изъ листовъ, изданныхъ А. Я. Булгаковымъ. Ровинскій, № 459 А. (т. IV) описалъ этотъ листъ, очевидно заглазно по Липранди № 84. Собраніе В. И. Яковлева. См. «Бѣгство Наполеона Великаго».

225. ФРАНЦУЗСКАЯ АТАКА РУССКОЙ БАНИ. ПУГАНАЯ ВОРОНА И КУСТА БОИТСЯ. (Заглавіе наверху и внизу).

Двое французовъ летятъ съ лѣстницы, по которой они забрались въ поискахъ за взлетѣвшей на чердакъ курицей. Одинъ французъ случайно наступилъ на ногу спрятавшейся въ кучу вѣниковъ крестьянки, которая вскочила на ноги, вмѣстѣ съ подругой и бросилась вонъ. Французы испугались и бѣжали. Направо бѣгутъ еще пять французовъ. Сынъ Отеч., 1813, III, стр. 150. Ров. 466.

226. ФРАНЦУЗСКАЯ КАВАЛЕРІЯ.

Драгунъ рубитъ свою клячу, падающую на землю, за нимъ бѣгутъ уланъ, жандармъ и гусаръ. Надъ каждымъ надпись: «1) Чтобъ тебя разорвало, попасться мнѣ отъ тебя къ казакамъ въ руки. 2) О Москали... бодай васъ, вшисцы діабли взѣли. 3) Будетъ ли конецъ этой каторжной жизни? 4) Помогите я падаю, умираю...». Одинъ изъ листовъ, изданныхъ А. Я. Булгаковымъ; его нѣтъ у Ровинскаго, у Липранди вѣроятно № 83. Собраніе В. И. Яковлева. См. «Бѣгство Наполеона Великаго».

227. ФРАНЦУЗСКАЯ ПѢХОТА.

Семь солдатъ, бѣгущихъ въ оборванныхъ мундирахъ, рогожахъ, салопахъ, юбкахъ и др. рубищахъ. Надъ каждымъ изъ нихъ надпись: «1) Эхъ онъ улизываетъ, проклятый, а насъ бросилъ. 2) Мнѣ мочи нѣтъ. Я брошу ружье. 3) Впередъ, впередъ ребята, въ Вильнѣ найдемъ всего въ изобиліи. 4) Да. Такое же изобиліе, какъ въ Москвѣ... бѣгите какъ я, то согрѣетесь по крайней мѣрѣ. 5) Хорошо тебѣ толковать, а у меня башмаковъ нѣтъ. 6) А я шестой день не ѣвши. 7) Ахъ братцы да вотъ лошадь мертвая... ужъ трое надъ нею трудятся, поторопитесь, а то намъ ничего не достанется». Одинъ изъ листовъ, изданныхъ А. Я. Булгаковымъ; его нѣтъ у Ровинскаго. Собраніе В. И. Яковлева. См. «Бѣгство Наполеона Великаго».

228. ФРАНЦУЗСКІЕ ГВАРДЕЙЦЫ ПОДЪ КОНВОЕМЪ БАБУШКИ СПИРИДОНОВНЫ. (Заглавіе наверху).

Спиридоновна ведетъ на веревочкѣ двухъ гвардейцевъ, одинъ въ женской юбкѣ, другой въ капорѣ, сзади два крестьянскихъ мальчика. Раб. Венеціанова. Ров. 485.

229. ФРАНЦУЗСКІЕ МАРОДЕРЫ.

Два мародера, забравшіеся въ крестьянскій дворъ, одинъ изъ нихъ въ каскѣ тащитъ свинью за хвостъ. Безъ заглавія и текста. У Ровинскаго этотъ листъ не значится.

230. ФРАНЦУЗСКІЕ МАРОДЕРЫ, ИСПУГАВШІЕСЯ КОЗЫ. Изъ журн. Сынъ Отеч. к. 9, стр. 128.

Пять французскихъ мародеровъ убѣгаютъ отъ старухи. Войдя къ ней въ избу, они спросили хлѣба и молока. Давъ имъ хлѣба, старуха заявила, что молока у нея нѣтъ, такъ какъ французы порѣзали всѣхъ коровъ и что у нея осталась только одна «коза». Французамъ со страха вмѣсто слово «коза» послышалось «козакъ» и они убѣжали. Происшествіе это случилось въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Подпись Теребенева. Ров. 391. Липранди 92.

231. ФРАНЦУЗСКІЙ ВОРОНІЙ СУПЪ.

Бѣда намъ съ Великимъ нашимъ Наполеономъ!
Кормитъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ:
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ;
Ни тутъ-то! похлебаемъ же хоть воронІй супъ.

Четыре голодныхъ француза, изъ которыхъ одинъ, стоя, разрываетъ ворону другой на колѣняхъ, третій посылаетъ воронѣ поцѣлуй и четвертый, лежа, вылизываетъ котелъ, въ которомъ жарилась ворона. Подпись Теребенева. Ров. 395. Липранди 86. «Soupe aux corbeaux» была, дѣйствительно, за недостаткомъ пищи, исключительной ѣдой французовъ въ Москвѣ. Сынъ Отеч. 1812, VII, стр. 44.

232. ФРАНЦУЗСКІЙ ВОЯЖЕРЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Наполеонъ въ огромныхъ валенкахъ ѣдетъ въ салазкахъ на свиньѣ, въ одиночку, волосы стоятъ у него дыбомъ. Подпись Теребенева. Ров. 386.

233. ФРАНЦУЗСКІЙ МАГАЗИНЪ ПОМАДЫ И ДУХОВЪ.

Двѣ француженки, изъ которыхъ одна сидитъ, другая стоитъ за прилавкомъ. Ухаживатель, наклонившись, разсматриваетъ склянку. Текстъ: «1-й — Французское ли это? 2-я — О мосье самое свѣжее!» Раб. Венеціанова по совершенно правильному опредѣленію сенатора Е. Е. Рейтерна. Ров. 421 А. (т. IV).

234. ФРАНЦУЗСКІЙ ОБѢДЪ.

Три французскихъ солдата у трупа лошади, одинъ отрѣзываетъ саблей кусокъ, другой въ треуголкѣ держитъ въ рукахъ окровавленное мясо, третій, нагнувшись откусываетъ часть лошадиной голени. Первый говоритъ: «безъ соли, безъ хлѣба худая бесѣда», второй — «кто это тамъ шумитъ, ужъ не казакъ ли?» и третій — «тьфу, проклятый, испугалъ меня только, а я было добрался уже до мяса». Одинъ изъ листовъ, изданныхъ А. Я. Булгаковымъ; его нѣтъ у Ровинскаго. Собраніе В. И. Яковлева. Этотъ листъ обозначенъ у Липранди подъ № 87. См. «Бѣгство Наполеона Великаго».

235. ФРАНЦУЗСКІЙ ПАРИКМАХЕРЪ.

1) Парикмахеръ, 2) мужъ въ прическѣ съ высокими рогами, 3) жена причесаннаго и 4) ея мать. Подписи: «1) Что это значитъ? — 2) Мосье ето неперемѣняемый въ Парижѣ фасонъ. — 3) Что же дѣлать мами коли законъ вкуса таковъ! — 4) Ахъ какъ ето нежно»!! Раб. Венеціанова. Ров. 422. Липранди 90.

Французскій магазинъ помады и духовъ. 233.

236. ФРАНЦУЗСКОЕ ВОСПИТАНІЕ. (Безъ заглавія).

Гуверперъ надѣваетъ на мальчика съ открытымъ черепомъ колпакъ, съ надписью: «Названія всѣхъ наукъ, познаніе о удовольствіяхъ Парижа». Сзади гувернантка надуваетъ ему въ голову французскій языкъ, безстыдство, эгоизмъ, вольнодумство. Около гувернантки гробъ, въ которомъ покоятся: характеръ, патріотизмъ, терпѣніе, мужество. Мальчикъ бьетъ въ барабанъ и шествуетъ въ храмъ почестей. Раб. Венеціанова. Ров. 419.

237. ФРАНЦУЗСКОЕ ВОСПИТАНІЕ. 1) Мамзель, изглаживаетъ предками боготворимые правила, показывая, что они неприличны французскому вкусу. 2) Мосіе, очистя отъ низости заниматься хозяйствомъ Господина, усыпляетъ ево, опаражнивая карманъ. 3) Мосіе, усыпя на французскихъ розахъ Госпожу, отравляетъ ея сердце разруша обязанности супруги и матери.

Француженка съ двумя дѣтьми раскалываетъ копьемъ десять заповѣдей, направо французъ отравляетъ змѣей сердце усыпленной имъ женщины, налѣво другой французъ опоражниваетъ карманъ усыпленнаго имъ человѣка. Раб. Венеціанова. Ров. 420. Липранди 91.

238. ФРАНЦУЗЫ ВЪ РОССІИ. Постой басурманъ я и тебя наколю.

Французскій солдатъ гложетъ кобылью кость, слѣва ратникъ прокалываетъ другого француза штыкомъ въ горло, третій проситъ пощады. Грав. карандашной манерой. Ров. 456.

239. ФРАНЦУЗЫ ВЪ РОССІИ. «Постой басурманъ я и тебя накормлю».

Крестьянинъ прокалываетъ разомъ двухъ французовъ, третій французъ стоитъ надъ мертвою лошадью, держа въ рукахъ ея отрубленную ногу. Грав. карандашной манерой. Варіантъ предыдущаго листа.

240. ФРАНЦУЗЫ ГОЛОДНЫЕ ВОЛКИ, ТЕРЗАЮТЪ БАРАНА. Заглавіе наверху. Внизу текстъ: «Этотъ кусъ не для вашихъ устъ Негодные басурмане, ступайте ко сами на пики и арканы. Происшествіе описан. въ Сынѣ Отеч. 1812 г., № 3, стр. 115. изд. 1813 г. Генв. 28 дня».

На французскихъ мародеровъ напали казаки и отбиваютъ у нихъ барана. См. «Казаки и французы». Ров. 461. Липранди 93. Существуютъ листы безъ надписей.

241. ФРАНЦУЗЫ ГОЛОДНЫЯ КРЫСЫ ВЪ КОМАНДѢ У СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ.

Старостиха верхомъ на клячѣ, сзади три дѣвки съ ухватами и парень съ косой, впереди полякъ на колѣняхъ и старая баба, ведущая на веревкѣ двухъ мародеровъ. Надпись вверху картинки, надъ старостихой Василисой:

«Знать вы въ Москвѣ то не солоно похлебали
Что хуже прежняго и тоще стали,

А кабы занесло васъ въ Питеръ
Опъ бы вамъ всѣ бока повытеръ».

Надъ мародерами:

«Добрыхъ людей,
Да званыхъ гостей,
Съ честію у насъ встрѣчаютъ
И въ передній уголъ сажаютъ.
А незванныхъ нахаловъ,
Грабителей бусурмановъ
Съ безчестьемъ прогопяютъ
И кулакомъ провожаютъ».

Раб. Венеціанова. Ров. 480. Это происшествіе разсказано въ Сынѣ Отеч. 1812, XI, 225. Крестьяне, поймавъ плѣнныхъ, привели ихъ къ женѣ старосты одной Сычевской деревни, та, важно усѣвшись на клячѣ верхомъ и взявъ въ руки косу, начала ими командовать, а когда одинъ изъ французовъ ея не послушался,— снесла ему голову косой. См. «Наполеонова гвардія подъ командой».

242. ФРАНЦУЗЫ, ИСПУГАВШІЕСЯ КОЗЫ. Сынъ Отеч. 1812 г., № 9, стр. 128.

Четыре мародера, изъ которыхъ одинъ свалился, бѣгутъ отъ старухи, въ окнѣ видна коза въ хлѣву. То же происшествіе, какъ и во «Французскихъ мародерахъ». Ров. 463. Подражаніе Теребеневу. (Р. 391).

243. ФРАНЦУЗЫ, ИСПУГАВШІЕСЯ КОЗЫ.

То же происшествіе, другой рисунокъ. Одинъ изъ мародеровъ стоитъ передъ старухой на колѣняхъ, она говоритъ: «Тамъ въ хлѣву, родные, коза», онъ ей отвѣчаетъ: «Ахъ пардонъ, мадамъ», другой — «куда коза» и третій — «казакъ, казакъ». Ров. 464. Плохой листъ.

X.

244. ХЛѢБОСОЛЬСТВО ОТЛИЧНАЯ ЧЕРТА ВЪ ХАРАКТЕРѢ НАРОДА РУССКАГО. Великодушные воины графа... Сынъ Отеч. 1813 № 6, стр. 295. изд. февр. 14.

Два русскихъ солдата изъ арміи Витгенштейна угощаютъ хлѣбомъ и щами трехъ плѣнныхъ голодныхъ французовъ. Налѣво солдаты варятъ пищу, направо палатки. Подп. Иванова, (И. И.). Ров. 462. Липранди 94.

245. ХОТЬ ОДЕТЫ НЕКРАСИВО... См. «Смотръ французскимъ войскамъ».

246. ХРАБРОВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ РАТНИКЪ. См. «С.-Петербургскій ратникъ».

247. ХРАМЪ ПОЧЕСТЕЙ. См. «Французское воспитаніе».

248. ХУДО ВЪ КАРТЫ ИГРАТЬ, А КОЗЫРЕЙ НЕ ЗНАТЬ. (Безъ заглавія).

11 французскихъ мародеровъ, во время грабежа барскаго дома, прячутся отъ видиѣющихся въ окнахъ казаковъ. Подъ картинкой текстъ: «Убирайтесь скорѣе, а не то Русскіе примутъ васъ за хохолъ. Изд. журн. Сынъ Отеч. но. 4, 1813 г. стр.». Одинъ изъ мародеровъ говоритъ: «Господи ета ворона намъ не оборона», а другой — слова приведенныя въ заглавіи. Ров. 465. Липранди 60.

Ч.

249. ЧИХИРИНЪ. См. «Корнюшка Чихиринъ».

250. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЧТА ВЪ ПАРИЖЪ. Заглавіе наверху. Внизу тоже по нѣмецки.

Наполеонъ и семь генераловъ верхомъ на летящемъ ослѣ, одинъ изъ нихъ держитъ знамя: «La grande Nation», впереди два гвардейца на орлахъ, сзади два поляка, на хвостѣ у осла корзина и въ ней женщина. Наполеонъ говоритъ: «Со славою лыжи навастриваю»; одинъ изъ генераловъ — «вотъ что»; одинъ изъ поляковъ — «помилуйте, возьмите насъ съ собою»; женщина — «бодры господа»; верхній гвардеецъ — «идетъ великій». Всѣ надписи переведены по нѣмецки. Ров. 458. Липранди 95. Вѣроятно копія съ иностраннаго оригинала.

251. ЧТОЖЬ, БАТЮШКА, БѢЖИШЬ, вотъ хлѣбъ соль для твоей милости, али не слюбилася?

Два мужика подносятъ бѣгущему Наполеону на блюдѣ солонку, топоръ, дубину и грамоту. Грав. карандашной манерой, приписывается сепаторомъ Е. Е. Рейтерномъ съ большимъ основаніемъ работѣ Венеціанова. Ров. 442.

252. ЧУДО-БОГАТЫРЬ ГОРОДА СЫЧЕВКИ. См. «Сычевцы».

253. ЧѢМЪ ОНЪ ПОБѢДИЛЪ ВРАГА СВОЕГО? НАГАЙКОЮ! Изъ журнала Сынъ Отеч. книг. 7, стр. 43.

Направо казакъ верхомъ замахивается нагайкой на французскаго улана тоже верхомъ, лошадь котораго падаетъ. Подп. Теребенева. (И. Т.) Ров. 389. Липранди 20, 21.

254. ЧѢМЪ ПОБѢДИЛЪ ЕГО? НАГАЙКОЙ.

Направо казакъ замахивается нагайкой на французскаго офицера въ треуголкѣ, съ саблей въ рукахъ. На землѣ сломанная пика и сабля. Грав. карандашной манерой. Раб. Венеціанова. Ров. 468. Липранди 20, 21.

255. ЧѢМЪ ПОБѢДИЛЪ ОНЪ ВРАГА? НАГАЙКОЮ. Сынъ Отеч. 1812 г., № 7, стр. 43.

Налѣво казакъ бьетъ нагайкой французскаго всадника, падающаго съ лошади. Наверху надпись: «Не дать ли еще разъ, чтобъ лучше помнилъ насъ». Подражаніе Теребеневу. Ров. 469. Липранди 20, 21.

РАБОТЫ ТЕРЕБЕНЕВА, ВЕНЕЦІАНОВА И ИВАНОВА, НЕ ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ КАРИКАТУРАМЪ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ.

Гравюры и литографіи.

ТЕРЕБЕНЕВЪ.

Отдѣльные листы.

1. КНЯЗЬ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ передъ войскомъ, надъ нимъ паряшій орелъ, рис. и грав. скульторъ Иванъ Теребеневъ.

2. ВИДЪ АНИЧКОВСКАГО ДВОРЦА съ принадлежащимъ къ нему строеніемъ, рис. съ натуры Иванъ Теребеневъ 1814 г.

По всѣмъ вѣроятіямъ имъ же рисованы, а можетъ и гравированы нѣкоторые изъ листовъ безъ подписей, перечисленныхъ въ числѣ работъ Иванова.

3. БЕСѢДА МѢЩАНЪ, рис. И. Теребеневъ, грав. И. Ивановъ.

4. ИГРАКИ — тѣхъ же мастеровъ.

5. РИФМАЧЪ ЧИТАЕТЪ СВОИ СТИХИ — тѣхъ же мастеровъ.

Всѣ три послѣднія карикатуры гравированы очеркомъ и раскрашены; они рѣдки, особенно первая.

Книжная иллюстрація.

ОЛЬГА ИЛИ ТОРЖЕСТВО ВѢРЫ, поэма въ четырехъ пѣсняхъ. Россійское сочиненіе Е. М. Титовой. Спб. 1813 16°.

Четыре картинки, грав. Теребеневымъ, съ его подписью: 1) Смерть Вадима, стр. 22. 2) Ольга въ моленіи, стр. 56. 3) Ольга, шествующая въ храмъ св. Софіи, стр. 76 и 4) Апофеозисъ Ольги. Святославъ въ упыніи, стр. 101.

Рифмачъ читаетъ свои стихи. (Стр. 168 и 174, №№ 5 и 28 — 30).

ВЕНЕЦІАНОВЪ.

Отдѣльные листы.

1. НАСТЯ СЪ МАШОЙ, пис. Венеціановъ, лит. Н. Крыловъ.

2. КАПИТОШКА, — дѣвушка съ платкомъ на головѣ и валькомъ на плечѣ.

3. ЗАХАРКА, — мальчикъ въ мѣховой шапкѣ, съ топоромъ на плечѣ.

4. ПОЛАГЕЯ, — дѣвушка у забора съ косою на плечѣ.

№№ 2—4 съ подписями: пис. Венеціановъ, рис. на камнѣ Тырановъ.

5. ИСКАТЕЛЬНИЦА ГРИБОВЪ, — крестьянка въ лѣсу.

Во 2-мъ оттискѣ значится «Параня со Сливнева».

Въ собраніи Е. Е. Рейтерна листъ № 4 безъ подписей, на самомъ же рисункѣ, въ правомъ углу, выцарапано на камнѣ имя «Testow»; та же подпись, но по русски имѣется на листѣ № 2.

6. КРЕСТЬЯНСКАЯ ДѢВИЦА СЪ СЕРПОМЪ, пис. Венеціановъ, лит. Малининъ.

7. МАТЬ УЧАЩАЯ ДѢТЕЙ СВОИХЪ МОЛИТЬСЯ, съ картины Венеціанова, рис. на камнѣ П. Смирновъ.

8. КРЕСТЬЯНКА СЪ КУВШИНОМЪ.

9. МАЛЬЧИКЪ ПУСКАЕТЪ МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

Обѣ послѣднія литографіи безъ всякой подписи.

10. ПАСТУШОКЪ И ДВѢ ДѢВУШКИ СЪ ГРИБАМИ, съ карт. Венеціанова, рис. Бѣлоусовъ. Изд. Общ. Поощр. Художествъ.

11. PAYSAN RUSSE, lith. par A. Deinert imp. par Paul Petit. Vénetianoff (наверху).

12. ВОТЪ ТЕ И БАТЬКЕНЪ ОБЕДЪ, пис. Венеціановъ, рис. на камнѣ Калининъ.

13. ПОРТРЕТЪ ДѢВУШКИ, рис. на камнѣ Погонкинъ, печ. А. Радцихъ.

14. ПОРТРЕТЪ ГОГОЛЯ, рис. и лит. Венеціановъ.

Послѣднія пять литографій не упомянуты у Ровинскаго и находятся въ собраніи Е. Е. Рейтерна.

Книжная иллюстрація.

1 — 40. ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ или зрѣлище С.-Петерб. расхожихъ продавцовъ... Ежемѣсячное изданіе на 1817 годъ. (Изд. Павломъ Петровымъ — кн. П. П. Вяземскимъ). Lanterne magique... Lanterna magica... СПбг. тип. В. Плавильщикова, 1817. 4°. Всего вышло этого изданія 12 выпусковъ, съ текстомъ кн. П. П. Вяземскаго. Впереди картинка: Русскій Народный Праздникъ («Fête nationale russe. Russicher Volksfest») литографія, затѣмъ слѣдуютъ 40 типовъ, гравированныхъ крѣпкой водкой, почти безъ тѣней, и раскрашенныхъ, съ подписями на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Представляю перечень ихъ въ азбучномъ порядкѣ:

1. Водовозъ. — 2. Господинъ и извощикъ. — 3. Гребенщикъ и дѣвка. — 4. Дворникъ и Трубочистъ. — 5. Дѣвочка покупаетъ вареные груши. — 6. Квасникъ и сбитенщикъ. — 7. Колонисты. — 8. Конфектчикъ и парикмахерскій ученикъ. — 9. Кормилица и разнощикъ. — 10. Крестьянинъ и крестьянка. — 11. Купецъ и артельщикъ. — 12. Купецъ покупаетъ орехи. — 13. Кухарка и фонарщикъ. — 14. Кучеръ и Блинникъ. — 15. Матросъ и лакей. — 16. Модная торговка и бухарецъ. — 17. Молошница и прачка. — 18. Моляръ и Щекотуръ. — 19. Мясникъ. — 20. Обручникъ. — 21. Пирожникъ. — 22. Поваръ покупаетъ сосиски. — 23. Почталіонъ и градской стражъ. — 24. Разнощица Календарей и Журналовъ — 25. Разнощикъ бюстовъ. — 26. Разнощикъ ваксы. — 27. Разнощикъ посуды. — 28. Разнощикъ сапоговъ и башмаковъ. — 29. Разнощикъ съ карзинами. — 30. Разнощикъ съ книгами и сочинитель. — 31. Разнощикъ съ цвѣтами и госпожа. — 32. Рыбакъ и разнощикъ дичи. — 33. Саешникъ. — 34. Стекольщикъ и Конопатчикъ. — 35. Торговка и еврей. — 36. Торговка и щеголекъ. — 37. Хлѣбникъ. — 38. Чухонецъ продаетъ масло. — 39. Шарлатанъ и Школьникъ. — 40. Ямщикъ и пирожникъ. — Въ собраніи Е. И. Тевяшова имѣется лишній листъ съ № 10, разнощикъ фруктовъ; у него же нѣкоторые изъ выше описанныхъ листовъ имѣются въ отпечаткахъ, до подписи, съ одними нумерами. Въ томъ же собраніи, а также и у Е. Е. Рейтерна имѣется 41-й листъ «Масленица на Невѣ».

41. «О ОБЩЕСТВЕННОМЪ ПРИЗРѢНІИ ВЪ РОССІИ. СПБ. 1818 — 4°. Лит. заголовокъ, съ виньеткой, изобр. Мудрость. Подпись Венеціанова.

ИВАНОВЪ.

Отдѣльные листы.

1. ВЕЛЛИНГТОНЪ.

Съ подписью Иванова по французски.

2. ИЗГНАНІЕ ИЗЪ МОСКВЫ НЕПРІЯТЕЛЯ отрядомъ легкой кавалеріи подъ командой ген.-маіора Иловайскаго 4-го, Октября 10-го 1812 года.

Съ подписью Иванова.

3. РАЗБИТІЕ НЕАПОЛИТАНСКАГО КОРОЛЯ МЮРАТА при селеніи Дмитровскомъ.

Собко. Словарь рус. художниковъ.

4. СЦЕНА ПОСЛѢ ЛЕЙПЦИГСКОЙ БАТАЛІИ.

Князь Шварценбергъ поздравляетъ государей съ побѣдой 6 октября 1813 г.

5. ВИДЪ ВВЕЗЕНІЯ ТѢЛА КН. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА 11 іюня 1813 года.

Съ подписью Иванова.

6. ВОЗВРАЩЕНІЕ СПБ. ОПОЛЧЕНІЯ на Исаакіевскую площадь 12 іюня 1814 г.

Съ подписью Иванова по французски.

7. ПРИБЫТІЕ АЛЕКСАНДРА I ВЪ КАЗАНСКІЙ СОБОРЪ.

Безъ подписи.

8. АЛЕКСАНДРЪ I ПРИ МОНМАРТРѢ 1814 г., соч. рис. грав. художникъ перспективы Иванъ Ивановъ.

9. ВИДЪ ТРІУМФАЛЬНЫХЪ ВОРОТЪ, воздвигнутыхъ въ честь Россійской Императорской Гвардіи и торжественное ея въ шествіе въ СПетербургъ, въ Іюле 31-го 1814 года.

10. ВИДЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ БАШНИ на Невскомъ проспектѣ, снятъ отъ Гостиннаго Дворя.

11. ВИДЪ МОНУМЕНТА ПЕТРА ВЕЛИКАГО съ окресностями.

12. ВИДЪ НОВОЙ БИРЖИ ВЪ С.П.БУРГѢ.

13. ВИДЪ МАРСОВА ПОЛЯ съ обелискомъ Румянцова.

14. ВИДЪ ДВОРЦОВОЙ НАБЕРЕЖНОЙ, Адмиралтейства и Новой Биржи, снятъ отъ Крепости.

15. С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ АССИГНАЦІОННЫЙ БАНКЪ. (La Banc Imperial).

Послѣдніе семь листовъ безъ всякихъ подписей; весьма вѣроятно, однако же, что они гравированы И. Ивановымъ, — рисованы же они или тоже имъ, или Тере-

беневымъ, подписавшимъ свое имя только на упомянутомъ въ числѣ его работъ видѣ Аничковскаго Дворца. Всѣ они у Ровинскаго не значатся. — Ему, очевидно, не попадались и нѣкоторые листы, подписанные Ивановымъ и приведенные ниже. Всѣ Ивановскіе виды гравированы контуромъ и раскрашены, съ подписями на русскомъ и французскомъ языкахъ. Они рѣдки и цѣнны.

16. ВИДЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЗИМНЯГО ДВОРЦА въ С.П.Бургѣ.

Этотъ листъ, изображающій парадъ на Дворцовой площади, подписанъ Ивановымъ (по Ровинскому) только по французски (dessiné et gravé). Мнѣ попадались листы безъ всякихъ подписей.

17. ВИДЪ СЕННОЙ ПЛОЩАДИ въ С. Петербургѣ, рис. и грав. въ контурахъ И. Ивановъ.

18. ВИДЪ СПБ. БИРЖИ и ея окрестностей, рис. и грав. Ивановъ.

Съ одною французскою подписью.

19. ВИДЪ Ст. П. БУРГСКАГО ГЛАВНАГО АДМИРАЛТЕЙСТВА, рис. съ натуры и грав. Иванъ Ивановъ 1814.

20. ВИДЪ СОБОРА КАЗАНСКІЯ БОГОМАТЕРИ, рис. съ натуры и грав. Иванъ Ивановъ 1814.

21. ВИДЪ ЦАРИЦЫНСКАГО ЛУГА изъ Верхняго саду, рис. съ натуры и грав. Иванъ Ивановъ 1814.

22. ВИДЪ ГОСТИНАГО ДВОРА въ С.П.бургѣ. С.П.Б. 1815, рис. съ натуры и грав. И. Ивановъ.

23. ВИДЪ КРЕСТОВСКАГО ОСТРОВА. рис. съ натуры и грав. И. Ивановъ СПБ. 1815.

24. ВИДЪ ЦЕРКВИ ВЛАДИМІРСКІЯ БОГОМАТЕРИ въ С:П:Бургѣ, рис. съ натуры и грав. Иванъ Ивановъ 1815.

25. ВИДЪ НЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ. СПБ. 1815, рис. съ натуры и грав. И. Ивановъ 1815.

26. ВИДЪ АЛЕКСАНДРО-СВІРСКАГО МОНАСТЫРЯ, рис. съ натуры и грав. (рѣзцомъ) И. Ивановъ.

27. ВИДЪ ПАРАДНОЙ ЛѢСТНИЦЫ въ Академіи Художествъ, грав. очеркомъ.

28 — 30. БЕСѢДА МѢЩАНЪ, ИГРАКИ И РИФМАЧЪ (см. Теребеневъ).

Играки. (Стр. 168 и 174, №№ 4 и 28 — 30).

31. РАТНИКЪ МОСКОВСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

Рѣдкій листъ, не поименованный у Ровинскаго.

32. СЛАВА РОССІИ.

Имп. Александръ I съ аллегорическимъ изображеніемъ Россіи и Кутузова въ образѣ Михаила Архангела. 1816. Грав. А. Грачевымъ (Собко. Словарь); у Ровинскаго въ числѣ работъ Грачева не значится.

33. ПЕРЕВОЗЪ ТѢЛА ИМП. АЛЕКСАНДРА I въ Москвѣ 1826.

Книжная иллюстрація.

1—4. ФИНГАЛЪ ОЗЕРОВА. 1808.

Четыре картинки: 1. Фроптиспись. 2. Какую смерть о Бардъ... 3. я здѣсь не въ первый разъ. 4. ...разите. Рис. Ивановъ, грав. А. Ухтомскій.

5. БАСНИ И СКАЗКИ ХЕМНИЦЕРА. 1811.

Портретъ Хемницера, рис. Ивановъ, грав. А. Ухтомскій.

6. АКТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ до новаго образованія И. П. Библіотеки. 1812.

Посѣщеніе И. П. Библіотеки Импер. Александромъ I. Рис. Ивановъ, грав. лависомъ и акватинтой А. Ухтомскій.

7—14. ЖИЗНЬ И ВОЕННЫЯ ДѢЯНІЯ КУТУЗОВА. Ф. Синельниковъ 1813—1814.

1. Портретъ Кутузова. 2. Планъ штурма Измаила. 3. Атака на турецкую армію. 4. Смотръ передъ Бородиномъ. 5. Сраженіе при Красномъ. 6. Свиданіе Александра съ Кутузовымъ. 7. Катафалкъ съ гробомъ Кутузова. 8. Ввезеніе его тѣла въ Петербургъ. Рис. и грав. Ивановъ.

15—25. БАСНИ КРЫЛОВА. 1815.

1. Виньетка на грав. загл. листѣ, изобр. сфинкса, щитъ съ головой Медузы, копье, лира, шлемъ, и сова. 2. Мудрость, указывающая отроку на статую Истины. 3. Три купидона, изъ которыхъ одинъ пугаетъ маской двухъ другихъ. 4. Ворона и курица. 5. Квартетъ. 6. Котъ и поваръ. 7. Оселъ и соловей. 8. Орелъ и паукъ. 9. Ручей. 10. Безбожники. 11. Демьянова уха. Рис. Ивановъ, грав: 1, 2, 7 и 11—М. Ивановъ, 3, 5 и 8—Г. Кулибинъ, 4, 6 и 10—С. Галактіоновъ и 9.—А. Петровъ.

26. СТИХОТВОРЕНІЯ ЖУКОВСКАГО. 1815.

Виньетка изобр. статую Мемноны. Рис. Ивановъ, грав. М. Ивановъ.

27 — 28. ОПЫТЪ О ПРИДѢЛКАХЪ... къ статуѣ Купидона. — А. Оленинъ. 1815.

Двѣ гравюры съ подписью «I. Ivanow fec». и I. Ivanow del. et sculp.». 1. Купидонъ съ лукомъ. 2. Листъ съ тремя изображеніями: черкесъ съ лукомъ и два купидона. Грав. карандашной манерой и акватинтой.

29. СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА. 1816, ч. 1.

Бюстъ Имп. Александра I, съ Демута-Малиновскаго. Рис. и грав. Ивановъ.

30 — 44. ОПЫТЪ О ПРАВИЛАХЪ МЕДАЛЬЕРНАГО ИСКУССТВА. А. Оленинъ. 1817. — Въ листъ.

15 медалей по проектамъ Оленина. Въ предисловіи сказано, что «очертанія гравированы И. Ивановымъ, а наведены лависомъ А. Г. Ухтомскимъ. Медали эти слѣдующія: I. — За вѣру царя и отечество 1812. II. — Бородино — Москва. III. — Москва, Вязьма, Торутино, Малый Ярославецъ 1812. IV. — Москва 1812. V. — за вѣру, царя и отечество 1812. Немень (на изгнаніе враговъ). VI. — Кульмъ 1813. VII. — Рейнскій союзъ 1813; первыя отпечатки прежде цифры VII. VIII. — rhenus 1813. IX. — brienne X. — fere champenoise 1814. XI. — montmartre belleville XII. — ludovico XVIII dagoberti 1814. XIII. — вѣрѣ, царю и отечеству 1812. XIV. — Тройственный союзъ. XV. — Миръ (на грав. загл. листѣ).

45 — 47. СОЧИНЕНІЯ ЖУКОВСКАГО. 1817.

Три заглавныхъ листа, по одному къ каждой изъ частей. 1. Пьедесталъ съ двуглавымъ орломъ, по бокамъ двѣ музы. 2. Старецъ въ чалмѣ и юноша, играющіе на мандолинѣ и лирѣ. 3. Уснувшій пѣвецъ, въ небѣ боги и привидѣнія. Рис. И. Ивановъ, грав. М. Ивановъ.

48. СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА. 1817.

Бюстъ Озерова, грав. пунктиромъ съ подписью «I. Ivanow».

49. ТАССОВЫ МЕЧТАНІЯ. 1818.

Виньетка, изобр. генія на загл. листѣ, съ подписью рис. И. Ивановъ, грав. И. Ческій. По всѣмъ вѣроятіямъ Ивановымъ же рисованы и обѣ находящіяся въ этомъ изданіи гравюры внѣ текста.

50. ОПЫТЪ О ВРЕМЕСЧИСЛЕНІИ. Б. В. Штейнгеля 1819.

Виньетка на загл. листѣ, съ фигурами боговъ, рис. Ивановъ и грав. И. Ческій.

51 — 54. ИДИЛІИ ПАНАЕВА. 1820.

Четыре картинки. 1. Виньетка, изобр. алтарь передъ бюстомъ Фавна. 2. Мечтатель. 3. Зимній ландшафтъ. 4. Сыновняя любовь. Рис. Ивановъ, грав. Ческій.

55 — 56. ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ РУССКАГО ОФИЦЕРА. 1820.

1. Виньетка на загл. листѣ. 2. Разстрѣляніе французами Энгельгардта въ 1812 году. Рис. Ивановъ, грав. И. Ческій.

57. РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА. А. Пушкинъ. 1820.

Фронтисписъ аллегорическаго содержанія. Рис. И. Ивановъ, грав. М. Ивановъ.

58—59. БАСНИ И СКАЗКИ ХЕМНИЦЕРА. 1820.

1. Портретъ Хемницера. 2. Зеленый оселъ. Рис. И. Ивановъ, грав. Д. Ивановъ и С. Галактіоновъ.

60—62. СТИХОТВОРЕНІЯ ВОСТОКОВА. 1821.

1. Летящая женщина — фантазія. 2. Юноша, надъ которымъ женщина держитъ свѣтильникъ — поэзія. 3. Богъ и богиня, летящіе въ воздухѣ. Рис. Ивановъ, грав. первыя двѣ картинки — М. Ивановъ, а послѣднюю И. Ческій.

63. ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ. В. Жуковскаго. 1822.

Виньетка, рис. Ивановъ, грав. А. Ухтомскій.

64—65. ПРОЗА И СТИХИ ФИЛИМОНОВА. 1822.

Двѣ виньетки, по одной на каждомъ изъ заглавныхъ листовъ. 1. Геній смерти. 2. Сатурнъ и Амуръ въ лодкѣ. Рис. Ивановъ, грав. И. Ческій.

66—70. ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КИТАЙ. Тимковскій. 1824.

1. Виньетка, изобр. переправу черезъ рѣку. 2. Манжуръ. 3. Манжурка. 4. Монголъ. 5. Статуя Шингемуни, грав. А. Ухтомскимъ. (Собко. Словарь).

71—74. ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА. 1824.

1. Водопадъ къ стихамъ Державина. 2. Борьба Ермака съ Мегметомъ. 3. Вадимъ (Жуковскаго) 4. Кавказскій плѣнникъ. Рис. Ивановъ, грав. первую картинку — Ческій, вторую — М. Ивановъ, и третью и четвертую (послѣднюю при участіи Ческаго) — Галактіоновъ.

75—77. БАСНИ КРЫЛОВА. 1825.

1. Виньетка на заглав. листѣ. 2. Фортуна и нищій. 3. Оселъ и мужикъ. Рис. И. Ивановъ, и грав. С. Галактіоновъ.

78. ПУТЕШЕСТВІЕ БОРОЗДИНА. 1828.

Четыре тома путешествія съ рисунками Иванова хранятся въ Имп. пуб. библіотекѣ (Библіогр. листки Кеппена 1825, стр. 455; труды перваго археологическаго съѣзда, т. I. Отчетъ Ак. Наукъ за 1848 г.). Ивановъ былъ командированъ къ Бороздину въ качествѣ художника, на путешествіе же самого Бороздина было выдано Государемъ пособіе. Путешествіе это, повидимому, издано не было.

79—86. СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА. 1828.

Восемь виньетокъ и картинокъ: 1. Поликсена. 2. Поликсена возбуждающая воиновъ. 3. Дмитрій Донской, виньетка. 4. Дмитрій Донской — картинка. 5. Фингалъ. 6. Валькирія. 7. Эдипъ въ Аѳинахъ, фуріи и громы. 8. Эдипъ въ Аѳинахъ, заголовокъ. Рис. И. Ивановъ, грав. М. Ивановъ, кромѣ картинки къ Дмитрію Донскому, грав. Ческій.

87. ДЕБОРА. УБІЙЦА ТРЕПЕЩИ... 1832.

Виньетка. Рис. Ивановъ, грав. А. Ухтомскій. (Ровинскій).

88. РАЗСКАЗЫ МОЕГО ОТЦА. Пушкаревъ. 1836.

Виньетка на загл. листѣ, рис. И. Ивановымъ и грав. М. Ивановымъ.

89. ТОРГОВЫЙ АДРЕСНЫЙ КАЛЕНДАРЬ. 1836.

Виньетка, изобр. Меркурія. Рис. Ивановъ, грав. И. Фридрици.

90—92. ПУТЕШЕСТВІЕ КАПИТАНА БИЛЛИНГСА. Атласъ.

Двѣ фигуры Камчадаловъ. Рис. Ивановъ, грав. И. Ческій. (Собко. Словарь).

Рис И Ивановъ *Гр. М. Ивановъ*

ОГЛАВЛЕНІЕ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

Цифры, поставленныя послѣ наименованія иллюстрацій, указываютъ на номера «Списка карикатуръ».

1. Внѣ текста

		Стр.
1.	Французскій вороній супъ, иллюстрація въ краскахъ, на обложкѣ	—
2.	Французскій вороній супъ, иллюстрація въ краскахъ 231	6—7
3.	Усердная поставка рекрутъ 221	11
4.	Оправданіе Наполеона 143	21
5.	Карантинъ 75	27
6.	Ретирада фр. конницы, иллюстрація въ краскахъ 177	32—33
7.	Наполеонъ занимается прожектами 107	39
8.	Русскій Сцевола 122	44—45
9.	Изгнаніе французскихъ актрисъ 58	63
10.	И на нашей улицѣ праздникъ 62	71
11.	Хлѣбосольство отличная черта 244	79
12.	Наполеонъ формируетъ армію 130	87
13.	Русскій Курцій 186	93
14.	Благоразумная ретирада, иллюстрація въ краскахъ 7	104—105
15.	Смотръ французскимъ войскамъ 198	113
16.	Зимнія Наполеоновы квартиры 54	119
17.	Консиліумъ, иллюстрація въ краскахъ 83	126—127
18.	Кукольная комедія 91	133
19.	Освобожденіе Европы 144	139
20.	Торжественный въѣздъ въ Парижъ 212	147
21.	Дѣятельность француженки въ магазинѣ 46	155
22.	Французскій магазинъ помады и духовъ 233	163
23.	Рифмачъ читаетъ свои стихи	169
24.	Играки	175

2. Въ текстѣ

1.	Вывозъ рѣдкостей. Теребенева 35	7
2 и 3.	Подарокъ дѣтямъ. Азбука Теребенева 150	9
4.	Тоже. Виньетка на футлярѣ 150	15
5.	Французскій воякеръ. Теребенева 232	17

6. Наполеонъ... грибъ съѣлъ. Теребенева 106 19
7. Карнавалъ Теребенева 76 24
8. Пастухъ и волкъ. Теребенева 146 30
9 и 10. Подарокъ дѣтямъ. Азбука. Теребенева 150 31
11. Угощеніе Наполеону. Теребенева 218 34
12. Разрушеніе всемірной монархіи. Теребенева 114 36
13. Военное одѣяніе французской гвардіи. Богучарова 25 42
14. Бивакъ французскихъ войскъ. Богучарова 6 47
15. Носъ, привезенный Наполеономъ. Теребенева 137 49
16. Наполеонъ въ банѣ. Теребенева 122 51
17. Мыльные пузыри. Теребенева 96 52
18. Заведеніе флота. Барельефъ Теребенева 53
19. Концовка изъ французской книги 54
20. Французскій парикмахеръ. Венеціанова 235 57
21. Волшебный фонарь. Венеціанова 58
22. Тоже 59
23 и 24. Подарокъ дѣтямъ. Азбука. Венеціанова 150 60
25. Волшебный фонарь. Венеціанова 62
26. Подарокъ дѣтямъ. Азбука. Венеціанова 150 67
27. Волшебный фонарь. Венеціанова 68
28. Тоже 69
29 и 30. Тоже 70
31. Концовка 74
32. Котъ и поваръ. Басни Крылова 1815 г. Виньетка Иванова . . 77
33. Амуры. Тоже 82
34. Ворона и курица. Тоже. Картинка внѣ текста 84
35. Подарокъ дѣтямъ. Азбука. Неизвѣстнаго мастера, 150 86
36 и 37. Тоже. Верхняя виньетка Иванова; нижняя — неизвѣстнаго мастера, 150 91
38. Портретъ Востокова изъ подлинныхъ писемъ Иванова 95
39. Подарокъ дѣтямъ. Азбука. Виньетка на футлярѣ 96
40. Концертъ. Басни Крылова 1815 г. Виньетка Иванова 98
41. Виньетка неизвѣстнаго мастера 99
42. Силуэтъ, работы графа Ѳ. Толстого 105
43. Виньетка Иванова изъ Басенъ Крылова 1825 г. 107
44. Силуэтъ, работы графа Ѳ. Толстого 108
45. Барельефъ, работы Теребенева на Адмиралтействѣ 168
46. Демьянова уха. Басни Крылова 1815 г. Виньетка Иванова . . 180

Заглавный листъ рис. Е. Е. Лансере.

Обложка рис. А. Лео.

ОТПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ - СИРІУСЪ - СПБ. РЫНОЧНАЯ УЛ., 10, ВЪ МАРТѢ 1912 Г.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Русскія иллюстрированныя изданія. Спб. 1898.

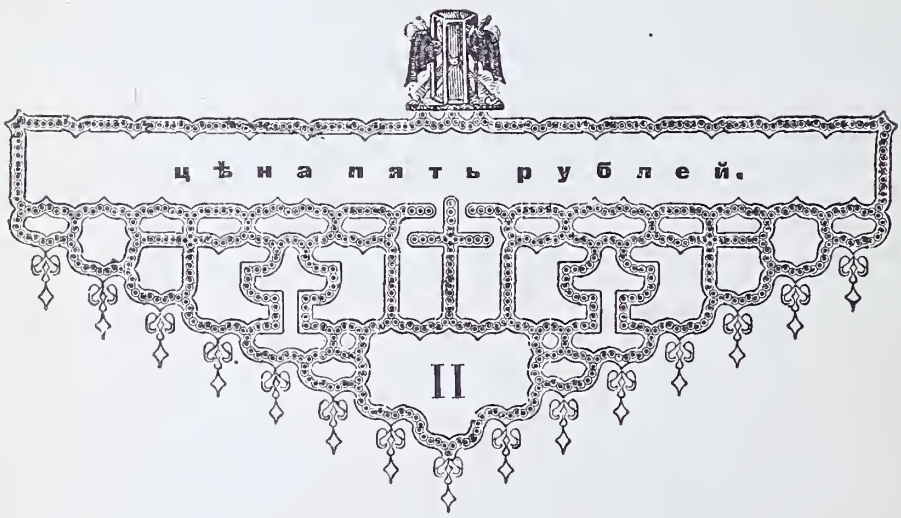
РАСПРОДАНО.

Русскій книжный знакъ. Спб. 1902.

РАСПРОДАНО.

I. Русская Карикатура. В. Ф. Тиммъ. Спб. 1911.

Ц. 3 р. 50 к.


цѣна пять рублей.
II

GETTY CENTER LIBRARY
3 3125 00758 4218